

УРАЛЬСКИЙ

ледотыт

3

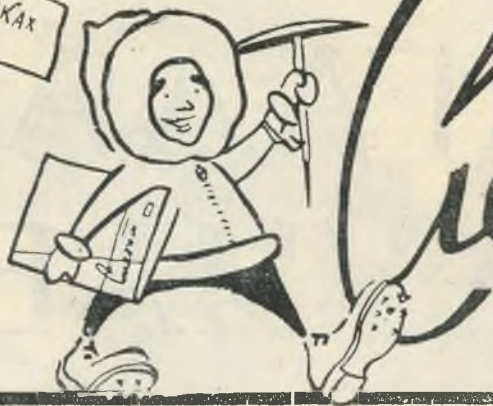
1961

Студентки.

Фото. В. Дианова.

ПРИБЛЮЧЕНИЯ И ФАНТАСТИКА
 О ГЕРОЯХ
 РАССКАЗЫ БЫВАЮЩИХ ЛЮДЕЙ
 ЗЕМЛЯКАХ
 СОВРЕМЕННИКОВ
 ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ
 УРАЛ ВЧЕРА, СГОДНЯ, ЗАВТРА
 КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ
 СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

3

МАРТ

1961

БРИГАДА ПОЛУЧАЕТ ПЯТЬ. Репортаж с Нижне-Тагильского металлургического комбината Б. Путилова. ♦ ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ♦ ТОВАРИЩ ДУНЯ. Воспоминания участника гражданской войны на Урале, члена КПСС с 1917 года М. Голубых. ♦ ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ. К столетию со дня смерти Т. Г. Шевченко. Очерк Л. Большакова. ♦ БЕСПОКОЙНЫЙ СОСЕД. Стихотворение И. Курлата. ♦ ЗАГАДКИ БАШКИРИИ. Заметки доктора геологических наук профессора Г. Вахрушева. ♦ ВЫСТРЕЛ НАД ОБРЫВОМ. Очерк Б. Мильмана и Е. Слехова. ♦ БУХТАРМИНСКАЯ ИСТОРИЯ. Рассказ К. Боголюбова. ♦ ПЯТЬ ИЛИ ШЕСТЬ? Окончание приключенческой повести В. Очеретина. ♦ НА ВЫСОТЕ. Рассказ, присланный на конкурс Т. Седыкиным. ♦ РАССКАЗЫ У КОСТРА. ♦ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ. ♦ ГАЗЕТА СЛЕДОПЫТА. ♦ КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛЕДОПЫТА.

Свердловское Книжное Издательство

БРИГАДА ПОЛУЧАЕТ ПЯТЬ

Репортаж

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПЛАН

Шло заседание Свердловского совета народного хозяйства.

На сосредоточенные лица людей, сидевших за длинным столом, сквозь белые шторы падал яркий свет зимнего дня. А человек на трибуне оставался в тени, и только звездочка на лацкане его черного пиджака сверкала золотым лучиком.

Совет слушал доклад о семилетнем плане одного из крупнейших в стране металлургических предприятий — Нижне-Тагильского комбината.

Но, позвольте... Почему докладчик говорит о школах и институтах, об учителях, учебных программах, производственной практике?.. Может быть, вопрос заменили, и докладывает представитель ведомства просвещения или профессионального образования?

Нет, доклад непосредственно касался увеличения производства руды и известняка, кокса и чугуна, стали и проката.

Речь шла о поисках резервов, резервов несколько необычных, но чрезвычайно важных.

Новая техника, автоматика и электроника требуют более высокого уровня знаний. Вот почему тагильские металлурги решили так организовать учебу рабочих, чтобы к 1966 году на комбинате не осталось ни одного человека, не имеющего семилетнего образования. А места у пультов управления мартенами, прокатными станами, электровозами, экскаваторами и другими машинами займут специалисты с аттестатами зрелости, с дипломами инженеров и техников.

— Что это нам даст? — голос докладчика звучал глуховато, с простудной хрипотцой.— Это даст умелые, образованные, сильные кадры рабочих. Овладев современной техникой, они получат металла вдвое, втрое больше, чем сейчас!

— А что нам для этого нужно? — Докладчик остановился, видимо еще раз обдумывая уже сделанные подсчеты.— Нужно, чтобы в течение семилетки за парты село несколько тысяч человек.

Об этом невольно вспоминаешь, когда смотришь как по черным, очищенным от заледенелого снега асфальтовым дорожкам движется шумный людской

...Смена закончена. Можно и перекурить, а заодно и подвести итоги. Сталевар доволен. Сегодня Первый секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев сердечно поздравил с выдающимися трудовыми достижениями новаторов производства — бригады сталеваров Ю. Зашляпина, Т. Образцова, Я. Кальниченко и Ю. Плосконенко и пожелал им новых успехов в этом году. На снимке (слева направо) подручный Юрий Зазулин, Александр Вдовин, сталевар Яков Кальниченко, Александр Паньков.

поток. На комбинате закончилась смена. И вдруг бросается в глаза характерная деталь: почти у всех в руках — книги, тетрадки. Кончив рабочий день, металлурги идут учиться.

В двадцати пяти общеобразовательных школах, в двух школах мастеров, в

нескольких техникумах и институтах учатся сталевары, прокатчики, горняки. Число металлургов, взявших в руки учебники, растет с каждым годом.

В 1958 году их было три тысячи.

В нынешнем учебном году дошло до девяти тысяч.

Это и есть практическое выполнение еще одного семилетнего плана, о котором докладывал совнархозу директор комбината: плана общеобразовательного и технического роста рабочих.

И, как всегда, в запевалах — бригады коммунистического труда.

Об одной из них и хочется рассказать.

ЯКОВ КАЛЬНИЧЕНКО, СТАЛЕВАР

Первое впечатление — самое сильное впечатление.

Мне приходилось бывать в мартеновских цехах, но то, что увидел сейчас, было ни с чем не сравнимо. На одной стороне гигантского пролета выстроились в ряд огромные печи. Пламя их, скрытое за толстыми кирпичными стенами, лишь на мгновения вырывалось ослепительными языками из круглых окошек. Но по мерному гулу, по жару, который лизал лицо, чувствовалось, что там, в чреве этих огнеупорных бронированных котлов, клочечет раскаленная лава металла.

Двигались со звоном электровозы, подвозя чугун и лом, бесшумно плыли по широко расставленным рельсам, вытягивая и втягивая свои хоботы, завалочные машины. И такими маленькими казались люди у печей.

Но первое впечатление — не всегда верное впечатление.

Прохожу дальше и вижу, что в конторке, у окна, стоит горбоносый стройный человек в суконной расстегнутой на груди куртке. За его спиной блестят стекла множества приборов. Вот он поворачивает рукоятку на панели — пламя в печи вспыхивает ярче. Поворачивает следующую рукоятку. Вижу, как одна за другой поднимаются заслонки, и завалочная машина, вытянув хобот, засыпает в огненное нутро печи известняк.

— Порядок, — говорит человек, и я понимаю, что он не маленький слуга печи, а большой хозяин в этом гудящем хаосе огня и металла...

— Кальниченко, сталевар, — он протягивает жесткую, как дерево, ладонь. — Рассказать о нашей бригаде? Как она учится? Можно. Только сейчас недосуг — плавка в самом разгаре. Приходите завтра ко мне, поговорим...

Он называет адрес и, натянув на лоб когда-то белую фуражку с черными очками, привязанными проволокой к козырьку, бежит к печи.

Я вижу над дверью конторки, где только что стоял мой новый знакомый, табличку:

«Печь № 14. Здесь работает коллектив коммунистического труда».

...На другой день я нажимаю кнопку у двери, на которой висит почтовый ящик с надписью: «Корреспонденция Кальниченко». Открывает маленькая изящная женщина.

— Дома, дома, — улыбается она, — проходите...

Прохожу в комнату и наталкиваюсь на коляску, в которой валетом лежат два совершенно одинаковых глазастых младенца.

— Наши двойняшки, — говорит женщина, — Олег и Игорь. Да вы проходите. Сейчас Игоря накормлю, и мы пойдем гулять...

С дивана встает хозяин и опять со страшной силой давит мне руку.

— Вот химию, бес ее заberi, мучаю, — смущается он. — Завтра занятия в школе мастеров. Третий курс измором беру.

Насчет измора он шутит. Я был на другой день в школе. Группа, где занимается Кальниченко, знаменитая. В ней учатся Герой Социалистического Труда Анатолий Морогов, известные сталевары-скоростники Бусыгин и Валеев. И Яков Кальниченко — «среди бойцов не из последних удалцов». Он быстро и точно писал на доске химические формулы, толково рассказывал о видах нормирования. Там же я узнал, что в прошлом году параллельно со вторым курсом школы мастеров Яков закончил семилетку.

Между тем молодое поколение Кальниченко собирается в путь: двухместная коляска, занимая половину лестницы, спускается вниз, на улицу.

Кальниченко возвращается на свой диван и, не ожидая вопросов, говорит:

— Прежде всего — о нашей печке. Четырнадцатая — сейчас лучшая печь в цехе. Автоматика работает, как часы. Плавки, ясно, скоростные. И стали снимаем порядком: были дни, по тринадцать — пятнадцать тонн с квадратного метра пода брали. Вы сравните, — Яков покопался в каких-то своих записях, —

Вот. В Западной Германии средний съем с метра — пять целых три десятых, в США — шесть тонн. А у нас более одиннадцати. Нет, добрая у нас печка. Чтобы на ней работать — опыта одного мало...

Кальниченко говорит о разных марках стали, о технологии их плавки, об окислителях, об автоматах и механизмах, которые все больше заменяют тяжелый труд людей у огня. И мне кажется, что разговаривает со мной не простой сталевар, который еще десять лет назад растерянным деревенским паренком ходил, «разинув очи», по мартеновскому цеху Магнитки, а инженер-металлург. Только вместо инженерного у него другой диплом — руководителя бригады коммунистического труда. И на обложке этой синей книжицы — слова Ильича: «Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, использующих передовую технику рабочих...»

— Но хватит о металлургии, — неожиданно заканчивает он. — Вы на аккордеоне играете?

— Нет, к сожалению.

— Тогда придется меня послушать, пока хлопцев нет... — Яков снимает со шкафа блестящий перламутром аккордеон, забрасывает ремни за спину и берет первый аккорд. Сильная, глубокая мелодия старой украинской песни заполняет комнату.

ТРЕТЬЕКЛАСНИКИ

Яков Кальниченко — сталевар. Александр Степанович Вдовин — его правая рука, первый подручный. Хотя возраст его приближается к сорока, он хорошо помнит свое детство.

Он помнит отца, широкими усталыми шагами идущего с рудника. На плече у отца небрежно висит обушок, гладкая отполированная ручка которого в такт шагам бьется о ремень. Этот широкий солдатский ремень не раз гулял по худым Сашкиным ягодицам, когда он получал колы и двойки. А такого добра у Сашки хватало. Он помнит мрачное высокое здание. По звонким коридорам его, завешанным лозунгами о третьей пятилетке и схемами мартеновских печей, бежал он, Сашка-ремесленник, будущий сталевар. Он помнит себя, когда, сбросив

рукавицы, с двух ударов разбил летку, и из печи, ослепив его, потекла тонкая спервоначалу струйка стали.

— Едрена-зелена, — удивленно сказал мастер. — А из этого заморыша выйдет добрый сталевар.

— Но сталевар из меня, видно, так и не получится, — говорит Вдовин. — Грамотешки не хватает...

Только что закончилась смена. Вдовин работал в самом горячем месте, на своде печи. Пот струится по его лицу, он

Яков Кальниченко у пульта управления мартеновской печи.

...Эти двое сталеплавильщиков недавно встретились у мартеновской печи. Комсомолец Юрий Зазулин (справа), закончив десятилетку, учился в техническом училище при комбинате. Первый подручный Александр Степанович Вдовин в мартене работает двадцать лет.

залег капельками в морщинах под глазами, длинными белыми полосами соли выступил на грубой полотняной рубахе.

— Так, наверное, и на пенсию уйду первым подручным,— смеется он, когда мы по длинному коридору идем к душевой.— Да я в сталевары и не рвусь. Только вот что обидно. Ребят у печки приходится учить, десятиклассников там,

практикантов из института. Практику-то я им как надо показываю, а в теории кладут они меня на обе лопатки. Поэтому и решил нынче идти учиться.

— В какой класс?

— Да в какой... в третий.

— Что-о?

— В третий,— серьезно повторил Александр Степанович, повернув ко мне

свое широкое курносое лицо.— До войны пять классов кончал, да забылось все — решил повторить. И учусь. И ничего. А ведь двадцать пять лет учебники и тетради в руках не держал... Да вы приходите вечером к нам в школу. Учительница, брат, замечательная, Полина Павловна. С нами, как с малыми детьми, возится. И знаете,— Вдовин уже опять улыбается,— очень интересно учиться.

И вот школа.

Мой сосед по парте Александр Степанович Вдовин склонился над тетрадью. Жесткие пальцы, сжав ручку и чуть дрожа от напряжения, выводят слова. Я открываю его тетрадь по арифметике: сплошные пятерки.

Звенит звонок.

Мы выходим в коридор. Открывая пачку «Казбека», Александр Степанович говорит:

— Обо мне, брат, писать нечего. Я человек устаревший. Ты о наших парнях напиши, о вторых подручных. Работают, как львы, и дорожки им в жизнь все открыты. Да... дорожки,— Вдовин задумывается.— А здесь надо писать же, хотя слышится ше. Правильно?

ПРАВИЛЬНО, РЕБЯТА!

В бригаде их четверо.

Сталевар. Первый подручный. И два вторых подручных — Александр Паньков и Юрий Зазулин.

Их четверо в бригаде. Но у печи это один человек. Умный, быстрый, сильный. И любо смотреть, как они работают, без слов понимая друг друга. Опыт Кальниченко и Вдовина в сочетании с юношеским задором Зазулина и Панькова дают сплав чудесной силы.

Об Александре и Юрии я думал написать больше всего. Но сейчас, листая блокнот, вспоминая наши разговоры,— честное слово, теряюсь: о них, вроде, и говорить нечего — обычные для миллионов юношей нынешнего поколения биографии.

Десятилетка.

Техническое училище.

Мартеновский цех.

И мечта у них одна: осенью поступить в институт. И чтобы поступить наверняка, они ходят сейчас на подготови-

тельные курсы, созданные здесь же, на комбинате. Три раза в неделю, сидя за одной партой, они снова и снова учат математику, физику, химию, пишут сочинения.

И все-таки они очень разные, эти два парня. Паньков хочет быть инженером-металлургом. Юрий не пошел в прошлом году сдавать экзамены:

— Раздумал, на металлурга учиться не хочу.

— Почему? Не нравится работа?

— Нет. Работа хорошая. Три года не трубил бы, если не нравилась. Но учиться хочу в автодорожном. Машины очень люблю!

Попрощавшись, они уходят в аудиторию,— славные, очень правильные ребята, подручные сталевара из первого мартеновского цеха...

Каждую субботу на Нижне-Тагильском металлургическом комбинате проходит директорский рапорт. Начальники цехов докладывают директору комбината о делах за неделю. А в конце каждый из них говорит об учебе своих рабочих.

— Докладывает начальник первого мартеновского... Идем с опережением графика. Держат подъездные пути. Просим нажать на строителей.

— С учебой как?— спрашивает директор.

— Из всех начавших учиться в школах, институтах и техникумах бросили трое — ушли в армию. Остальные не сдаются!

Б. ПУТИЛОВ

Фото В. Дианова

Нижний Тагил

Сейчас на предприятиях индустриального Урала все шире разворачивается соревнование в честь предстоящего XXII съезда КПСС.

Бригада Якова Кальниченко решила к съезду выплавить две тысячи тонн стали сверх плана. И это обязательство бригада выполняет успешно.

ЧУДАКИ (АРМАТУРНОГО

Игорь КУРЕНКО

Рисунки В. Яковлева

Кто бывал на Курганском арматурном заводе, тот обязательно слышал про друзей Сергея Прусакова и Леню Ремпеля. О них даже говорят в шутку: одной конструкции, только цвет разный. На самом деле: Леня — белокурый, глаза голубые, лукавые; Сергей — черноволосый, и глаза темные, горячие. Зато в остальном здорово похожи. Рост — сантиметр в сантиметр, оба худощавые, ловкие — под стать своей тонкой, кропотливой работе.

Работа у них на самом деле особенная, точная — разметчики. Они наносят на массивные, до тонн весом детали осевые линии, специальные пометки. А уж по ним станочники устанавливают и обрабатывают эти детали. Дело интересное, да и заработки приличные — меньше чем полтора-ста рублей на брата не приходилось.

Так шло изо дня в день. Одна беда — вечно около их разметочной плиты очередь, даже крановщицы ругаются. Леня и придумал: выбрал деталь попроще и прямо без разметки послал ее на станок. Попробовали — здорово получается!

С этого все и началось. Однажды возвращались друзья домой с завода. Леня весь день какой-то грустный ходил. Сергей даже удивился: и это первый весельчак в цехе! Как-то выехали на пикник за город, Леня такие номера в речке принялся выделывать, что все в траву попадали от смеха. А какие делает фотографии — умора! Где только фотоаппарат прячет! Сделает снимок в самый неожиданный момент, а через день:

— «Мосфильм» кадрик прислал, не узнаете ли себя!

Попытался Сергей расспросить товарища — молчит. Идут, а вокруг земля разворочена, без конца корпуса заводские, трубы дымят, стройки... Ветер, мокрый снег валит, а люди все равно работают. Долго молчал Леня, а потом говорит:

— Слушай, Серега, я тебе скажу сейчас такое — не заснешь сегодня.

Серега сбоку заглянул ему в глаза — нет, не смешливые, грустные глаза.

— Ну!..

— Можно сделать такие приспособления, что они нас с тобой заменят.

— Да ты что!.. Как это!.. — опешил Серега.

— А вот так. Я давно об этом думал, когда ты еще в учениках у меня ходил. На любой детали точки-ориентеры можно найти. А по ним — шаблоны металлические. Приложит станочник шаблон к детали — и порядок.

Замолчали друзья. Идут, думают. Серега не выдержал:

— А нам куда? Как же с работой!

— То-то и оно. — Леня тяжело вздохнул.

— Эх! — Серега задумчиво погладил темные волосы. — Ты меня породил, ты меня и убьешь.

Тут удивился Леня:

— А Тарас Бульба при чем!

— Я к тому, что ты меня своей специальности обучил, а теперь сам же, сам же...

На другой день друзья словно бы забыли о разговоре, работали, как обычно. Краны подавали им громадные детали, а потом уносили их к станкам. Может, весь день так бы и прошел, если не крановщицы — до всего им дело!

Принимают друзья очередную деталь, а Валя — красная косынка — кричит из кабины своего крана:

— Только на вас и работай, разметчики!

На смену ей подкатила на своей высотной машине Зина — голубая косынка — и тоже:

— В трех местах меня ждут, из-за вас не успеваю!

Нахмурился Леня. Бросил инструмент. У Сергея тоже руки опустились. Сидят и молча смотрят друг на друга. Вдруг Леня ушел куда-то. Вернулся с бумагой миллиметровой и карандашом.

— После работы подумаем над приспособлением.

Сказал, а сам смотрит в глаза Сергею: что тот скажет! Усмехнулся Серега:

— Давай.

Самое главное — твердо решить. Долго друзья думали над своим приспособлением. Целый месяц конструировали и мастерили шаблоны. Потом во всех трех сменах учили станочников обращаться с ними. Те вначале никак привыкнуть не могли, все ворчали недовольно: с чего это неразмеченные детали обрабатывать? А вскоре стали работать ничуть не хуже и не медленнее, чем раньше. В цехе стало намного свободнее. Насовсем ушла уйма нелегкой работы.

День, когда Леня Ремпель и Сергей Прусаков поставили крест на своей специальности, был для них и торжественным и печальным. Их видели, как они, грустновато улыбаясь, следили за разметочной плитой, которую за ненадобностью подъемный кран понес куда-то в укромный угол. Все так же улыбаясь, они посмотрели друг другу в глаза, крепко пожали руки и... разошлись. Сергей отправился в деревообделочный цех принимать хозяйство контролера модельного участка, а Леня — в инструментальный, чтобы делать то, что положено ученику-резьбошлифовальщику. Ему предстояло несколько месяцев овладевать новым станком и новой специальностью.

Вот в сущности и вся история. Некоторые считают Леню и Сергея чудаками — сами свою специальность уничтожили. А другие не соглашались и говорят задумчиво:

— Чудаки-то чудаки... Только разные чудаки бывают...

ВРУБОВКА РЕЖЕТ ЛЕД

О шахтерской смекалке

На Егоршинской шахте Буланаш-4 это распоряжение многих озадачило: «Немедленно отправьте врубовую машину вместе с машинистом в Карпинск».

Угольщики недоумевали. Зачем эту чугунную черепаху, стихия которой — подземелье, везти в Карпинск, где уголь добывают в открытых разрезах? Что им там — экскаваторов не хватает!..

...Когда-то на развилке рек Турьи и Лапчи была холмистая, покрытая мелким сосняком местность. Геологи выяснили, что сосняк растет на мощных пластах угля. Здесь появился угольный разрез. Из него добыто уже много миллионов тонн топлива. Разрез углублялся и расширялся.

Хотя речки были небольшими, шахтеров волновало их соседство. Чтобы воды Турьи и Лапчи не прорвались в разрез, их русла устья были взяты в бетонированный канал. Он получил название Турьинского.

Однако время от времени речки все же напоминали о себе. Холодной прошлой зимой они промерзли до дна. А потом наступила дружная весна, она погнала талые воды в затвердевшие русла рек. Мощные водные потоки неслись поверх льда, размывали берега, угрожали разрезу.

Пришлось срочно прорубать в ледяном русле реки траншею для талых вод. Но сделать это оказалось нелегко. Выдолбленные за день небольшие канавки для текущей воды ночью тоже сковывались льдом. Не слишком помогла и взрывчатка. Вот тогда и решили обратиться к врубовой машине.

...Иван Федорович Глов, старейший машинист буланашских шахт, прибыл со своей врубовой ввремя. Машину поставили на специальные салазки. Но как она будет двигаться? В лаве для этого устанавливается специальная стойка — упор, к которой машина сама себя притягивает. А как же на льду?..

Нашелся выход и здесь. В качестве упоры решили использовать... трактор. К нему присоединили канат, и машина начала резать лед, подтягивая себя к идущему вперед трактору. Пройдя по одной стороне, она возвращалась обратно, обрезая другую сторону многометровой ледяной призмы. А уж затем специальный погрузчик убирал лед.

В ледяном русле реки появилась ровная большая траншея. Дорога для весеннего паводка была открыта. Врубовка оправдала надежды угольщиков.

П. КОВЕРДА, инженер

Пос. Буланаш

НА ПЕРВОМ УРАЛЬСКОМ НЕФТЕПРОВОДЕ

Нечасто вы, молодежь, вспоминаете первые пятилетки. А зря, ведь они и принесли Уралу новую, рабочую славу. Только назовешь — Магнитка, Уралмаш, Краснокамск... Да и наш нефтепровод Каспий — Орск не последнее место занимал.

Посмотрите на карту. 847 километров — это и по нынешним временам линия огромная. А тогда — и говорить нечего... Сейчас на таких стройках техники видимо-невидимо: и трубоукладчики мощные, и машины-вездеходы, и сварочные агрегаты. Ну, а нам больше приходилось надеяться на руки. Самым надежным вездеходом был верблюд дяди Гриши — Григория Лукьяновича Озерного.

Работали днем и ночью, в самый зной и сильные морозы. Профессии получали тут же, на трассе. Я связистом стал. И прошагал всю эту трассу пешком, из конца в конец. Чего только не перевидал: и вихри песчаные, и снежные бураны, и нестерпимую жажду.

Помню, тянули мы связь через реку Илек. И как раз ледоход начался. А там, впереди, люди ждут...

— Против природы не пойдешь, — сказал старожил этих мест, словно подсаживая, как перед начальником участка оправдаться.

А у нас не об оправдании забота — начальник сам видел, что речка не на шутку разбушевалась. Другая беда — дело стопорится.

— Против природы, говоришь? — переспросил мой напарник и друг Степан Галата, провожая глазами крупные льдины. — А ты знаешь, какая «природа» у нашего брата, нефтепроводчиков?

Я не сразу понял, к чему он клонит, но перехватил его взгляд. К берегу льдом были прибиты бревна.

— Чем не плот? Верно придумал, Степан!

— Пропадете! — покачал головой дед.

Но когда мы стали вязать плот, оказался тут как тут. Его руки помогли нам управиться с работой побыстрее.

Сколько мы плыли — не знаю. Каждую секунду со всех сторон надвигалась опасность. Только об одном думали: уйти от ледяного тарана, вывернуться.

Мы уже приближались к берегу, когда неожиданно ледяная глыба сбросила Степана и меня в студеную воду.

До земли оставалось метров семьдесят. Но какие это были метры!.. Вода — ровно лед. Одежда будто жестяная стала. А тут еще катушки волоки.

И все-таки добрались. В тот же день, отогревшись, мы начали тянуть линию связи на новом участке нефтепровода...

Всего, что случалось, не перескажешь. Но вот 7 декабря 1935 года, ровно в 8 часов вечера, нефть Эмбинских промыслов, каспийская гостья, пришла в Орск. Неделю спустя выпустил первую продукцию только что построенный здесь нефтеперерабатывающий завод.

Ну, а строители разъехались по всей стране. Многие и сейчас новые нефтепроводы тянут. Есть, наверное, наши люди и среди монтажников нефтепровода Ишимбай — Орск, его строят в нынешнюю семилетку.

Мы со Степаном Галатой остались на эксплуатации нашего нефтепровода. Так и прирос я на всю жизнь к этому месту.

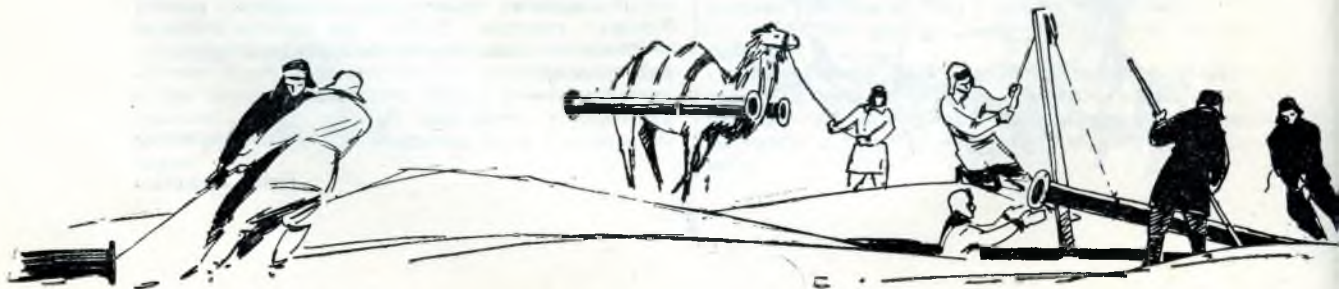
Часто звоню я Степану Галате — он тоже остался на линии, только сейчас уже механиком стал.

— Как дела? — спрашиваю его.

— Нефть идет! — отвечает товарищ моей молодости.

Это главное. Большая дорога «черного золота», золотая наша трасса, — в строю.

П. АНПИЛОГОВ, монтер узла связи

Глазами следопыта

НЕСНЯТЫЕ КАДРЫ

В старом Екатеринбурге было четыре моста через реку Исеть. У каждого свое название: Симоновский, Каменный, Сплавной, Царский. Пятым мостом служила городская плотина. Когда-нибудь напишут историю каждого из мостов, как часть истории города.

Вспомним несколько никем не снятых кадров из прошлого Каменного моста на улице Малышева.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

На каменной тумбе моста висела чугунная надпись: «Построен в 1843 году». Это дата рождения Каменного моста на месте деревянного. Первый каменный мост — отсюда и название. В августе 1948 года мосту выдан советский паспорт. На чугунных перилах эмблема — пятиконечная звезда, колосья, серп и молот — литье завода коммунального хозяйства. Осветительные столбы — каслинское литье. Старое свидетельство сняли и выбросили. А нужно было сохранить его, поместив рядом новый паспорт.

СЕРЫЕ ХАЛАТЫ

Из железных ворот городской тюрьмы выехала подвода. На ней серое тряпье — белье, одеяла, халаты. Лошадью правит женщина — арестантка. Рядом с ней, все время оглядываясь назад, поправляя револьверную кобуру и шашку, сидит усатый в черной шинели надзиратель. За телегой, провожаемые сочувственными глазами редких прохожих, шагают несколько женщин, по-

жилых и молодых, в длинных мешковатых халатах из грубого сукна, в серых платках.

Телега медленно движется к Каменному мосту. Здесь, с правой стороны, прижавшись к нему стоит на сваях продолговатый деревянный сарай-мойка. Внутри, на дощатом полу, покрытом слоем льда, вырезаны проемы, в которых полощут белье. Маленькие заиндевевшие окна почти не пропускают света. Надзиратель выгоняет из мойки женщин-горожанок. За работу берутся арестантки. Стоя на льду на коленях, онемевшими и красными руками женщины полощут груды арестантского серого белья. Кричит и заставляет торопиться надзиратель. Он промерз, хотя все время заглядывает в сторожку, где топится железная печка. Этим пользуются жалостливые горожанки — умудряются передать арестанткам, что нашлось под рукой — медные копейки, кусок хлеба, что-нибудь из своего белья.

Дата: 1912—1916 годы.

БРИТАНСКИЙ ЛЕВ

Красные подходят к Екатеринбургу. В городе суматоха. Интервенты — англичане, два Гемпширских полка, и шотландцы в толстых куртках и в клетчатых юбках, грузятся в вагоны на железнодорожной ветке возле Монетного двора. От его ворот до польского костела улица заполнена оружием, снаряжением, зелеными солдатами, повозками, мулами, лошадьми. Англия на Покровском проспекте! Направление не домой (с победой), а в Сибирь (за поражением).

На Каменном мосту, у въезда, двое часовых. Ноги расставлены на ширине плеч. Тяжелая винтовка театральным жестом отведена от ноги с наклоном вперед. На фуражке желтый британский лев. Когда мы — мальчишки — пробуем бочком-бочком подойти ближе, оба льва лают: «Ноооо», — и угрожают оружием.

Львы удрали заблаговременно. Через день в Екатеринбурге была Красная Армия.

Сейчас по мосту идут троллейбусы, нескончаемый поток машин, тысячи людей — идет новая жизнь. Но иногда полезно вспомнить прошлое, увиденное на Каменном мосту.

Николай ХРУЩЕВ

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Наш край пережил сложную и бурную историю. Памятники ее сохранились повсюду. Вот известняковые скалы над рекой Чусовой — это поднявшееся и измятое в складки морское дно. Легко различить опрокинутые слои отложений; из них выступают окаменелые раковины и другие остатки морских животных. Вот колоссальные глыбы застывшей лавы — горные породы восточного склона Урала (Медведь-Камень, Лисья гора). Они повествуют об извержениях бывших здесь вулканов. На утесах ютятся группы высокогорных и арктических растений, напоминающих об огромном леднике, вдоль которого они росли. На южных склонах пятна степных трав и кустарников говорят о степях, доходивших когда-то до наших мест. Все эти памятники прошлого — интересные музеи, созданные самой природой. С какой любовью, как бережно мы должны их охранять!

Что же происходит в действительности! В окрестностях Верхнего Тагила, на Чещинской горе, еще недавно существовал интереснейший участок хвойно-широколиственного леса; там, рядом с могучими елями, пихтами и кедрами, росли высокие липы и крупный ильм — редкое на восточном склоне Урала дерево, остаток широколиственных лесов прошлого. Все породы достигали необыкновенно крупных размеров. Этот ценный памятник сейчас уничтожен.

В ближайших окрестностях Нижнего Тагила,

около села Горбуново, располагается небольшая, покрытая пихтово-лиственничным лесом горка. Здесь несколько лет назад росла в большом количестве очень редкая, замечательно красивая орхидея калипсо, цветы которой обладают прекрасным ароматом. Свиньи, которых люди пасли в этом лесу, полностью уничтожили эти растения.

На вершине Синей горы (по Серебрянской трассе) разбросаны живописные кварцитовые останцы. Тракт проходил между двумя скалами, образовавшими естественные ворота. Это было одно из красивейших мест в окрестностях Тагила. Но кому-то понадобились камни, может быть, для починки той же дороги. И хотя в камнях у нас недостатка нет, один из останцев был взорван!

Если так будет продолжаться, то недалек тот день, когда наш город окажется окруженным развороченной пустыней. Не все возможно бывает восстановить. На местах вырубленных лесов через десятилетия, может быть, вырастут новые леса, но никто не построит вновь украшающих нашу природу великолепных утесов, никто не вернет к жизни вымерших редких растений, — они исчезнут навеки, если теперь же, и очень срочно, не принять мер к их защите.

Я расскажу о трех памятниках природы в окрестностях Нижнего Тагила, которые надо беречь, изучать, охранять.

ГОРА МЕДВЕДЬ-КАМЕНЬ

Медведь-Камень — огромная сиенитовая скала на берегу реки Тагил, в пятнадцати километрах к северу от города Нижнего Тагила. Величественные утесы возвышаются над рекой почти на сто метров (высота горы над уровнем моря 290 метров) и образуют отвесные стены и обрывы, основание которых утопает в крутых каменных осыпях, образовавшихся от разрушения скал.

Скалы Медведь-Камень служат убежищем многим растениям — своеобразным памятником далекого прошлого нашего края. Эти «живые ископаемые» ныне почти повсеместно вымерли и лишь изредка встречаются в немногих точках земного шара. Среди них — шиверския подольская — древний доледниковый вид, сохранившийся кое-где на каменистых местах вдоль края бывшего ледника. Это красивое крестовидное растение с серовато-зелеными, несколько мясистыми розетками листьев. Белые пятна цве-

а Медведь-Камень

тушей шиверский появляются на утесах Медведь-Камня уже ранней весной.

Несколько позже зацветают изящные дерновинки мокричника Гельма, дожившего до наших дней только в некоторых местах Урала. Летом со скал свешиваются очень декоративные белые бахромчатые цветы гвоздики иглолистной, обладающей тонким ароматом, пестреют фиолетовые подушки тимьянов и группы золотистого подмаренника настоящего.

В верхней части осыпей, как бы прижатые к обращенным на юг отвесным каменным стенам, уютятся несколько деревьев вяза. Вяз очень редок на восточных склонах Урала и служит памятником той фазы послеледниковья, когда климат был значительно мягче современного, и в наш край проникали с запада широколиственные леса. С более теплых времен сохранились здесь ластовень лекарственный и южные злаки: перловник высокий и перловник трансильванский, растущие вместе с вязами.

С вершины Медведь-Камня открывается редкая по красоте панорама: утопая в голубоватой дымке до самого горизонта, тянутся лесистые холмы и увалы, постепенно снижающиеся с запада на восток. Очертания их мягки, пологи. Внизу, среди лугов и перелесков, блестящей лентой извивается река Тагил. Она образует здесь широкую луговую излучину, описывая почти замкнутый круг у подножия скал.

Медведь-камень — интереснейший памятник

природы, своеобразный естественный музей древней флоры. Растения, обитающие на его скалах, должны тщательно оберегаться как музейные экспонаты. Их не следует рвать.

Медведь-Камень — исторический памятник, место стоянки Ермака. (См. «Уральский следопыт» № 10 за 1960 год, О. Бадер. Рассказывает Медведь-Камень).

ГОРА СИНЯЯ

Гора Синяя — горный кряж, тянущийся по правому берегу реки Актая, притока Баранчи. Расположена на территории Кушвинского района, Свердловской области, на север от Нижнего Тагила. Сложена пироксенитами — изверженной горной породой.

Высота горы над уровнем моря 548 метров, вершина лесистая, плоская, на север и на восток она обрывается несколькими рядами каменных уступов, образованных нагромождением причудливых скал. Они напоминают то башни, которые высятся над гущей древесных крон, то нависающие балконы, отвесные стены, развалины зданий, комнат. На этих скалах обитает с древних времен множество редких растений.

Так, на замоховелых камнях восточного обрыва сохранился асплений северный, очень своеобразный скальный папоротничек. На утесах вблизи вершины и на сглаженной поверхности столбовидных каменных глыб, вместе с брусничкой и ягелем, растет козелец гладкий — сложнцветное растение с желтыми цветами, остаток древней степной флоры края. На уступах и карнизах белеют кое-где дерчовинки смолевки ползучей.

С Синей горы видны лесистые предгорья восточного склона Урала. На севере тянутся невысокие зеленые холмы и луга. Среди них по берегу заводского пруда раскинулся поселок Нижне-Баранчинский. Дальше в голубоватой дымке можно различить город Кушву. На востоке — бескрайние леса, а на юге вдали чуть вырисовываются знакомые очертания Нижнего Тагила. На юго-востоке можно увидеть силуэт Медведь-Камня.

На горе Синей

ГОРА БЕЛАЯ

Гора Белая находится в тридцати километрах к юго-востоку от Нижнего Тагила. Она лежит у оси Уральского водораздела и представляет одну из наиболее приподнятых точек Тагильской габбровой¹ полосы. Абсолютная высота ее 711,8 метра. Относительная высота над долиной реки Марьян 300 метров, а над уровнем Черноисточинского пруда свыше 500 метров. Благодаря своей значительной высоте, Белая гора находится в несколько иных климатических условиях, чем окружающие ее долины и мелкие возвышенности. Вершина ее часто бывает окутана облаками, когда в окрестностях светит солнце. Весной на ней долго задерживается снег. Осенью, в период первых значительных заморозков, можно видеть, что вершина горы остается целый день белой от покрывающего ее инея. Вероятно, поэтому она и получила свое название. Со стороны рудника «Красный Урал» Белая гора кажется почти сплошь состоящей из каменных осыпей, представляющих собой беспорядочное нагромождение обломков скал, среди которых разбросаны островки древесной растительности.

У Белой горы две вершины из скалистых гребней-останцев. Между ними тянется довольно широкая седловина, покрытая редким лесом из ели, березы, лиственницы и рябины, чередующимся с крупнотравными полянками, покрытыми кое-где цветами.

Юго-западная вершина со всех сторон окружена скалами и осыпями. Это почти ровная, приподнятая площадка, заканчивающаяся к юго-западу невысоким каменным барьером. Она поросла низкорослым, приземистым горным ельником с примесью березы, кедра, сосны, лиственницы и толстоствольной древовидной рябины. Почти все деревья изуродованы снежными навалами и ветрами. Многие имеют по несколько верхушек (иногда усохших) или однобокую, флагообразную крону. Толстые сучья длиной до четырех метров обычно начинаются у самой земли.

¹ Габбро — изверженная горная порода.

На горе Белой

Северо-восточная вершина Белой горы находится на расстоянии двух километров от юго-западной и представляет собой довольно длинный гребень, ориентированный с юго-востока на северо-запад и увенчанный прерывистым каменным барьером, напоминающим зубчатую стену или ряд башен.

Скалы сложены в большинстве крупно-зернистым габбро. Поверхность их покрыта разноцветными листоватыми и накипными лишайниками, золотисто-желтыми и бледно-зелеными на черном фоне, коричневыми, серыми, белыми. В углублениях растут мхи и ягели. Лишайники — это пионеры растительности на горных породах. Они поселяются на коре выветривания, отмирая, обогащают ее различными органическими веществами и создают условия для поселения высших растений.

Поднявшись на каменный барьер юго-западной вершины, можно обозреть весь горный горизонт не менее чем на 210° (от востока — северо-востока до запада — северо-запада). Видны горы Старик-Камень, Билимбай, видна вдали широкая долина реки Марьян с водоемами и поселками.

Со всех главных скал северо-восточной вершины, и особенно с ее передних восточных осыпей, открывается совершенно исключительный по кратоте вид на Черноисточинский пруд. Громадное озеро, окруженное лесистыми горами, видно все целиком. На северном его берегу — поселок Черноисточинск.

Великолепная панорама оживляется замечательными световыми эффектами, которые удается иногда наблюдать. Пруд поминутно меняет окраску, и на его широкой голубой поверхности проходят свинцовые тени от облаков, или он весь становится темным, в то время как берега загораются яркими красками, или начинает светиться, а берега темнеют. Вся эта игра красок, света и тени смягчена расстоянием, создающим впечатление замечательной легкости и воздушности. Бывает, что на фоне водной поверхности пруда проплывают туманные облака или он весь исчезает за завесой клубящегося тумана. Когда вершина горы Белой оказывается окутанной густым облаком, начинается морось, все темнеет, исчезают даже близкие осколки скал и камней осыпи, потом вдруг, как огромный занавес, туман поднимается и постепенно открывает залитое ярким солнцем озеро, его живописные берега.

Белая гора и гора Синяя пользуются вполне заслуженной славой среди всех, кто знает и любит наш край. Их ежегодно посещают сотни экскурсантов и туристов. Надо бережно относиться к их красотам. Охранять изящные разноцветные лишайники на скалах и осыпях, не портить живописные утесы безобразными надписями и вести борьбу с теми, кто засоряет родники под скалами, повсюду разбрасывает бумаги и мусор и забывает, что памятники природы принадлежат всему народу и должны всячески оберегаться.

Юные следопыты Нижнего Тагила должны позаботиться об охране уральской природы. Если их «зеленые патрули» по-серьезному возьмутся за дело, тагильские окрестности станут местами настоящего отдыха.

Эти памятники должны быть взяты Законом под охрану.

Н. ГРЮНЕР, научный сотрудник Н. Тагильского краеведческого музея

ПЕРВЫЕ ОКТЯБРИНЫ

Эта фотография хранится в Серовском краеведческом музее более тридцати лет. Сделана она 8 октября 1923 года в доменном цехе Надеждинского завода (ныне Серовского металлургического комбината).

Передовые рабочие завода боролись против религиозных пережитков, в частности, против христианского обряда крещения детей.

Радостное событие — наречение новорожденного — рабочие стремились обставить поторжественнее. Регистрация новорожденного проводилась органами загса на месте работы отца или матери, в присутствии коллектива. Матери с младенцами усаживались на почетные места в цехе, украшенном знаменами. Церемония записи новорожденного сопровождалась исполнением «Интернационала». Представители общественных организаций зачитывали наказания своим питомцам, а затем вручали их матерям.

Один из таких наказов, написанный Октябрьине Горшковой, к сожалению, рано умершей, передан в музей несколько лет тому назад из горсобеса. В нем говорится:

«Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что 8 октября 1923 года в ряды трудящихся Союза Советских Социалистических Республик вступила новая гражданка — Октябрьина Горшкова.»

Мы выражаем глубокую уверенность, что она будет предана своему классу и поможет довести до победного конца начатое революционерами прошлых поколений, продолженное нами дело борьбы за уничтожение эксплуатации человека человеком и увидит счастливые дни полной победы социализма на всей земле.

Родителям новорожденной гражданки, товарищам Горшковым, наказываем: воспитывать в дочери преданного борца за освобождение трудящихся всего мира, борца науки и труда, врага темноты и невежества, пламенного защитника власти Советов в нашей стране.

Шефу новорожденной — товарищу Клековину, старому орлу-революционеру, даем наказ: по мере своих сил помогать и содействовать

родителям в их воспитательной работе и в заботах о будущем преемнице нашего общего дела.

Новой гражданке, будущей работнице и борцу, мы, собравшиеся на первые в городе Надеждинске «революционные крестины», говорим:

«Мы осеняем тебя не крестом, не водой и молитвой — наследием рабства и невежества, а нашим Красным знаменем борьбы и труда, пробитым пулями, разодранным штыком.»

Ты, носящая имя Великого Октября, носи его дальше, работай и борись под ним, как работали и боролись герои поколения Октябрьской революции, пронесшие высоко над головами среди крови, нищеты, мора и отчаянной борьбы.

Имя твое означает радостный клич миллионов трудящихся, освобожденных от вековых мук. Помни погибших и замурованных в тюрьмах, зарубленных и расстрелянных капиталистическими палачами, погибших на полях битвы в войнах за коммунизм — ценой своей жизни и крови пробивших дорогу к великому Октябрю.

Может быть, тебе не придется быть участницей кровавых битв, пусть будет так. Но борьба будет твоим идеалом, борьба с природой. Учись побеждать ее наукой. Учись подчинять силы природы человеческой воле, покоряй стихию для человечества...

Радостно приветствуем тебя, Октябрьина, и в лице твоем светлое будущее, ради которого мы отдали сотни и тысячи жизней, ради которого мы готовы умереть все.

Когда твой разум окрепнет, прочти эти строки, проникни этими идеями, встань в ряды бойцов, разбей последние остатки рабства и страданий, в которых веками томилось человечество».

Под наказом 106 подписей.

Пока не удалось разыскать никого из тех, кому посвятили рабочие эти страстные, взволнованные слова. Может быть, прочитав «Уральский следопыт», они откликнутся.

В. ЛУЗЯНИНА,
директор музея

КАК
ЧТО
ПОЧЕМУ

ЧЕЙ ЭТО ГЕРБ?

В старом доме по улице Береговой я нашла обломок старого герба. Очень прошу рассказать, чей это герб, представляет ли он какой-нибудь исторический интерес.

С. Г. Мокичева, учительница, Кыштым.

В «Гербовнике Российской империи» в X томе узнаем, что герб принадлежал графу Орлову Алексею Федоровичу (1787—1862 гг.), побочному сыну одного из братьев Орловых, приближенных Екатерины II. Владелец герба был военным в звании генерал-адъютанта. Графский титул ему пожаловал Николай I за активное участие в подавлении восстания декабристов в 1825 году. С 1844 года, после смерти небезызвестного Бенкендорфа, А. Орлов был назначен шефом жандармов и главным начальником III отделения.

Эта находка для уральцев представляет определенный интерес. Какая связь рода Орловых с деятельностью Кыштымских горных заводов? Если кыштымцы это установят, то, возможно, приоткрется еще какая-нибудь страница уральской истории. Если такой связи нет, то все равно чугунный

герб, вероятно, отлитый в Каслях, в Кусе или в самом Кыштыме, может служить образцом художественного литья наших знаменитых уральских мастеров-литейщиков.

Ю. САКНЫНЬ

БОБОВЫЕ РУДЫ

В октябре прошлого года, во время охоты в районе хутора Ричково, Коптеловского района, я увидел почву необычайной структуры. Обратная сторона пластов вспаханной целины почти сплошь была покрыта правильной формы шариками темно-серого цвета, величиной от горошины до лесного ореха. Я собрал много шариков средней величины с тем, чтобы передать их биологам средних школ города Алапаевска для определения. Ждал очень долго, но ответа от них не получил.

Посылаю вам эти «шарики» и прошу сообщить мне природу и происхождение их.

М. Затопляев,
Алапаевск.

Отвечает профессор Свердловского горного института имени Вахрушева Анатолий Алексеевич Малахов.

Подобные образования, называемые общим словом бобовые руды, не представляют чего-то необычного. Такие бобовины, или конкреции, накапливаются в подзолистых почвах, и иногда вместе с окислами железа в них содержатся окислы марганца.

Очень часто окислы марганца концентрируются в почве в результате жизнедеятельности некоторых видов растений. В данном случае пункт, где были найдены железомарганцевые бобовины, интересен тем, что накопление марганца может здесь идти за счет выхода на поверхность марганцевых руд. Такие марганцевые руды, например, известны и разрабатываются в Ивдельском районе нашей Свердловской области. Не исключена возможность, что они есть и в Коптеловском районе.

Летом будет дано геологам задание — проверить источники марганца в найденных бобовинах.

БАБОЧКА НА СНЕГУ

Это было 2 декабря прошлого года. Недалеко от поселка лесорубов Усть-Шегультан у нашей машины лопнула камера. Запасного колеса не было. Нам пришлось долго повозиться, чтобы устранить неисправность. К счастью, погода была очень теплая. Даже старожилы не помнят, чтобы здесь в декабре было так тепло.

Но больше всего мы удивились, когда увидели на снегу живую бабочку. Около двух часов, пока мы возились с камерой, бабочка передвигалась по снегу на обочине дороги.

Не удивлялся только директор Шегультанского леспрохоза Алифанов. Он сказал, что ему приходилось видеть дикувинки более интересные. Однажды в сильные морозы в контору принесли дрова. У одного полена отстала кора, под которой сидели комары. Сначала они вяло ползали по поленьям. Но стало теплее, и комары порезвели, разлетелась по конторе и стали кусать своих спасителей.

А. МАЛЬЦЕВ,
Североуральск

«ЧЕРТИ В ОМУТЕ»

На склоне широкой долины реки Бабки расположилась деревня Шестаки. Между деревней и линией железной дороги пролегла болотистая низина. На ней в зарослях камыша блестит небольшое глубокое озеро. Из него местные жители берут воду. С незапамятных времен поконлось озеро в низких берегах, в темной воде его плавали караси. Но недаром в народе говорят, что в тихом омуте черти водятся. Объявились «черти» и здесь.

Однажды шли женщины за водой. Вернулись в смятении: в глубине озера почувдился им стон, по зеркальной озерной глади пробегала дрожь, и вода

затопляла деревянные мостки.

Не успели жители деревни прийти в себя от одного происшествия, как случилось другое: на сухом угоре, под крайними домами, оползла земля, и струйка мутной, холодной воды побежала к озеру. Озеро между тем все прибывало. Вода растекалась по низине и подходила к основанию железнодорожной насыпи.

Железнодорожники вырыли отводную канаву к ближайшему логу. По ней весной и осенью вода стекала из озера в течение двух лет.

Постепенно уровень воды в озере стал снижаться. Одновременно иссяк источник на береговом склоне, и только глубокая сухая канавка, заросшая камыша да впадина, оставшаяся на месте источника, напоминали о недавних событиях.

Отчего же озеро «взбунтовалось»? Чем вызван неожиданный приток воды?

Геологи определили, что, стекая с прибрежных возвышенностей к реке, подземные воды растворяют гипсы и ангидриты, из которых сложены берега реки Бабки. Создаются подземные полости. Не случайно около деревни Шестаки происходят провалы земли.

Можно предположить, что подземные трещины и полости постепенно закупорились глиной, подземные воды оказались подпруженными, а затем нашли выход на дне озера и в основании берегового склона. Обильное поступление подземных вод из донных ключей переполнило озерную впадину. Озеро «взбунтовалось». Спустя два года, когда произошла закупорка трещин, подземные воды вновь изменили свой уровень и направление стока: озеро приняло свой прежний вид.

В. ЛУКИН, Кунгур

ПУСТЬ ЛЮДИ ЗНАЮТ ИМЕНА ГЕРОЕВ

В годы гражданской войны белогвардейцы заняли город Алапаевск. Они учинили расправу над пленными, сбросили живыми в шахту грушу рабочих металлургического завода и рудников, сражавшихся в рядах Красной Армии.

После освобождения города останки героев захоронили на центральной площади. В память о них рабочие Алапаевска установили обелиск: «Вечная память героям, павшим в борьбе за Советскую власть в гражданской войне на Урале в 1918—1919 гг.».

Но кто эти герои, как их звали, какими путями пришли они с оружием в руках защищать молодую Советскую Республику? На эти вопросы ответить никто не может.

И в других городах и селах области есть памятники времен гражданской войны. Их бережно охраняют, украшают цветами. Но на многих нет подписей.

Надо восстановить в памяти

людей имена героев, рассказать о подвигах первых борцов за Советскую власть.

Б. ГРЕБНЕВ,
Свердловск

ПРИЧУДЫ ПРИРОДЫ

На десятом километре Московского тракта отходит к югу грунтовая дорога. В этом месте, не доходя немного до лесного кордона, в полусумраке стоит серый гранитный камень высотой около полутора метров.

Десятки раз видел я этот камень и равнодушно проходил мимо, а однажды взгляделся внимательней. На камне четко

выделился профиль человека: ясно очерченные волосы, высокий-высокий морщинистый лоб, глаз, переносье и нос, усы; острый подбородок.

Со мною был фотоаппарат, и я заснял камень.

Д. КУЗНЕЦОВ,
Свердловск

А фотографию этого «снежного человека» прислал нам читатель В. Шевалев из Каменска-Уральского.

КНИГА ЧЕРЕПАНОВА

Кто только не пользовался этими большими, переплетенными в кожу фолиантами XVIII века, хранящимися сейчас в научной библиотеке краеведческого музея. В течение двух столетий сведения из них черпали

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О ТАКОЙ ЖЕ РУДУ ПОДБИМАЮЩЕЙ МАШИНЕ ИЛИ ГЕПЕЛЬ, КОТОРАЯ ЛОШАДЬМИ ДВИГУЕТСЯ.

§ 1.

Эта машина при рудном деле обыкновенно употребляется по большей части при таких ямах спростися, где малой воды итпть, которую бы сие действие производить можно было; ибо и оною лошадьми действующую машину руда въ нарочитомъ множествѣ, и въ разсужденіи ручныхъ машинъ съ меньшими расходами изъ ямъ подбимана быть можетъ.

§ 2. Действующей лошадыи гепель состоитъ изъ стоящаго вала, или шакъ называемаго короба, на оной валь надвшаго, кругъ котораго дѣти навиваются и при дѣлающаго ручки, къ которымъ лошади припрятаются въ то время, когда оною машиною дѣйствовать надлежитъ. Въ оныя вещи покрываются для охраненія отъ всякой погоды спростисемъ и крышкою на подобіе конуса, а сверхъ шого и сѣны при ономъ же спростіи дѣлаются.

§ 3. Фигура оной машины изображена на табл. 21, гдѣ видн. А. вали, лип. В. профиль въ длину; а лип. С. Д. проширскіи сѣкы оного гепеля представляють, шакже стоящій валъ съ коробою и съ ручками. Для лучшаго понятія все оное представлено, особливо подъ лип. D.

§ 4. Для фундамента конусною фигурою сходящихся стѣнъ шакъ выдѣляется каменною кругъ (лип. А. В. No 11); дабы оныя отъ спускающей съ кровли воды не повредились.

Н 2

длина

Ефимъ Черепановъ

горняки и механики, писатели и краеведы.

Вот одна из них. «Обстоятельное наставление рудному делу» Ивана Шлаттера Берг-коллегии президента и монетной канцелярии главного судьи, «печатана при Академии наук 1760 (г) в лист». В настоящее время эта уникальная книга — библиографическая редкость. Автор ее Иван Шлаттер родился в Москве, в немецкой слободе в 1708 году. Способного юношу заметил Петр I и дал ему место во вновь учрежденной Берг-коллегии. Основатель пробирного дела, И. Шлаттер был директором Петербургского монетного двора. Его труды по горному делу хорошо знали в России во второй половине XVIII и в начале XIX веков. Известны они были и на Урале.

Перелистывая первый том сочинений И. Шлаттера, мы неожиданно натолкнулись на автограф Ефима Черепанова. Сравниваем его с уже известными автографами. Подлинный! Перелистываем следующие страницы. И снова удача! Выцветшие строчки, выведенные на полях книги рукой талантливого уральского механика-самоучки, сообщают, что она куплена им «1818 года марта 26 числа».

Где приобрел эту книгу Ефим Черепанов, установить, к сожалению, не удалось. Известно, что в это время книжного магазина в Нижнем Тагиле не было и заводские служащие выписывали книги из Петербурга и Москвы. Сведений же о выезде Ефима Черепанова в эти годы в столицы и Екатеринбург пока нет. Черепанов много занимался ремонтом старых и сооружением новых машин и механизмов на тагильских рудниках и заводах. Содержание первого тома «Наставления рудному делу» соответствует характеру исполняемых им работ. Совершенно ясно, что Ефим Черепанов пользовался разнообразной технической литературой. И книга Шлаттера — первая и пока единственная найденная книга, лично принадлежавшая строи-

телю первого в России паровоза.

Дальнейшая судьба книги неизвестна. Удалось только установить, что ее передала в дар Уральскому обществу любителей естествознания в 1894 году некая Ю. И. Хрущева.

На титульном листе другого тома сочинений Шлаттера мы нашли следующую надпись: «Из книг домашней библиотеки бывшего главноуправляющего Пермским нераздельным имением графини Н. П. Строгановой Василия Алексеевича Волегова». Наводим о нем справки.

Из подлинной рукописи уральского краеведа И. Я. Кривошекова узнаем, что братья Василий и Федот Волеговы, бывшие крепостные Строгановых, длительное время занимались сбором и изучением материалов по истории Пермского края. После смерти Волеговых их архивы, библиотеки и богатые коллекции попали в разные руки.

В 80-х годах XIX века часть вологовских материалов удалось собрать уральскому историку А. А. Дмитриеву. В 1884 году он написал статью о Ф. А. Волегове как историке рода Строгановых. Кстати, обращаясь за справками к книгам А. А. Дмитриева, хранящимся в библиотеке музея, на одной из них мы обнаружили дарственный автограф: «Дмитрий Наркисовичу Мамину от автора. 9/X 1888 г. На другой странице этой же книги имеется факсимиле «Дмитрий Наркисович Мамин».

Третья книга Шлаттера (второй экземпляр I тома «Наставления по рудному делу») также имела довольно сложную судьбу. В библиотеку музея она попала в июне 1926 года. Привез книгу из Сысерти и передал музею А. Машуков, которому она досталась от его тестя Михаила Егоровича Семёнова. Последний же получил ее в подарок, как гласит дарственная надпись, 12 марта 1869 года. Фамилию дарителя разобрать не удалось. Не исключено, что эта редкая книга была завезена в Сысерть уральским заводчиком А. Ф. Турчаниновым, который после смерти И. Шлаттера приобрел его личную библиотеку.

И. БУРШАК

ЕЩЕ РАЗ О БРОНИРОВАННЫХ ПОМИДОРАХ

Во втором номере «Уральского следопыта» за 1960 год была напечатана заметка В. Свиридова «Бронированные помидоры». В ней рассказывалось о восьмидесяти-трехлетнем мичуринце Петре Ивановиче Романове, который в суровых условиях уральского климата вывел замечательные сорта «закаленных» помидоров.

Петр Иванович и раньше получал письма из разных концов Советского Союза. В них люди просили поделиться опытом, прислать семена. В связи с опубликованием заметки В. Свиридова этих писем стало еще больше. Поэтому Петр Иванович Романов решил ответить своим адресатам через журнал.

При выращивании морозостойких помидоров я беру за основу промораживание семян. Первый опыт я сделал в начале марта 1956 года: мочил семена в течение суток, вечером положил их в мокрый снег. Утром следующего дня внес семена в закрытое неотапливаемое помещение, облил водой, чтоб оттаяли, потом положил в комнату на холодном полу у входной двери. Через сутки завернул семена во влажную тряпку, вложил во влажный опил и поставил на теплую печь. Они начали прорастать при 20—25 градусах тепла, некоторые со вторых суток, а некоторые, прежде чем проросли, лежали больше месяца.

Прохлаживание овощных семян было известно русским овощеводам очень давно, еще в семидесятых годах прошлого столетия. В статье Н. В. Артюкова, напечатанной в журнале «Сад и огород» в 1957 году, № 9, рассказывается о самоучке-опытнике крестьянине Ефиме Андреевиче Грачеве. Он выставлял выращенные им овощи на многих выставках в России и за границей и получил за свои экспонаты 10 бронзовых, 41 серебряную и 11 золо-

тых медалей. В 1876 году Грачев был избран в члены Парижской Академии сельского хозяйства.

Всем интересующимся выращиванием многоурожайных морозостойких помидоров советую остановиться на корнеевских и киселевских помидорах. Эти два сорта заслуживают внимания, особенно у нас на Урале. Я полагаю, что в ближайшие два-три года они продвинулись на сотни километров на север. Нужно делать ежегодный и тщательный отбор на семенники лучших плодов одного и того же сорта из года в год. Это главное и основное правило. Не делайте прищипок, пасынкования, не обрывайте цветков, не подвязывайте кусты, пусть растут в расстил. Площадь для куста — полтора квадратных метра.

Почва у меня огородная, хорошо удобренная. За две неде-

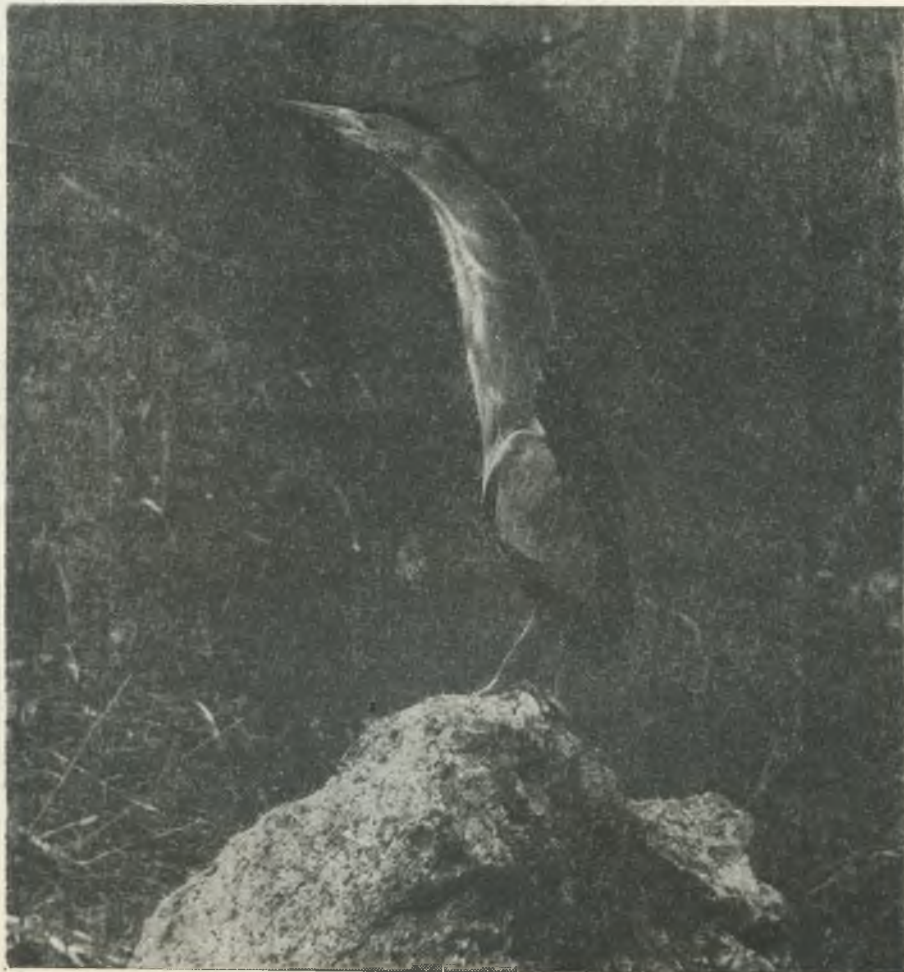
ли до посадки рассады на постоянное место копаю ямки для каждого куста 20×20 см, глубиной 30 см. Беру полведра перегноя, пригоршню древесной золы, все перемешиваю с землей и заполняю ямку. Сверху выливаю ведро навозной жижи, лучше конской, разведенной водой: на ведро воды два ковша жижи.

Рассаду лучше высевать сухими семенами в конце марта в теплице или комнате в разводочные ящики. В солнечные дни нужно выносить ее на улицу. Ночью держать при температуре 8—10 градусов тепла. Высадка в грунт — не ранее 10 июня в стадии цветения и завязки плодов. Подкормку надо делать с момента начала цветения и завязи плодов той же навозной жижей.

Вот все, что необходимо для получения морозостойких помидоров.

Малая выпь прекрасно позирует перед фотоаппаратом.

С. Куклин. Ильменский заповедник.

ТОВАРИЩ ДУНЯ

Темной ночью партизаны спешили на митинг. Отсрочить его нельзя: дело неза-медлительное. Бойцы, рабочие стекольного завода с женами и даже дети собрались у штаба отряда, возле бывшего помещичьего дома.

На крыльцо с четырьмя зажженными фонарями под сводчатой крышей взбежал высокий партизан и певуче, как кавалерийскую команду, выкрикнул:

— Будет говорить командующий Южноуральской партизанской Армией товарищ Блюхер!

Воцарилось безмолвие. По ступеням поднялся Блюхер, мужчина лет тридцати, и медленно, с паузами начал:

— Белогвардейцы заняли Самару, Уфу, Оренбург, Челябинск, Екатеринбург и всю Сибирь. Наш отряд — в окружении. Нет патронов и снарядов. Нет связи с регулярными частями Красной Армии. Мы вынуждены временно покинуть Урал, чтобы вместе с Красной Армией громить беляков. Вас мы зовем с собой. Конечно, нам придется идти с боем, переносить лишения и трудности. У нас нет запасов продовольствия, поэтому вам придется оставить семьи дома, в Богоявленске. Идемте с нами, товарищи! Да здравствует наша победа! Да здравствует товарищ Ленин и партия большевиков!

Начали говорить партизаны. Выступления их были кратки, но выразительны:

— Все, как один, бить белую гадину!

— Тяжело семьи оставлять, но так нужно, товарищи! Этого требует революция!

— Останешься здесь — не защитишь ни власти советской, ни семьи!

...Через час на заседании богоявленского партийного комитета решался последний вопрос. Докладчик — потомственный стеклодув командир богоявленского партизанского отряда Калмыков говорил взволнованно и резко:

— Завтра, шестнадцатого августа, мы уйдем из нашего поселка, — закончил он. — Все члены комитета зачислены в отряд. Члена комитета товарища Дуню предлагаю назначить начальником полевого госпиталя. Что скажешь, Дуня?

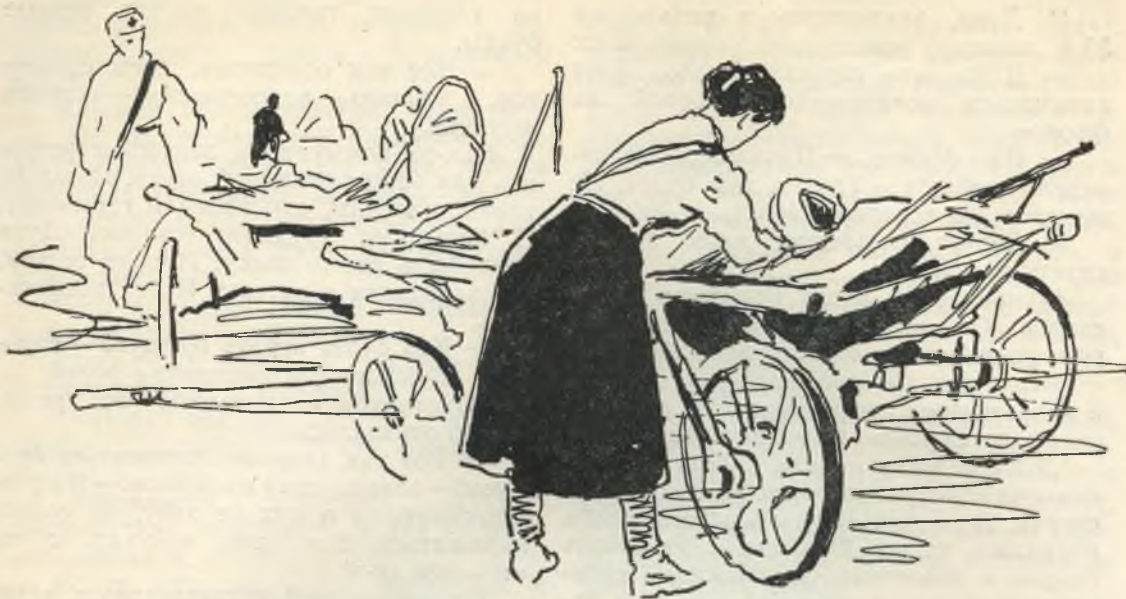
— Справлюсь ли? — робко сказала высокая смуглая девушка с длинной черной косой и темно-карими горящими глазами.

— Должна!

Заседание окончилось в полночь. Дуня и командир отряда вышли последними.

— Раненых вывези всех, — говорил Дуне Калмыков. — Поход будет большим: около тысячи верст. Все рассчитай, предусмотрь. Выступим через двенадцать — четырнадцать часов. Торопись!

Дуня вышла в сад. Присела на скамью. Задумалась. «Начальник госпиталя... Но я лишь несколько раз была в больнице. Что же делать? Может быть, отказаться?.. Но разве можно отказываться от поручения партии? Вот Калмыков. Он — унтер-офицер, а командует отрядом в две тысячи человек. Блюхер тоже унтер-офицер, а командует арми-

ей. Нет, я должна научиться уходу за ранеными!.. Будет трудно?.. Будет. В тюрьме сидела, да не раскисла...»

Днем 16 августа партизаны покидали Богоявленск. Весь заводской поселок высыпал на улицы провожать воинов. В арьергарде Богоявленского отряда следовал и полевой госпиталь. Восемьдесят два раненых, кое-какие запасы медикаментов и продовольствия были размещены на шестидесяти подводах-телегах большой давности. Их с трудом тащили по вязкой дороге изможденные крестьянские лошади. Медицинский персонал шагал обочиной. Среди них была и Дуня.

Медленно прошли рабочий поселок. Потянулись бесконечные версты ухабистых проселочных дорог. На ночь госпиталь остановился в маленькой лесной деревушке.

Иван Захарыч — заводской фельдшер, в силу необходимости назначенный главным врачом, — стал осматривать больных. Медицинские сестры — недавние работницы — старательно перевязывали раненых, используя вместо марли белую бязь и ситец с большими красными цветами, какие попадаются на дешевых обоях, устраивали на телегах соломенные матрасы. Санитар Миша, расто-

ропный и ласковый, натаскал дров, разжег костры, вскипятил воду, сварил щи, кашу. Дуня осталась у телег с тяжелоранеными. Осторожно и терпеливо, как маленьких, кормила и поила их.

Через полчаса Дуня собрала помощников и приказала:

— Ложитесь отдыхать. Ночью наш лагерь будут охранять две няни и я. Дежурные, получите винтовки. К пяти часам утра, Миша, приготовь завтрак. В шесть выступаем...

Один походный день сменялся другим. Через месяц партизанские отряды, пройдя почти тысячу верст, близ Кунгура вышли из окружения. В госпитале Дуни оказалось 124 раненых. Через три дня они были санитарным поездом отправлены в глубокий тыл.

Дуня пришла на вокзал, чтобы проводить своих раненых. За время похода все они стали для девушки близкими, дорогими людьми.

Пожилой башкир с тяжелым ранением бедра протянул с носилок руку:

— Товарищ Дюна!

— Товарищ Дуня! — вторят ему с других носилок.

— Товарищ Дуня! — несется из вагона. — К нам подойди!..

...Поезд ушел. Нет больше госпиталя.

И Дуня, заявившись в политотдел 30-й дивизии, решительно потребовала:

— Дайте мне серьезное дело. Хочу заниматься политической работой на фронте.

— На фронте...— Начальник политотдела замялся.— Трудно там будет. Не женское это занятие — сидеть в окопах!

— Значит, по-вашему, наше дело — сидеть на кухне?

И начальник после недолгого спора сдался. Он назначил Дуню инструктором политотдела в Богоявленский полк.

Через два дня она была уже в части, а недели через три коммунисты выбрали ее председателем полкового партбюро.

Дуня решила начать работу с организации в подразделениях коллективного чтения. В окопах Богоявленского полка появились чтецы. Они стали знакомить бойцов с новостями зарубежного рабочего движения, с победами Красной Армии на других фронтах. Газеты прочитывались от начала до конца.

Убедившись, что грамотных бойцов мало, Дуня организовала в батальонах школы обучения неграмотных. Занятия проходили в двух верстах от передовой, в полковом резерве.

Активисты-бойцы, чтобы хоть чем-то помочь товарищам, вступившим в единоборство с «беспросветной темнотой», вырезали из шершавой газетной бумаги огромные «учебные» буквы и старательно наклеили их картофелем на листы картона.

Ученики — безусые парни и седобородые мужчины — при свете маленьких-маленьких коптилок, заправленных подсолнечным маслом, медленно выводили

на газетных грязных листах первые буквы.

— Вот так освещение: днем солнечное, ночью — подсолнечное! — острили шутники.

Как-то коммунисты задумали устроить для бойцов большой вечер. Нашлись певцы, плясуны, отыскался и гармонист. С большими трудами товарищ Дуня раздобыла где-то пьесу. Прочла ее тем, кто записался в актеры. Пьеса понравилась.

— Кто будет играть буржуя? — спросила Дуня при распределении ролей.

Охотников не нашлось. Все решительно отказались.

— Вот так здорово: наряжаться буржуем! — заявил один из бойцов. — Я и разговаривать-то о них не хочу, не только наряжаться. Вот бить, во-е-вать с ними — это да-а!

Несколько дней «уламывали» и, наконец, уговорили каптенармуса из обоза 2-го разряда «сыграть буржуя».

Спектакль прошел с успехом...

В начале 1919 года Третья Армия Восточного фронта отступала с тяжелыми боями. Колчаковцы бросили на ее участок лучшие силы. Пользуясь численным превосходством, первоклассной техникой и хорошо налаженным боеоборудованием, белогвардейцы стремились захватить Вятку.

Для 269-го Богоявленского полка создалась угроза окружения.

Командир полка вызвал Дуню.

— Белые зашли в тыл, — сказал он ей, — высылаю туда роту. Вы идите с бойцами и любой ценой задержите белых. Все!

Короткими перебежками рота двинулась к высоте. Белые открыли огонь. Ближе, чаще, громче раздавались залпы.

Красноармейцы залегли. Было видно, что колчаковцы уже начинают обтекать правый фланг. По цепи бойцов пробежал тревожный шепоток: «Белые нас окружили...» Тогда товарищ Дуня поднялась во весь рост: «Не отступать, товарищи!»

Рота выстояла. Бойцы открыли по врагу ураганный огонь.

Атака была отбита, и командир повел красноармейцев в контратаку.

— Ловко мы их двинули, товарищ Дуня,— с задором говорили бойцы после боя...

Обязанности товарища Дуни — председателя партбюро полка — были многообразны.

Как-то одна полурота собралась в деревенской избе погреться. Бойцы жалась к печке, оттирали прихваченные морозом носы и уши, сушили валенки.

Вошла, поживаясь от мороза, Дуня.

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравствуйте! — нескладно, в одиночку ответили ей красноармейцы.

Начинались будничные разговоры: о селедке, о соли, о морозах. А потом незаметно перешли к газетам. Зашла речь о Коммунистическом Интернационале.

Коротко, просто и увлекательно рассказала товарищ Дуня бойцам о Коммунистическом Интернационале, о великой роли Владимира Ильича в Коминтерне, о предательстве II Интернационала.

А закончила свое сообщение вопросом:

— Как, по-вашему, мы с вами должны быть интернационалистами?

— Обязательно!

— Товарищ Дуня, а почему нас все-таки держат здесь, в чужой губернии? — спросил молодой красноармеец с веснушчатыммышленным лицом. — Почему нас не пошлют на свой фронт, под Уфу, брать Богоявленск?

Все смолкли. Насторожились.

Дуня знала, что в связи с успехами Красной Армии под Уфой кое у кого из богоявленских красноармейцев появилось желание отправиться на «свой» фронт, ближе к родному заводу.

Дуня смутилась, а потом, встав с табуретки, с обидой начала:

— Значит, Богоявленск, товарищи, наш, а Пермь и Кунгур — не наши?! А Москва и Петроград? Выходит, пусть каждый воюет за свой город и завод? Так?!.. А петроградские, псковские, и калужские рабочие послали в нашу армию свои отряды. Ведь они не стали ждать прихода белогвардейцев к своим городам. В 17-м, Сибирском, полку нашей дивизии сражается батальон венгров, в Белорецком полку — рота китайцев. Они сражаются не за свой завод, не за свой город, а за революцию они сражаются с колчаковцами, потому что — они интернационалисты.

Интернационалист должен, если надо, драться не только под Вяткой, Кунгуром, но и в любом месте, где это потребуется для человечества. Интернационалист тот, кто не жалеет себя для братьев по классу. Да здоровствует человек, который не умеет жалеть себя!..

Ранней весной 1919 года наши части начали готовиться к наступлению на Урал. Дуня бывала в батальонах, рассказывала о положении на фронтах, о продовольственном положении Москвы.

Красноармейцы приняли решение: «Наш хлебный паек уменьшить с 600 граммов до 400. Отчисленный хлеб отправлять детям Москвы. Просим передать рабочим Москвы, Петрограда и нашему вождю товарищу Ленину, что скоро пойдем в наступление и, если не хватит оружия, загрызем белогвардейцев зубами, пощады врагу не будет, а победы обязательно добьемся!»

Через несколько дней Богоявленский полк перешел в наступление. Вместе с бойцами шла, как всегда, и товарищ Дуня.

За храбрость, за скромность, за честное большевистское слово, за ее талант воспитания нового человека, талант терпеливой любви к человеку товарища Дуню знали и любили не только в полку, но и во всей 30-й дивизии.

Дуня (Шойхет Евдокия Ильинична) — коммунистка с 1911 года — здоровствует и теперь. Ей сейчас почти семьдесят лет. Но ни годы, ни болезнь не сломили духа этого прекрасного человека. Ей пишут товарищи по фронту, к ней идет молодежь за дружеской поддержкой, за советом.

М. ГОЛУБЫХ,
член КПСС с 1917 года

НЕВРУЧЕННАЯ ЗВЕЗДА

Утро 30 сентября 1943 года выдалось не по-осеннему солнечным и теплым.

Гвардии сержант Иван Евлашов направился к Днепру. Он выбирал заросли погуще, для маскировки. Отыскав место поудобнее, сел и, раздвинув кусты, стал смотреть на берег, занятый врагом. Через несколько минут к Ивану неслышно подполз командир роты:

— О чем, сержант, мечтаешь! — спросил он.

— Днепром люблюсь, товарищ гвардии старший лейтенант. Широко и многоводен. Нашу Тавду в половодье напоминает.

— Ты, что на Урале!

— Так точно!

— Бывал я, сержант, в ваших местах. Охота хорошая. Прирсада суровая, но чудная.

— Это верно, — подтвердил Евлашов, и его карие глаза заискрились, разгладились чуть заметные морщинки на обветренном лбу. — Я ведь с детства занимался охотой.

Иван Евлашов разговорился. Рассказал, как окончил семилетнюю школу, как работал в родном колхозе, как по вечерам для деревенских девчат играл на гармонике.

— Особенно запомнился мне тот день, — продолжал он, — когда я приехал в село Таборы, в райком ВЛКСМ, получать комсомольский билет. Это было событие в моей жизни... Эх, разобьем Гитлера — обязательно попрошусь на побывку в родную Шамотайлову...

Взглянув на часы, старший лейтенант проговорил:

— Нам пора...

Они осторожно двинулись к лесу, где расположился штаб батальона. А вечером был получен приказ: «С наступлением темноты форсировать Днепр, захватить плацдарм».

Погрузились без суетолики. Выплыли из камышей. Над рекой стояла тишина. Был слышен лишь негромкий плеск воды под веслами.

И вдруг в темное небо взвилась ракета, дугая, третья...

Бойцы лихорадочно заработали веслами. В бой вступила наша артиллерия. Началась перестрелка. На береговой круче забесновались фашистские пулеметы. На понтоне, где находился Евлашов, убило командира взвода. Сержант принял на себя команду и первым выпрыгнул из лодки.

Коротким, стремительным ударом взвод Евлашова выбил охранение гитлеровцев и, захватив линию траншей, продвинулся в глубь немецкой обороны. Наши артиллеристы, развернув «сорокапятки», открыли огонь по вражеским огневым точкам.

Чувствуя оласность, гитлеровцы постоянными контратаками старались сбросить смельчаков в Днепр. Особенно наседали они на взвод Евлашова, который занимал выгодный рубеж. Немцам

удалось ворваться в траншею. Завязалась рукопашная схватка. В ход пошли гранаты. Ряды десантников редели. Часть пушек вышла из строя, а бой все усиливался. Гитлеровцы пустили нахрабровцев танки. Батальон дрогнул и отошел к реке.

И вот, в критический момент, когда враги уже торжествовали победу, Евлашов поднял свой взвод в атаку. Бойцы стремительно ринулись вперед. Внезапно из небольшого оврага, стреляя на ходу, прямо на цепь атакующих вынесся фашистский танк. Он был всего в нескольких метрах от Евлашова. Гвардеец не растерялся. Подпустив танк поближе, он подбил его связкой гранат.

По цепи прокатилось могучее «ура». Его подхватили где-то сзади, у берега: подошло подкрепление.

Но Иван Евлашов не слышал могучего «ура», которое катилось по правому берегу Днепра: гвардии сержант Иван Петрович Евлашов ценой своей жизни обеспечил победу батальону...

Недавно я встретил брата Ивана Евлашова — Григория Петровича. Он рассказал мне, что Ульяна Петровна Евлашова, умирая, передала младшему сыну дорогую реликвию, чтобы не забывал он о старшем брате, чтобы во всем следовал его примеру, служил честно и беззаветно своей Родине, своему народу.

Я побывал у Григория Петровича Евлашова и посмотрел эту священную реликвию. На первом листе, который лежал в папке поверх грамоты Президиума Верховного Совета СССР, было написано:

«Уважаемая Ульяна Петровна!

По сообщению Военного Командования, Ваш сын, гвардии сержант Евлашов Иван Петрович в боях за Советскую Родину погиб смертью храбрых.

За героический подвиг, совершенный Вашим сыном Иваном Петровичем Евлашовым в борьбе с немецкими захватчиками при форсировании реки Днепра, развитие боевых успехов на правом берегу реки Президиум Верховного Совета СССР Указом от 22 февраля 1944 года присвоил ему высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза».

И. ЗЕЛЕНОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

ОБОЗ ИДЕТ В КАРАБУТАК

— В Карабутак? Можно по-разному. Поездом на Домбаровку, а там — полтора километра. Если самолетом, то из Орска в Актюбинск, из Актюбинска в Карабутак. В воздухе часа два, но на пересадочном аэродроме придется ожидать. Лучше всего — на «Победе» или «Волге». Пораньше выехать, так еще за светом на месте будете. Ни пересадок, ни задержек.

Диспетчер пассажирского автохозяйства был неплохим агитатором за тот вид транспорта, на котором работал. Он не мог и подумать, что, соблюдая скорость передвижения, окончательно разубеждает меня и в железнодорожном переезде, и в воздушном перелете, и в такси.

— Не подходит, — проговорил я, думая о своем. Скорость-то мне как раз и не требовалась.

— Так какой же транспорт вам нужен? — загорячился собеседник.

— Обоз...

Ко мне, как к возможному нанимателю такси на дальний рейс, интерес у диспетчера явно угас.

— Обоз надо ловить на никелькомбинате... Там, бывает, машинами руду возят...

Но тот обоз, который был нужен мне, здесь уже, конечно, не найти.

Мне представлялся совсем другой обоз...

...Три тысячи телег и тысяча верблюдов тянулись двумя линиями на целую версту. Впереди между линиями шла рота пехоты, по бокам и сзади — две сотни казаков. Перед выходом из крепости

был отслужен напутственный молебен, и теперь транспорт держал путь к устью Сыр-Дарьи.

В голове длинной колонны вместе с казаками ехал немолодой усталый усач в солдатской форме. Его острые глаза всматривались в уныло-однообразное степное раздолье.

Несмотря на то, что была еще только первая половина мая, ковыль уже пожелтел от солнца. Жара и пыль перехватывали дыхание.

Но усач не терял интереса к окружающему. С удивлением наблюдал он за движением огня, пущенного казаками, чтобы сжечь пересохший ковыль и дать

Т. Г. Шевченко (автопортрет)

место новой поросли его. Волшебное зрелище представлял собой мираж, когда внезапно степь превратилась в океаноморе, а боковые авангарды — в корабли под парусами. Невозможно было отвести взгляд от серебристой Ори, на берегу которой на сутки остановился караван. Внимательно приглядывался он и к людям лагеря, особенно башкирам и казахам, слушал их незнакомые песни. Делая зарисовки, сам он вполголоса напевал родную — украинскую.

Он был художником и поэтом. Имя этого человека, произведения его знали миллионы людей — Тарас Шевченко.

Приговор по его делу гласил: «Художника Шевченко за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений, как одаренного крепким телосложением, определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус с правом выслуги, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений». Николай I еще более усилил этот приговор, сделав на нем собственноручную надпись: «Под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать».

«Отнята благороднейшая часть моего бедного существования! — делился Шевченко своим горем с друзьями. — Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора...»

9 июня 1847 года фельдъегерь доставил рядового Шевченко в Оренбург, откуда его этапом отправили в Орск. 23 июня он был зачислен в «списочное состояние» пятого линейного батальона, что размещался в Орской крепости. И потянулись неимоверно тяжкие дни солдатской каторги с бесконечной муштрой, пригонкой амуниции, с постоянными окриками и унижениями.

Но, несмотря на постоянную слезку, Тарас Григорьевич продолжал творить. В потайных книжках он уносил с собой в этот поход двадцать новых произведений, написанных в крепости, и среди них поэмы «Варнак», «Чернец», «Княжна».

Это было летом 1848 года, когда Шевченко в числе двухсот «нижних чинов» батальона сопровождал транспорт с провиантом и боеприпасами, следовавший из Орска в Раимское укрепление.

Проезжая знойной степью, Шевченко радовался тому, что вырвался из своей «незамкнутой тюрьмы», что избавился от муштры и слезки, что может не только смотреть, но и рисовать, не только слушать, но и писать.

ВСТРЕЧА В СТЕПИ

Здесь, в степи, неподалеку от маленькой речки Карабутак, у Шевченко произошла удивительная встреча с... дере-

вом. Единственным, которое довелось увидеть за все дни похода!

«Верстах в двух от дороги, в ложбине, зеленело тополевое старое дерево,— передавал он свое впечатление впоследствии.— Я застал уже вокруг него порядочную толпу, с удивлением и даже (так мне казалось) с благоговением смотревшую на зеленую гостью пустыни. Вокруг дерева и на ветках его навешаны набожными киргизами кусочки разноцветных материй, ленточки, пасма крашенных лошадиных волос и самая богатая жертва — шкура дикой кошки, крепко привязанная к ветке... Я последний уехал от дерева и долго еще оглядывался, как бы не веря виденному мною чуду. Я оглянулся еще раз и остановил коня, чтобы в последний раз полюбоваться на обоготворенного зеленого великана пустыни. Подул легонький ветерок, и великан приветливо кивнул мне своей кудрявой головой, а я, в забытьи, как бы живому существу, проговорил «прощай» и тихо поехал за скрывшимся в пыли транспортом».

В тот день Шевченко зарисовал акварелью «Джангыс-агач» (Одинокое дерево). Тогда же родился поэтический отклик на эту встречу. Он знаком каждому, кто читал «Кобзаря».

В основу чудесного шевченковского стихотворения была положена местная легенда.

Лежала у бога за дверью секира, а казах утащил ее и отправился в рощу за дровами. Но стоило ему ударить по

стволу, как секира вырвалась из рук, стала рубить, уничтожать деревья, а дым пожаров скрыл солнце. Семь лет продолжалось это, а когда в начале восьмого года взошло солнце...

Цыганом степь вокруг чернела!
Где город был или село —
И головня уже не тлела,
И пепел ветром разнесло,
Былинки малой не осталось,
Лишь одиноко возвышалось
Над пеплом дерево в степи.

С тех самых пор казахи (или киргизкайсаки, как их звали тогда) считают чудом уцелевшее дерево «святым».

И кайсаки почитают
Дерево святое,
На равнину приезжают,
Под листвою густою
Жертву дереву приносят,
Просят, умоляют,
Чтобы поросли пустило
В их убогом крае.

Поэт не только разузнал обо всем, что связано с одиноким деревом, не только проникся очарованием народного предания, но и вложил в него более глубокий смысл.

Почему именно семь лет бушевали «секира» и «огонь»? Да ведь столько продолжалось восстание казахов против самодержавия в 30-х годах XIX столетия! Царизм подавил выступление народа. Значит, это он принес опустошение краю; значит, это по его злой воле бедствует народ. А просьба к дереву — чтобы «поросли пустило в их убогом крае» —

«Джангис-агач». Акварель Т. Г. Шевченко

это живая, неугасимая мечта о возрождении народа, а через него и о расцвете земли.

Пять недель длился трудный переход по знойной зауральской степи. Зато в Раиме Шевченко ждал приятный сюрприз: по ходатайству старых друзей его включили в состав экспедиции, отправлявшейся на обследование Аральского моря. И кем? Художником!!! Шевченко чуть не плакал от радости. Пусть временно, пусть ненадолго, но — снова в руках карандаш и кисть.

ПРОСПЕКТ ДРУЖБЫ

...Вы теперь, конечно, догадались, почему я интересовался дорогой на Карабутак и в то же время одно за другим отвергал предложения о способах туда добраться. Ни поезд, ни самолет, ни такси, при всех их удобствах не давали возможности повторить путь, проделанный сто десять лет тому назад Тарасом Григорьевичем Шевченко, рассмотреть те места, которые видел он, наконец — встретиться с деревом (если оно сохранилось), вдохновившим поэта на создание замечательного произведения — легенды-мечты. Понятным становится и то, отчего в разговоре с диспетчером был упомянут обоз.

Искать обоза я, понятно, не стал. Пошел пешком.

Утром следующего дня передо мною открылась степная дорога. Та самая старая дорога, по которой некогда двига-

лись верблюжьи караваны да военные транспорты, и с одним из них шел великий сын Украины.

Та — и не та!

Дорога была старой — и новой; знакомой по ярким шевченковским описаниям, по его зарисовкам — и совершенно незнакомой.

Начать хотя бы с того, что за спиной, вместо одиноких построек старой Орской крепости, на десятки километров вглубь и в ширину простирался город. Даже с небольшого холма можно было охватить его панораму — стройные громады корпусов Южуралмаша и стометровые трубы никелевого комбината, градирни мощной теплоэлектростанции и замысловатые колонны нефтеперерабатывающего. Казалось, на много километров доносится дыхание города — со стройными ансамблями уже застроенных проспектов и кипучими новостройками на пустырях, с постоянным состязанием автомашин и трамвайных поездов, с сочной зеленью бульваров.

Зеленые друзья провожали меня до самой этой дороги.

Впрочем, они сопутствовали и дальше.

Вот и аул Жанаталап. Его проходил Шевченко.

Аул... От былого содержания этого слова тут не осталось ничего. Как в Ор-

ке не найти следов старой крепости, так здесь не сыскать каких-то примет давнего казахского кочевья — темного и голодного. Да я и не старался их искать. К чему? Куда радостнее видеть провода электричества и радио над чистенькими домиками, слышать шум тракторов на степном массиве, зайти в новый коровник, увидеть цветы в каждом дворе, а среди цветов — малышей, занятых своими важными ребячьими делами. Малышей с темными раскосыми глазенками и голубоглазых русских бутузов, играющих вместе и в «Чапаева», и в «тракториста». В совхозе «Мирном», центр которого — так сказать столица — и есть Жанаталап, оказались люди семи национальностей. Я видел их вместе на ферме и ремонте комбайнов, в тракторной бригаде и на огородном участке. Ближе к вечеру новые знакомые провожали меня «Проспектом дружбы». Так назвали здесь дорогу, что, пересекая аул, ведет к соседнему, а затем уходит в Казахстан.

ХЕРСОН КАЗАХСТАНСКИЙ

Эти просторы видел Тарас Шевченко, эти дали раскрывались перед ним, этим воздухом он дышал. Но не мог видеть революционный поэт золотистых массивов пшеницы, наступающих на дорогу откуда-то издалека, от самого горизонта. Ему не довелось слышать здесь рокота моторов, по-особому радостного среди бескрайней степи. Его не обгоняли машины с веселыми парнями и девчатами.

Необозримый степной океан дышал большой жизнью.

— Садись, подвезем!

Юркий «Москвич» остановился у обочины дороги.

— Садись, — повторил предложение молодой казах, открывая дверцу машины. — В Херсон едем!

В пути Мухтар Сакубалдин рассказал историю степного села с названием украинского города. Его основали крестьяне-переселенцы с Украины, они и дали имя — в память мест, из которых прибыли. Это было в начале нынешнего века, лет через пятьдесят после того, как тут проходил Шевченко. Можно представить себе, как обрадовался бы Тарас Григорьевич, повстречай он земляков!

Отвести душу родной речью, родными песнями... Но и такого мимолетного счастья ему не суждено было отведать.

Зато в актюбинском селе Херсоне я услышал проникновенное чтение шевченковской поэзии на чистейшем украинском языке, наслаждался родниково-чистой украинской речью и такими же чистыми, звонкими, задушевными песнями. Но не меньшее — а может, и большее — впечатление произвело на меня то, что творения поэта оказались на книжных полках и в домах казахов — хотя бы того же Сакубалдина, что именно он, потомок кочевников, говорил о желании назвать расположенную в селе ремонтно-техническую станцию именем Тараса Шевченко, а школу — именем другого украинца, в их селе рожденного, — Василия Синчука.

Синчук прославился в Великую Отечественную войну. Лично сбив восемь вражеских самолетов, он в последнем своем бою протаранил фашистского стервятника. Родина украсила его грудь Золотой Звездой Героя.

А сколько Героев Труда дало и еще даст это село, протянувшееся вдоль старой караванной дороги! Их подвиги в другом — в неукротимой переделке приrody, в поднятой целине, в первых, пока фруктовых, садах.

Преображается неласковая земля...

ДУМЫ ПОЭТА

В степях своя мера счета.

— Далеко до Батамшинского?

— Да нет, недалеко. Километров соток.

Для транспорта, с которым шел к Аральскому морю Тарас Григорьевич, это целых два перехода — два долгих дня.

В этих местах приходили к нему мысли о богатствах недр. «Отчего, — задумывался Шевченко, — никому в голову не придет поискать тут золото? Может быть, — продолжал он свою думу, — и в киргизской степи возник бы новый Санто-Франциско?»

Много лет спустя, уже под конец мучительной десятилетней ссылки, поэт повторил те свои вопросы в повести «Близнецы».

А ведь оправдалось, великий Тарас, твоё предвидение! И золото нашли, и многое, многое другое! Среди разнообразных ископаемых этих вот мест — хромиты, никеле-кобальтовые руды, минеральные краски, мрамор, известняки, асбест, магнетиты, гипс... Все сразу и не перечислишь.

И Батамшинский, где живут преимущественно рабочие никелевых рудников, и Хром-Тау — «столица хромитов», и другие поселки горняков имеют совсем короткую историю. Разведка, освоение богатств степного края начались только после того, как свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Но слава этих подземных кладов уже разнеслась далеко-далеко. Орский никель, выплавляемый из здешних руд, расходуется по всей стране, идет в десятки зарубежных стран. Не менее обширна география и актюбинских хромитов.

Усомнится ли кто, что так же, как

поднялся промышленный Орск, как возникли и растут его «младшие братья» — Медногорск, Ново-Троицк, Гай, — появятся города и на этих просторах, большие и прекрасные города, о которых мечтал Шевченко?..

ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА

Границу Карабутацкого района я перешагнул незаметно для самого себя.

Первое открытие, которое мне удалось сделать на его территории, состояло в том, что подробная карта района, долженствовавшая облегчить продвижение к конечной цели путешествия, оказалась далеко не точной.

— А где Ярославский?

— Где Щербаковский?

— Комсомольский?

— Псковский?

Под градом вопросов, которыми меня осыпал спрыгнувший с коня чубастый паренек с комсомольским значком («приехал из Ярославля, а теперь здешний, коренной»), я вынужден был взять обратное все слова в защиту «географического пособия», так тщательно срисованного с казавшейся новой карты Казахстана. Ни одного из названных паренком поселков на карте не было обозначено. А за ними были тысячи людей, приехавших в степь из Пскова и Ярославля, Щербакова и самой Москвы, чтобы покоришь веками пустовавшие земли; были новые совхозы с 300 тысячами гектаров освоенной целины и такими урожаями, которых в этих местах сроду не знали. Паренек авторитетно посоветовал выбросить карту и столь же авторитетно растолковал, как продолжать путь, чтобы добраться до Карабутака.

Не могу и подумать, что он ошибся.

Скорее всего, я где-то свернул с правильной дороги. Во всяком случае, и в конце дня районного центра достигнуть не удалось.

А места были удивительно знакомыми.

Цепь холмов чуть поодаль, в стороне зеленая ложбина...

Посмотрел на рисунок, сделанный Шевченко...

Да, я знаю эти места по шевченковским описаниям, по шевченковским рисункам. Где-то здесь, вероятно, и надо искать то дерево, которое воспел поэт.

Свернул к ложбине. Где же оно, одинокое дерево? И где сам Карабутак?

Не знаю, как долго пришлось бы мне ломать голову над своими недоуменными вопросами, если бы я не увидел вдали маленькую движущуюся фигурку.

Человек!

Это была старая казашка. Русского языка она не знала, а из казахского я знал лишь отдельные слова, из которых не построить и простейшего вопроса. Погоди-ка, а не попытаться ли объяснить с помощью названий, некогда записанных Тарасом Григорьевичем?

— Мана ауля агач?— Здесь святое дерево? Джангыс-агач.— Одинокое дерево.

И, исчерпав запас этих слов, я добавил еще одно:

— Шевченко.

Женщина улыбнулась. Повернувшись, она указала в ту сторону, откуда я шел к ней. Мы вернулись к зеленой ложбине и остановились у большой воронки.

— Джангыс-агач.

Здесь стояло то чудесное легендарное дерево. Что с ним случилось? Вероятнее всего, умерло под тяжестью прожитых суровых лет.

Старая казашка стала объяснять, но слова ее мне были непонятны. Почувствовав это, она остановила быструю речь, задумалась и, наконец, извлекла из памяти запомнившееся русское слово:

— Молния.

Значит, дерево уничтожила гроза? Позднее, когда мы пришли к домику Хадиши Галиевой и у нас оказался переводчик — ее сын Шиган, я узнал, что моя догадка о гибели дерева во время грозы оказалась правильной. Это произошло всего несколько лет тому назад.

— Поклонялись ли дереву в наше время? Украшали ли его?

— Да, поклонялись, чтя Шевченко. Не украшали — ведь теперь и стар и млад понимают, что это предрассудки.

Да и не одно это дерево ныне в степи. Видел ли я парк в Карабутаке? О, это замечательный парк!

Домик Галиевых был единственным жилищем возле старого, теперь уже чисто разрушенного форта, в закладке которого некогда участвовал «рядовой Тарас Шевченко». Новый Карабутак я не мог разглядеть только оттого, что он находился в... тридцати пяти километрах.

Я все же побывал там. Передо мною раскрылся большой современный поселок с ровными улицами жилых домов, с двумя школами, с Домом культуры и кинотеатром, с линиями электричества, радио, телефона, с деревьями в палисадниках и прекрасным парком в центре.

Так я нашел продолжение легенды. И, глядя на новый Карабутак, на новую жизнь степного края, не мог не сказать:

— Здравствуй, осуществленная мечта Кобзаря!

Л. БОЛЬШАКОВ

Рисунки В. Васильева

Орск — Карабутак. Лето 1960 г.

СЛЕДОПЫТЫ КНИЖНЫХ ТРОП

Этот человек не ходил с рюкзаком за плечами по горным тропам, не открывал золотых россыпей, не прокладывал новых дорог, не вскрывал древних курганов и не стирал белых пятен с географических карт.

И все же его имя с уважением и благодарностью поминают все те, кто изучал и изучает наш край. Поминают как истинного следопыта Урала, ученого, внесшего огромный вклад в изучение этого богатейшего района страны, человека, облегчившего людям кропотливую и трудоемкую работу, с которой обычно начинается всякое изучение чего бы то ни было. Этой работе он посвятил свою жизнь.

Жизнь его прошла среди узких коридоров библиотечных стеллажей, забитых тесными рядами книг, в тиши кабинетов крупнейших книгохранилищ страны, за ящиками, заполненными сотнями тысяч каталожных карточек.

Это был человек редкой и нелегкой профессии, требовавшей от того, кто посвятил себя ей, обширных, разнообразных и глубоких знаний, редкого упорства в достижении цели, исключительной аккуратности и точности, большой и бескорыстной любви к своему краю и к своему делу, чувства высокой ответственности за свою работу.

Он был *библиографом* — так называют специалистов по описанию и систематике книг. Академик С. И. Вавилов сказал когда-то: «Современный человек находится перед гималаями библиотек в положении золотоискателя, которому надо отыскать крупинку золота в массе песка». А библиография как раз и помогает нам с наименьшими трудами разыскивать такие золотые крупинки среди десятков миллионов томов, изданных за историю человечества. Не случайно В. И. Ленин придавал библиографии огромное значение.

Библиограф — следопыт книги. Он проклады-

вает тропы в книжных дебрях, открывает забытые печатные сокровища и, словно взяв за руку, уверенно ведет нас по лабиринтам хранилищ человеческой мысли, заключенной в письменных памятниках мировой культуры.

Николай Васильевич Здобнов родился в 1888 году в зауральском уездном городке Шадринске. Трудовая жизнь его началась с пятнадцати лет, когда он, окончив четырехклассное училище, поступил работать писцом и счетоводом в Земскую управу.

Но, отщелкав счетами положенное число часов в канцелярии управы, безусый счетовод торопливо бежал домой и садился за книги. Далеко за полночь светился огонек в квартире Здобновых — Коля с жадностью поглощал книгу за книгой, руководствуясь известной в то время «Программой чтения для самообразования», послужившей хорошей школой для всех тех, кому специальная учеба была труднодоступна. Она помогла заложить прочный фундамент знаний и будущему библиографу.

Получить высшее образование, конечно, хотелось, но увольнения, аресты, тюрьма, ссылка за противоправительственную деятельность надолго отодвинули осуществление этой мечты. Только в 1915 году Николаю Васильевичу удалось, наконец, закончить так называемый Народный университет Шаняевского в Москве.

Человек нелегкой и сложной судьбы, Здобнов, бывало, и ошибался и заблуждался во взглядах на жизнь, на свое место в политической борьбе, но он всегда был искренен и честен, всегда жил мыслью, что быть полезным своему народу — высшее счастье для человека.

В первые же годы Советской власти его можно было видеть в различных комиссиях при отделах народного образования, он создает пер-

вую в стране местную книжную палату, участвует в работе краеведческих организаций, с головой уходит в педагогическую деятельность.

Один за другим выходят его научные труды, помогающие молодой Советской республике использовать книжные богатства на службу народу.

Все, кто хоть раз брал в руки тоненькую, скромно изданную книгу с нарочито деловым названием «Указатель библиографических пособий по Уралу» (издан в 1927 году), тот не мог не помянуть добрым словом автора ее — Н. В. Здобнова, не мог не обратиться к ней второй, третий, двадцатый раз. В ней описано свыше 250 работ, обобщающих все, что напечатано когда-то по различным областям ураловедения — по истории, географии, геологии, ботанике, искусству и т. д.

Этот указатель был так обстоятельно, полно и любовно составлен, что вызвал много восторженных отзывов. Один известный библиограф-краевед писал о нем автору: «Я не раз проверял Вас и все хотел поймать на каком-нибудь пропуске или ошибке, но Вы всегда выдерживали экзамен на «отлично». Ваш «Указатель по Уралу» во время работы всегда у меня под рукой и является одним из самых любимых и надежных справочников для меня. Я постоянно люблюсь им, как он вкусно и обстоятельно сделан; так чувствуется в нем необыкновенная любовь к делу и предмету».

Работы Здобнова по библиографии Урала сделали огромной важности дело — они стали незаменимыми помощниками ученых, хозяйственников, краеведов в преобразовании старого демидовского Урала в могучий индустриальный край, гордость страны. Много сделал Николай Васильевич и для того, чтобы поставить книжные богатства на службу строительству социализма в таких отдаленных областях Советского государства, как Сибирь, Дальний Восток, Бурят-Монголия.

Свыше двухсот научных работ оставил после себя Н. В. Здобнов (он умер в 1942 году). Среди них такой монументальный труд, как «История русской библиографии», вышедшая тремя изданиями, единственное в своей области капитальное исследование.

Как создавались они, какого колоссального труда потребовали, можно судить по объему работы над «Библиографией Дальневосточного края». Библиографические разыскания производились коллективом, работавшим под руководством Николая Васильевича, в 30 крупнейших книгохранилищах страны. На учет было взято свыше 30 тысяч печатных единиц, постатейно обследовано почти 900 комплектов журналов и сборников (около 60 тысяч томов). Из этих тысяч тонн книжной руды было выловлено более 70 тысяч драгоценных крупиц — трудов, имевших отношение к Дальнему Востоку. Описание их заняло около 25 тысяч машинописных страниц.

Труды Здобнова проложили горные тропы через труднопроходимые книжные гималаи, которые предстояло преодолевать в те годы советским людям, осваивавшим богатства страны для пользы освобожденного народа. Но и теперь, когда усилиями многих ученых эти тропы обратились в широкие, удобные дороги, значение их не утратилось: мы повседневно обращаемся к ним, с благодарностью вспоминая самоотверженный, кропотливый труд замечательного нашего земляка, следопыта книги — Николая Васильевича Здобнова.

Юр. Кин.

СОБРАЛИСЬ КРАЕВЕДЫ

Утром 1 февраля зал Детского театра в Перми заполнили ученые, хозяйственники, учителя, работники музеев, опытные сельского хозяйства, лесоводы и садоводы, рыбаки и охотники — краеведы и природолюбцы Пермской области. Прибыло много гостей из Свердловской, Челябинской, Кировской и других областей.

Три дня шел большой, откровенный и серьезный разговор об итогах и дальнейших путях изучения края, об охране его природных богатств. Около 90 докладов на секциях и 16 докладов на трех совместных заседаниях заслушали участники конференции. О задачах краеведов и природолюбцев, в связи с принятием закона об охране природы, рассказал председатель Пермского отделения общества А. К. Шарц. Заместитель председателя Пермского совнархоза В. И. Шумков доложил о том, что предпринимает и что еще намерен предпринимать совнархоз по сохранению природных богатств. Об охране леса, живой и неживой природы края говорили начальник инспекции охраны леса В. П. Неверов, профессора Г. А. Глумов и Г. А. Максимович. Работники музеев и районных отделений Общества охраны природы поделились опытом своей работы. Краеведы и ученые рассказали об интересных работах последних лет, расширяющих наши знания о Прикамье. Работники сельскохозяйственной науки и практики обсуждали важнейшие вопросы, связанные с подъемом сельского хозяйства своей области.

— Настоящие краеведческие курсы! — сказал в перерыве конференции один из молодых краеведов. И это верно: собранные воедино доклады и сообщения (а они будут изданы отдельной книгой) станут хорошим пособием всем изучающим наш край. Жаль только, что на этих замечательных «краеведческих курсах» было очень мало молодых краеведов, тех, кому такая школа была бы особенно нужна.

Многие участники конференции обещали редакции «Уральского следопыта» сделать на основе своих докладов интересные очерки и статьи для нашего журнала.

Беспокойный сосед

Иосиф КУРЛАТ

Рисунки В. Бубенщикова

Называли соседа
Не раз чудяком,
И шутили над ним,
И смеялись тайком:

— Не от мира сего,
Он какой-то чудной,
Хоть однажды бы сделал
Себе выходной!

Но сосед все ходил,
Бормотал и курил,
На бумаге какие-то
Схемы чертил.

Приходили к соседу
Друзья по ночам
И молились каким-то
Сверхмощным печам.

Пели песни под утро,
Встревожив весь дом,
И соседи их шум
Выносили с трудом.

Жил у нас за стеной
Беспокойный сосед,
До утра не гасил
Электрический свет.

Все по комнате гулкой
Ходил и ходил
И одну за другой
Папиросы курил.

Были рады они,
Услыдав его бас:
— До свиданья!
Я еду работать в Кузбасс!

До свиданья! Я еду
К сверхмощным печам,
О которых не раз
Я мечтал по ночам.

До свиданья!
Не помните лиха,
Друзья!
И ушел, по перилам
Рукою скользая.

Шел в пальтишке осеннем,
В очках. Налегке.
Чемоданчик свободно
Болтался в руке...

В комнатушке его
поселился другой.
Гасит вовремя свет
И следит за собой.

Аккуратный — в одиннадцать
Ляжет в кровать,
И ни звука уже
Из-за стен не слышать.

Разобраться — так он
Человек ничего...
Но у нас почему-то
Не любят его.

Может, в этом повинен
Газетный портрет,
На котором смеется
Наш бывший сосед?

Пусть вернется он к нам,
Пусть не спит по ночам,
Пусть он молится этим
Сверхмощным печам!

Загадки БАШКИРИИ

Белым пятном на карте называли раньше участки земли, еще не разведанные человеком. Теперь таких участков на нашей планете почти нет, поэтому и слова «белое пятно» мы слышим все реже и реже. Если их употребляют, то чаще всего применительно к чему-то неразведанному в какой-либо науке.

А таких белых пятен еще немало вокруг нас. На что, казалось бы, давно обжитой и основательно изученный край — Башкирия, но и здесь есть они. О нескольких таких, еще не до конца разгаданных загадках природы нашего края я и хочу рассказать молодым следопытам — ведь именно им и предстоит разрешить эти загадки.

ЮРМАШСКИЕ КАМНИ

В Белорецком районе, на правом берегу речки Юрмаш, недалеко от деревни Ассы, лежит несколько больших глыб красного камня. У окрестных башкир с давних пор существует поверье, что если эти камни ударить чем-нибудь или даже только прикоснуться к ним, немедленно возникает гроза, дождь. Для того чтобы люди и пасущийся тут скот не прикасались к «чудодейственным» камням, они обнесены изгородью.

Академик Ф. Н. Чернышев, производивший в 1881—1884 годах геологические исследования на Южном Урале, писал об этих камнях следующее: «Я, несмотря на уговоры проводников, отбил образчик от таинственного камня, но сильно об этом пожалел, когда к вечеру вдруг надвинулись тучи, и началась жестокая гроза».

Несколько лет назад я специально посетил юрмашские камни. Это было в июне, стояла жаркая погода. Уже перевалило за полдень, когда мы с проводником башкиром подъехали к камням. Небо было чистое, ни одна тучка не затемняла его. «Сегодня самый подходящий день для проверки таинственной силы этих камней», — думал я, слезая с лошади.

Я перелез через изгородь и отбил молотком от одной из глыб кусок горной породы, которая оказалась ленточным мергелем (глинистым известняком). Общий тон породы красноватый. Эти мергели — очень древняя осадочная порода, образовавшаяся около миллиарда лет назад.

Скоро мы двинулись в обратный путь, но не успели отъехать и пяти километров от загадочных камней, как подул прохладный ветер. Над нашими головами собрались тучи. Ослепительно свернула молния, а за ней раздался оглушительный гром. Хлынул дождь. Сверкание

молний и раскаты грома становились чаще. К нашему счастью, ливень с грозой продолжался недолго.

Загадка красных камней заинтересовала меня. Разумеется, версию о таинственной силе их пришлось отбросить, как пережиток прошлого невежества и суеверия. Несомненно, удары по этим камням и появление вскоре за этим дождя с грозой — случайное совпадение. Но совпадение очень частое. Поэтому возникли вопросы: почему на этом участке часты дожди и грозы и почему они чаще всего возникают вечером, перед заходом солнца? Приписывать это каким-то особым свойствам ленточных мергелей нет оснований. Такие мергели широко распространены на Южном Урале. Мне приходилось во многих местах не раз колотить их молотком, но при этом я ни разу не замечал, чтобы это вызывало дождь и грозу.

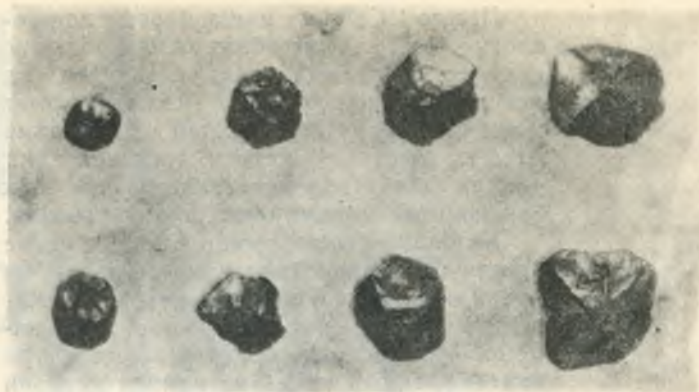
Значит, причина частых дождей с грозами на речке Юрмаш другая. Здесь грозовые тучи, очевидно, возникают большей частью на месте. В районе реки Юрмаш расположены обширные горные массивы. Их вершины представляют собою голые скалы, окруженные каменными россыпями. В жаркие летние дни здесь могут возникать восходящие токи теплого воздуха и формироваться, чаще во второй половине дня, грозовые тучи.

В этом районе также имеются крупные разломы в земной коре, которые могут служить путями для выхода из глубин радиоактивных газов. Ионизация воздуха часто сопровождается образованием грозовых туч.

Но все эти предположения еще требуют дополнительных доказательств. Систематические наблюдения краеведов и туристов над юрмашскими камнями помогут ученым разрешить и эту загадку.

ГРАД ИЛИ НЕ ГРАД?

В истории естественных наук бывают случаи, когда какие-либо явления природы очень долго не находят себе правильного объяснения. Такая участь постигла и оригинальные по своей форме и внутреннему строению камешки, обнаруженные летом 1824 года в окрестности деревни Средний Армет (Макаровский район).

*«Арметьевские камешки».
В натуральную величину.*

Изучение природы арметьевских камешков продолжается вот уже 136 лет. Исследованием их занимались многие русские, советские и зарубежные ученые, о камешках написано 63 статьи в отечественных и иностранных научных журналах. Загадочные камешки хранятся в музеях как исключительная редкость.

Первым сообщением о находке камешков был рапорт от 16 (29) июля 1824 года стерлитамакского исправника Еселева на имя оренбургского губернатора. В нем говорится: «...В начале июня месяца текущего года днем перед закатом солнца шел из тучи... сперва необыкновенно сильный дождик с крупным ледяным градом и продолжался не более примерно одного часа, потом она туча ушла... После дождя дети из деревни Средний Армет пошли за ягодами и за речкой на пашне собрали 30 штук оригинальных «камешков» небольшой величины, лепешечкой, на обеих сторонах полочки крестиком, похожие более на чугунный металл».

Известный советский минералог профессор П. Л. Драверт в 1945 году писал, что арметьевский каменный град представляет собой псевдоморфозы (ложные формы) водной окиси железа по железному колчедану (пириту). Они заключались в песчаниках или глинах третичного возраста в Западном Казахстане. При выветривании (разрушении) этих пород камешки были втянуты в атмосферу смерчем (вихрем), затем обросли льдом при образовании града и выпали в районе Стерлитамака.

С таким взглядом согласились в последнее время и некоторые другие ученые.

Летом 1931 года наша партия при геологической съемке обнаружила большое количество своеобразных камешков на левом склоне долины Малый Армет между деревнями Верхний и Средний Армет. Местные жители называют их «кадак-баш» (головка гвоздя), так как они формой напоминают шляпку гвоздя.

Камешки были хорошо заметны после дождя на недавно вспаханном поле. Мы набрали их около килограмма. Они оказались совершенно схожими с теми камешками, которые описаны в литературе как «каменный град» из района деревни Средний Армет. У меня не было тогда сомнений в их земном происхождении.

Чтобы убедиться в этом, я дважды (в 1955 и 1957 годах) посетил район селений Верхний, Средний и Нижний Армет. Обнаружил ряд новых мест, где встречаются «градины».

Цвет камешков темно-бурый с коричневатым оттенком. У свежих экземпляров поверхность блестящая, а у полуразрушенных — матовая. Форма их различна: от почти шаровидных до лепешкообразных. На поверхности их от 4 до 8 радиальных валиков и множество очень мелких концентрических штрихов. Чем больше сплюснут камешек, тем больше на нем валиков и штрихов (крупных и мелких морщинок). Размеры камешков от 3 до 15 миллиметров.

Исследования привели меня к совершенно иному выводу о природе арметевского «каменного града».

Этот «град», несомненно, земного происхождения.

Камешки «кадак-баш» образовались в почвах путем отложения водных окислов железа в виде коллоидальных стяжений (сгустков). Возможно, что этот процесс происходил при участии железобактерий. Особенно усиленно образование происходило здесь в прошлом, когда склоны долины реки Малый Армет были покрыты лесом и формировались серые средне-подзолистые лесные почвы.

ДИКОЕ ОЗЕРО

Это интересное озеро находится в Бирском районе, близ села Симкино. Под этим названием оно упоминается в ряде книг по географии Урала и Приуралья. Однако его своеобразная природа до сих пор полностью не раскрыта.

По рассказам местных жителей, осенью при умеренных морозах озеро покрывается сплошным льдом, а при наступлении сильных морозов лед на озере, наоборот, исчезает. При этом из воды выделяется много сероводорода. За эти странности озера жители и называли его Диким.

Наблюдения показали, что озеро питается подземными водами, содержащими сероводород. В местах выхода сероводородных источников из воды поднимаются пузырьки этого газа. Если его собрать в бутылку и поджечь, то он горит синим пламенем.

Сероводород, проходя через воду озера, разлагается на водород и серу. Водород, соединяясь с кислородом воздуха, дает воду, а сера выпадает на дно озера в виде желтовато-белых хлопьев. Поэтому дно озера покрыто белесоватым пушистым илом. Некоторая часть серы соединяется с растворенными в воде металлами (железом, медью и другими) и образует сернистые соединения их, которые также оседают на дне озера.

Процесс разложения сероводорода в озере наиболее силен летом, когда вода свободно соприкасается с атмосферным воздухом. Зимой этот процесс затруднен из-за ледяного покрова. Поэтому сероводород накапливается подо льдом и съедает его. Газ, освобожденный от ледяных оков, распространяется по окрестностям озера.

Если судьба выделяющегося на озере сероводорода нам более или менее ясна, то неясно, откуда берутся сероводородные источники. Сероводород может возникать путем разложения без доступа воздуха органического вещества, накапливающегося на дне озера. Подземные воды могут выносить сероводород из древнетретичных или верхнетретичных битуминозных пород, которые здесь, вероятно, есть. Наконец, сероводород может поступать с больших глубин, из вод, связанных с нефтяными месторождениями.

Изучение природы этого озера может иметь и практическое значение: поиски нефтяных и газовых месторождений, использование сернистых вод и грязей озера для лечебных целей.

Профессор Г. ВАХРУШЕВ,
заслуженный деятель науки БАССР.

ВЫСТРЕЛ НАД ОБРЫВОМ

Очерк

Борис МИЛЬМАН
Евгений СПЕХОВ

Рисунки М. Брусиловского

Возница-манси ловко управлял упряжкой, монотонно напевая что-то. Иногда, на минуту умолкнув, он лениво подгонял оленей шестом, и они убыстряли шаг.

А манси все пел и пел...

— Второй час поешь и все об одном,— улыбнулся Павел.

— Никак не одним. Лес пою, охота пою, зверь дорогу бежал—пою. Слушай надо. Понимай надо,— манси в сердцах ткнул оленей шестом. Упряжка легко подхватила нарты. Завихрилась снежная пыль.

Поддавшись очарованию скорости, Павел не заметил, как остался позади редкий еловый лес. Дорога стрелой пролегала по снежной равнине, тоскливой и однообразной. Павел оглянулся назад. Где-то за этими снегами и горами осталось Бурмантово. Сколько прошло с того дня, как он, фельдшер Павел Попов, приехал в далекий поселок?.. Всего два года?.. А кажется, так давно это было. Сколько километров с тех пор отшагал он, проехал на оленях по северным тропам. Пожалуй, во всей округе манси знают русского «дохтура».

Вот и вчера с нарочным пришла весть из Суеватпауля — тяжело болен охотник.

— Поедете, Павел?— спросила главврач Мария Яковлевна.— Правда, вам отдохнуть надо, только вернулись. Но другого некого...

— Потом отдохну, Мария Яковлевна, после Суеватпауля.

...Равнина так же внезапно кончилась,

как и началась. Упряжка мчалась под гору. На повороте нарты качнуло. Павел еле усидел.

— Тормози своим транспортом,— пошутил он.

— Не-е, хорошо идут,— отозвался манси и грозно прикрикнул на оленей.

Снова стремительный рывок. И снега, снега, снега... Белое безмолвие. Оно всегда вызывало у Павла раздумье о жизни, об этом суровом крае, к которому успел привязаться. О Наташе.

Я милую землю навек полюбил
За то, что ты ходишь по ней.

Наташа... Он пришел к ней за несколько минут до отъезда. Наташа ждала. Он решил сказать ей сегодня все: что она, Наташка, самая хорошая, чудная, что он любит ее, любит.

А сказал:

— Я еду, Наташа.

И растерялся,— не те, совсем не те слова.

— Ты мог бы хоть на этот раз остаться в Бурмантово?— спросила она.

Ветер с силой хлестнул снегом в окно. «Будет пурга»,— подумал Павел.

— Надо ехать, Наташенька. Я же медик.

— Когда ты в дороге, я так боюсь за тебя, так боюсь.— Она уткнулась лицом в ласковый мех шубы.— Возьми мой талисман.

И она подала ему крохотного соболенка, искусно вырезанного из кости. Павел рассмеялся, но соболенка взял.

...Вскоре приехали в Суеватпауль. Павел отыскал дом, где лежал больной охотник. Одна большая комната, в углу печь. Лавки, длинные и широкие, покрыты медвежьими шкурами. На одной из них лежал больной.

Павел сбросил шубу и надел халат.

— Давно заболел?

— О прошлой субботе. Как пришел из тайги, так и занемог. И в бане его парила, и водкой натирала— все горит.— Женщина поднесла к глазам платок.— Даже меня не узнает. И сыпь какая-то по всему телу.

— Сыпь?— Недоброе предчувствие овладело Павлом.— «Неужели?.. Нет, нет...»— За два года он ни разу не находил ни у одного больного...

Охотник бредил, раскинув руки. Павел склонился над ним. «Высокая температура... Сыпь... Глаза красные,

блестят... Да, да... Это тиф... сыпной тиф...»

— Дом зайдем под больницу, хозяйка. Не тревожьтесь, обойдется. И не пускайте сюда никого.

Тиф... Страшная болезнь, она может распространиться на всю округу. Спокойно, не терять головы. Что нужно прежде всего? Вызвать врачей— раз. Изолировать и лечить больного— два. Определить все стойбища, все юрты, где он мог побывать— три. Объехать эти стойбища самому— четвертое и, пожалуй, самое главное.

Возница-манси погнал оленей назад, в Бурмантово. А Павел, отправив больного в поселок, выехал к дальним мансийским юртам.

В двух юртах никаких признаков тифа не было. Но в третьей оказался больной. Все снова— больного в теплую одежду, на нарты и в Суеватпауль. Дезинфекция юрты, осмотр всех жителей— и дальше в путь, трудный, долгий...

Охотник, посланный Павлом вперед, сообщил, что в самой дальней юрте района еще один больной манси.

Снова снега, снега, снега. Четвертый день разъезжает он по округе. Четвертый день...

Павел подставил лицо встречному ветру. Злитесь поземка.. Как там больные? Приехали ли наши?

Утомленный дорогой, он спрятал замерзшее лицо в воротник тулупа и задремал.

Проснулся от толчка. Нарты зацепились за тупой камень, торчащий из снега, как надгробие. Неподалеку стояла юрта. Повизгивали собаки. Слышался громкий плач. Павел шагнул к юрте. Перед ним внезапно выросла громадная фигура мужчины с суровым, словно высеченным из камня, обветренным лицом,— именно такими представлял себе Павел русских первооткрывателей. Мужчина был без шапки. Красный пуховый шарф выбился из-под воротника, и концы его свешивались до пояса.

— Поздно, доктор. Умер старик. Я знал его...— сурово произнес он.

— Кто вы?

— Учитель, Георгий Павлович Сологубов. На Севере давно, а здесь— три месяца. Дальше я один поеду,— вдруг переменял он тему разговора.— У тебя там больные. Поверь, я знаю, что такое тиф. Справлюсь. А ты езжай.

...В Суеватпауле Павла уже ждали врачи. Пока он ездил в дальние юрты, они переоборудовали дом охотника в больницу и еще раз объехали все соседние стойбища оленеводов.

Теперь врачи боролись за жизнь людей здесь, в больнице, где они были сильнее. Они применяли новейшие медицинские средства. И коварная болезнь начала постепенно отступать. Отступать медленно, цепляясь за каждую возможность сделать недоброе людям.

И все-таки наступил тот час, когда главврач собрала медиков.

— Мы сделали все, что могли,— сказала она.— Радостно, что мы остановили болезнь. Можно возвращаться назад. Одному придется остаться с выздоравливающими. Я знаю, Павел Попов никому не отдаст такое право. Он спас этих людей. Оставайтесь, Павлуша, пока не выздоровеет последний человек. А дней через десять я навещу вас.

Павел проводил их далеко за селение. Пока упряжки не скрылись из виду, он одиноко стоял на дороге и смотрел вслед удаляющимся нартам.

Прошло несколько дней. Манси чувствовали себя хорошо. Скоро Павел мог возвратиться в Бурмантово. Скоро он увидит свою Наташу. А потом они поедут в отпуск, к родным. Поженятся.

Павел взял в руки фотографию. Наташка...

Бесшумно вошел Георгий Павлович.

— Тоскуешь?

— Да. Чего задержались, Георгий Павлович?

— Заехал еще в несколько юрт. На всякий случай...

Они присели на лавку у печки. Сологубов деловито стал отдирать от бороды ледяшки.

— Любишь Север, Павел?

— Люблю. Хотя как-то не задумывался над этим. Нравится мне этот край. Суровый. И люди суровые, а хорошие...

— Да. И я люблю.— Сологубов тяжело вздохнул.— А вот жена здешнего климата не переносит. На юг уехала. Был я прошлым летом у нее. И знаешь — затосковал. Виду не показываю, а тоскую. И конца отпуска не дождался. Уехал.

Он сказал это с такой грустью, что Павлу стало жаль этого большого и сильного человека.

— Вернется жена, Георгий Павлович, обязательно вернется.

— Не знаю, не знаю, Павел...— Он задымил трубкой, чтобы Павел не видел его лица.

В дверь настойчиво постучали. Павел откинул крючок. Перед ним стоял пожилой манси.

— Дохтур видать надо.

— Я доктор.

Манси испытующе посмотрел на Павла и ломаным русским языком стал объяснять, что в лесу, в юрте, спрятан от врачей больной манси Иван Куримов.

— Ему помогай надо. Молодой. Помирай жалко...

Павел принял решение сразу.

— Отвезете к больному?

— Самый юрта не повезу, хозяин обида держать будет. Мало-мало не довезу.

— Ну, хорошо. Георгий Павлович, посмотрите за больными.

— Может, мне поехать, Павел?

— Нет. Вероятно, придется оказать первую помощь.

Не доезжая с километр до юрты, Попов оставил нарты и пошел пешком. Старый манси тотчас повернул назад.

Павел вошел в юрту незамеченным.

— Кто здесь болен?— громко спросил он. Все повернулись к нему, умолкли. Низенькая, сморщенная старушка пробормотала:

— Нет, нет, дохтур. Все здоровы. Сын охота пришел... Устал...

Павел осмотрел больного. Конечно, тиф.

— Придется увезти в медпункт,— сказал он.

— Не надо везти,— мрачно заявил кряжистый, как кедр, старик.— Шаман придет — Иван жить будет.

Он кивнул головой юркому мальчонке, и тот метнулся из юрты. Павел услышал удаляющийся топот оленьего стада.

— Давай оленей.

Старик спокойно потягивал трубку.

— Олени далеко. Снег глубокий.

Павел выбежал наружу — на самом деле, оленей уже увели. Он снова вбежал в юрту.

Иван Куримов, разметавшись, лежал на шкурах. Лицо его пылало. Откуда-то из горла вылетали клекочущие звуки. Фельдшер наклонился над ним, осмотрел еще раз — язык обложен, заметны трещинки. Ну да, классическая картина сыпного тифа...

Он поднял голову от больного, строго глядел всех обитателей чума.

— Надо в медпункт,— решительно повторил он.

Ответом было долгое молчание. Потом старик — сразу видно, глава семьи — молча вышел из юрты. За ним потянулись остальные.

Павел остался один.

Вначале полная дезинфекция жилища. А потом... Потом он натянул на больного малицу и вытащил наружу.

Поблизости никого не было — все ушли. Неподалеку от юрты он приметил наспех прикрытую чем-то нарту. Павел уложил манси, а сам впрягся в постромки. Нарта скользнула легко и послушно.

Чем дальше уходил он в лесную чащу, тем тяжелее становилось тянуть нарту. Она то кренилась набок, то застревала в снегу.

Ноги отяжелели. Теперь Павел все чаще отдыхал. Усталость валила в снег. Порой он чувствовал — больше не подняться. И все-таки вставал, а нарта снова медленно ползла по заснеженной пустыне.

Ночь застала в пути. Лес, разбуженный северным ветром, тревожно шумел. Нарта окончательно застряла в снегу. Тогда Павел взвалил больного Куримова на плечи и, проваливаясь по колена в снегу, побрел дальше.

«Не заразиться бы», — мелькнула опасливая мысль. Но он отогнал ее. Идти... Шаг за шагом он выбирался на главную, наезженную тропу.

...Под утро их подобрал почтальон-манси. Павел поморозил лицо.

Но уже через день он был на ногах. Манси благодарно посматривали на

БЕЗМОЛВНАЯ ЛЕТОПИСЬ

Какая погода была сто, двести, триста лет назад! Это иногда важно знать. Но метеорологические наблюдения в Свердловске есть только за сто двадцать пять лет. А где узнать о том, что было до этого! Здесь ученым помогла другая летопись, оставленная нам природой. Это срез гигантской сосны, срубленной в 1936 году в Серовском районе. Он хранится в Свердловском краеведческом музее. Диаметр среза 87 см, а площадь его равна приблизительно 6000 кв. см. При таком диаметре высота дерева должна быть не менее 50—55 метров. Это был настоящий гигант лесного царства! Семечко, из которого выросла сосна, проросло в 1535 году. Ивану Грозному в то время было всего пять лет.

Такой срез — летопись климата. Достаточно беглого взгляда, чтоб заметить четкую закономерность в распределении годовичных колец.

Одиннадцатилетний цикл солнечной деятельности и связанные с ним колебания климата особенно отчетливо выражены в конце XVI и в начале XVII веков. В среднем через каждые 7—8 узких колец идут 3—4 более широких: короткие вегетационные периоды сменялись более продолжительными и теплыми. В первые девяносто лет дерево росло быстро, ширина годовичных колец достигала трех миллиметров. В последующие 170 лет прирост медленно сокращался. В середине XVIII века, приблизительно в 1761 году, лесной пожар сильно

повредил дерево. С этого года прирост резко сократился. Годичные кольца откладывались неравномерно, нарастая в местах, не тронутых огнем. Последние 135 лет, перед тем как его срубили, жизнь дерева угасала, годовичный прирост не превышал двух десятых миллиметра.

Четыре века шумело дерево своими могучими ветвями. Четыре века над его вершиной проносились грозы и бури. А оно все стояло и год за годом, словно летописец, отмечало колебания климата.

Среди теплых и холодных периодов, отмеченных деревом, можно выделить самые теплые: в 1569—1570 годах, а также в 1575 и в 1800—1801 годах. Самый холодный период отмечен с 1679 года — целых двенадцать лет.

Наукой давно установлены, помимо одиннадцатилетних, вековые колебания климата. XIX век характеризовался более холод-

молодого русского «дохтура», который часами просиживал у постели Ивана Куримова.

— Будет жить Иван! Будет! — уверенно говорил он.

На самом деле, кризис вскоре прошел. Но вдруг сам Павел почувствовал себя плохо. А еще через день — не смог встать.

Манси забеспокоились. Послали за Сологубовым. Георгий Павлович прибежал, запыхавшись.

— Что, Павел?.. Езжай в Бурмантово!

— Нельзя мне ехать. — И, чтобы никто не слышал, тихо добавил: — Уже нельзя. Сейчас дам записку. Отвезите в Бурмантово... если успеете.

Он вырвал из блокнота листок и стал торопливо писать. «Мария Яковлевна, больные чувствуют себя хорошо, поправляются. Что-то страшилось со мной. Видно, все-таки тиф. Если есть возможность, пришлите кого-нибудь. Павел».

Ему становилось все хуже и хуже. Сквозь бред он звал Наташу и Ивана Куримова...

Сологубов с врачом сменили несколько упряжек, прежде чем вернулись в Суеватпауль. Но было уже поздно, очень поздно... Организм не выдержал перегрузки последних недель, тиф дал осложнения. В Бурмантово Павла привезли на самолете изможденного, без созна-

ния. Врачи ни на минуту не отходили от него.

...Он умер перед рассветом, не дожив нескольких часов до своего двадцатидвухлетия.

Наташе разрешили войти. Она со страхом смотрела на черное, неузнаваемое лицо Павла, не осознавая всего случившегося. Крепко сжала дрожащими руками заплаканное лицо.

Маленький костяной соболенок сиротливо лежал у кровати.

Манси отказывались верить, что «дохтур» умер. Они группами собирались у больницы, задумчиво посасывали длинные резные трубки:

— Жаль, ай-ай-ай. Манси жив, дохтур умирай. Ай, нехорошо.

В день похорон десятки оленьих упряжек держали путь в Бурмантово.

Павла похоронили на крутом берегу Лозьвы, — там и сейчас его могила.

Хотя он не был солдатом, двадцать четыре залпа из трехлинейек слились в одном прощальном салюте.

И когда все склонили головы перед этим мужественным юношей, ценой своей жизни спасшим многих людей, раздался глухой, двадцать пятый, выстрел. Над обрывом стоял Иван Куримов. В его руках дымилась двустволка. По лицу текла одинокая скупая слеза...

Бурмантово — Свердловск

ной погодой, что подтверждается метеорологическими наблюдениями. О более давних временах хорошо рассказала сосна. Судя по срезу, более теплыми были XVI и XVIII века, а более холодным — XVII век.

Сейчас мы живем в период потепления. По данным ученых-

климатологов, это потепление подходит к концу, возможно, что в ближайшие десятилетия климат на Урале станет более суровым.

В истории Земли было немало холодных и теплых периодов. В конце X века в Гренландии были организованы норвежские колонии, в которых процветало жи-

вотноводство, а сама страна отличалась мягким и влажным климатом. В переводе Гренландия означает «Зеленая страна».

С середины XIII века исторические источники отмечают быстрое ухудшение климата Атлантики и Европы. В XIV—XV веках гренландские колонии норвежцев гибнут из-за наступившего опеденения. Теперь ледяной покров на побережье Гренландии отступил, и здесь появились поселения эскимосов, а американцы строят свои военные базы.

Начавшееся в XVI веке улучшение климата идет неравномерно. Теплые периоды сменяются холодными с тем, чтоб уступить место еще более теплым. Весьма возможно, что похолодание, которое может наступить в ближайшем еще более теплым периодом.

Л. ФЕДОРОВ.

НА ЛЕДЯНЫХ ПРОСТОРАХ БАЙКАЛА

Фотоочерк П. Мартынова

По роду своих занятий мне часто приходится ездить по Северному Байкалу наблюдать и подмечать интересное в природе и деятельности людей этого сурового и одновременно замечательного края.

Тяжело и медленно становятся байкальские льды. Штормовые ветры долго спорят с морозом. Ломают и носят байкальские волны только что образовавшиеся ледяные поля, разбивают их на куски и выталкивают на прибрежные отмели огромными торосами до десятка и более метров высоты.

Наступила суровая зима, но жизнь на Байкале не затихает. С давних времен ледяная байкальская гладь служит путем-дорогой с юга на север. Сотни тонн грузов на лошадях и автомашинах перевозят из Улан-Удэ и Иркутска в северные прибайкальские поселки: Нижне-Ангарск, Байкальское, Давшу, Томпу и другие. Небезопасен путь по Байкалу. При смене температур образуются широкие щели и опасные нажимы, которые приходится преодолевать байкальским шоферам. Для этого мало одной смелости и отваги, требуются большие знания особенностей становления льдов на этом водоеме.

Но не только машины идут по Байкалу. Ровные и толстые льды вблизи прибрежных таежных поселков служат посадочными площадками для самолетов. Пассажиров, грузы, кинокартины и почту везут они в далекие таежные поселки.

Весной, когда берега уже свободны от снега, шумят таежные ручьи и реки, неся свои воды в Байкал, ледяная гладь по-зимнему бела. В это время на байкальских ледяных просторах начинается новая жизнь: выезжают на промысел нерповщики-зверобой добывать морского зверя — нерпу. В давние геологические эпохи пришли ее предки из морей Ледовитого океана в Байкал через речные системы.

Оригинален и самобытен байкальский тюлений (нерпичий) промысел. Байкальская нерпа не имеет стадных залежек при щенке, поэтому охотникам приходится скрадывать отдельно каждого зверя, выходящего на лед после долгой зимней подледной жизни, прикрывая себя белым паруском, закрепленным на специальных санках. Такой способ добычи называется «саночным», или «конным».

Байкальская нерпа — зверь осторожный. От промысловика требуются умение отлично владеть нарезным оружием, охотничья сноровка, большая физическая выносливость.

Нерпа — обладательница лучшего жира для жирования (замшевания) высших сортов кож. Из серебристых шкурок молодняка изготавливается красивая верхняя одежда, легкая зимняя дамская обувь и другие оригинальные изделия.

Охотники за нерпой в первую половину промыслового сезона (с конца апреля и до распада льдов) живут среди льдов, вдалеке от берегов, в палатках с полом, выстланным сеном и оленьими или медвежьими шкурами. Неделями живут люги среди слегка всторошенных льдов, совершенно не думая о том, что под ними «пучина морская».

Подходит к концу «саночный» сезон охоты. Льды становятся слабыми, водянистыми, план добычи выполнен. Снимают нерповщики свои таборы, складывают добытых нерп и промысловое имущество на сани. Впереди длинный путь по ледяной дороге с большим и тяжелым возом.

БУХТАРМИНСКАЯ ИСТОРИЯ

К. БОГОЛЮБОВ

Памяти П. П. Бажова

Рисунки М. Брусиловского

Ну, что ж, раз хотите, могу рассказать эту историю.

Было мне в ту пору лет пятнадцать, и служил я рассылкой при уюме партии, как сын красного партизана. Отец у меня сильно геройский был. Он и в германскую воевал, а как началась гражданская, ушел к Ефиму Мамонтову в партизанский отряд. Вместе с ним и город наш брал. Дома месяца не прожил, опять в поход собрался. Мать ему:

— Еще не навоевался... Мало тебе трех ранений да голодовки в Касмалинском бору?

А он в ответ:

— Пока с последним гадом не разделюсь, жена мне — винтовка.

Убили его в боях под Перекопом.

А история моя случилась весной 1920 года, в первые месяцы Советской власти. В то время много разного люда появилось в нашем городе. Были тут и питерские рабочие, и беженцы с Волги, с Оренбургской губернии. Сначала с флагами ходили, песни пели, а потом пошли трудности. Главная была в том, что жили мы на самом краю. Наш Усть-Каменогорск — возле границы. А за границу, как Колчака разгромили, перебравшись его недобитки — и черные гусары Анненкова, и карательные отряды, и корпус генерала Бакича. Какой там только сволочи не было! Да тут еще обнаружили внутренние банды Кайгородова, Плотникова, Рогова. У тех свой лозунг был: «За Советы без коммунистов!» Вон оно как!

Конечно, коммунисты в первых рядах шли, первыми и грудь подставляли под вражескую пулю. В ту пору секретарем

у нас работал товарищ с Урала. Он у нас в уезде и Советскую власть устанавливал и первую советскую газету основал. Человек уже в годах, из себя плотный такой, лобастый и большебородый. За бороду его звали «дедом», так что-то вроде партийной клички. Он и в Сибирь-то попал по партийному заданию.

Говорил тихо, но внушительно. Конечно, трудно ему приходилось в те беспокойные времена.

Бывало, спросишь:

— Когда же вы отдыхаете, товарищ секретарь? А он усмехнется в бороду и скажет:

— Время не пришло для отдыха, Митьша.

Он меня Митьшей звал, как у них на Урале по заводскому обычаю полагается. Да, не до отдыха тут, когда чуть не каждую ночь стрельба на улицах. Как стемнеет, так винтовку на плечо и отправляйся на ночное дежурство. «Дед» сам показывал пример, ходил в очередь патрулем, как все.

Военному делу обучал нас начальник нашей уездной чека, фамилию запомнювал, человек пронзительный и беспокойный. Только что вышел из тифозного госпиталя, с палочкой ходил, а старался до крайности. Как будто сорочьи яйца ел, про всех все знал.

Вот как-то он и говорит нашему Деду:

— Знаешь ли ты, что в верховьях Бухтармы своя автономная республика объявилась? Называют себя Горные Орлы... Ты как это понимаешь?

— Понимаю мало-мало. Служил я в восемнадцатом году в полку Красных

Орлов, так это были настоящие орлы, а эти, по всей видимости, самозваные.

— Так ведь их много, семьями живут. Все они обманутые белогвардейской агитацией трудящиеся из прииртышских деревень. Конечно, и кулацкий элемент имеется.

— Да, надо что-то предпринять. Люди бросили свои хозяйства, живут на волчьем положении. Неладно это, нехорошо.

Тем же вечером срочно созвали заседание укома. Дед обрисовал все положение, что, мол, создалась в нашем уезде автономия, какое у ней политическое направление — неизвестно, но, видать, люди в чем-то с Советской властью не согласные или, вернее сказать, напуганные, хоть и называют себя орлами.

— Что же ты предлагаешь, товарищ секретарь? — спрашивают его.

— Предлагаю сходить к этим самым

«орлам», узнать, чего они хотят, и постараться убедить.

Тут кто-то выкрикнул:

— Как, то есть, сходить? Это что же значит? Совать голову в пасть, может, самой лютой контре? Погибнуть зазря?

Замолчали товарищи, задумались. Долго молчали, и вот тут Дед встал и сказал тихо и просто:

— Ну, хорошо, тогда я сам пойду.

Конечно, поднялся шум, стали его уговаривать не рисковать, но он повторил твердо:

— Пойду сам. Только, раз я нездешний, мне нужен проводник, знакомый с местами.

Тогда я не утерпел, выступил.

— Знаю хорошо всю местность, потому как я сын лесника. Я согласен, товарищ секретарь.

— Ну, хорошо, — сказал Дед, — завтра на рассвете и отправимся в путь, Митьша.

Рано утром мы тронулись в наш рискованный поход. Оружия, понятно, не взяли. Дед объяснил так:

— Может, мы и не вернемся, а уж если наганы покажем, так не вернемся наверняка.

Вот мы и пошли. А денек выдался погожий, хотя и подувал с гор свежий ветерок. Птицы свистят, и дух лесной голову дурманит. На «белках» снег сверкает, а в долинах все зелено и, как будто умытое, блестит: и трава и кусты. Иртыш течет, еще по-весеннему игривый и мутный. Но путь наш лежит к Бухтарме. Шагаем мы, старый да малый, он в плохоньком пальтишке, я в отцовской телогрейке, оба с бадожками, как нищие странники. Шли мы сперва бойко, а потом уставать начали. Пришлось чаще привалы делать. Таким образом добрались мы до Бухтармы. Глядим: рыбацья землянка. Вылез из нее старый рыбак, страшного вида мужик, на лешего похож.

— Можно переночевать, добрый человек?

— Мне и одному не тесно. Спите на воле.

— Ну, что ж, мы люди не гордые, уснем и возле костра на пихтовых ветках.

— Куда это вас нелегкая несет?

— Пробираемся к Горным Орлам.

— Родичи небось?

— А как иначе: рабочие люди всегда друг другу родичи.

— Не рабочие они, а дурни. Покидали дома и пашни, живут впроголодь.

В такой приятной беседе мы скоротали ночь, а наутро рыбак показал нам дорогу, вдоль берега Бухтармы. Шли мы довольно долго, а потом тропинка вывела на высокую гору. На вершине среди леса объявилась большая поляна. На ней землянки, шалаши, костры горят, люди ходят, детишки плачут.

— Ну, хорошо,— сказал Дед.— Вот и добрались до орлиного гнезда. Семейно живут. Тут тебе и орлы и орлята.

Увидали нас, подошли, спрашивают, кто такие, зачем пожаловали.

— Кто тут у вас за начальника?

— Да мы сами себе начальники. А старше всех у нас дедушка Пимен.

— Идем к нему.

Привели нас к древнему старику. Борода по пояс, седой весь, аж до желтизны. Поздоровались мы с ним, разговорились. Стали спрашивать, по какому случаю они живут в лесу звериным обычаем и не лучше ли бы им вернуться в свои деревни. Но старик оказался себе на уме: не столько отвечал, сколько сам спрашивал.

— Ушли мы, сынок (это он Деда так обозвал), от скверны мира сего, от безбожной Советской власти... Ты, поди, тоже в бога не веришь?

— Нет, верю, только в своего.

— Какой же он, твой бог?

— Мой бог — советская правда. Эта правда народу глаза открывает, к новой, светлой жизни путь указывает.

— Красно баешь,— усмехнулся старик.

— Так как же с возвращением-то?

— А это, родимый, как мир решит. Созовем сход, вот и пускай тебя послушают да и решат, как бог велит.

Старик мне не поглянулся. Вижу — лукавый. Но пришлось согласиться. Стали мы среди поляны, а вокруг нас начал собираться народ — орлы эти самые. Чумазые, худые и, видать, злые до последней степени. Тут и женки ихние, с детьми. Множество пришло, глядят на нас дико, меж собой переговариваются. Слышим, говорят про нас: «Из города... должно, коммунисты... Пришли сговаривать в свою веру...»

Дед спокойно начал объяснять положение.

— Вот, мужички, видите, какая погода стоит. Самая пора за сев приниматься, а вы в лесу живете. Пашни ваши травой зарастают, а вы по тайге бродите. Не-

ужели не стосковались руки ваши по природной вашей крестьянской работе?..

Тут и началась настоящая история. Поднялся такой гвалт, что у меня поджилки затряслись. Одни кричат: «Правильно говорит! Домой пора! Хватит, нахлебались дыму!» Другие вопят: «Не пойдем к сатанам! Обманывает коммунист! Вернемся — три шкуры с нас сдерут!»

Особенно старался один большеротый, костлявый. Петушиным голосом орал:

— Хватайте их, доглядчиков! Камень на шею — и в Бухтарму!

— Бей их! — раздались голоса.

Тут я здорово струсил. Вижу одни разинутые рты и кулаки. Может, Дед тоже испугался, но только поднял руку и спокойно, но громко сказал:

— Убить нас дело нехитрое. Мы к вам пришли безоружные, для мирного разговора. Согласны вы жить, как люди, возвращаясь в свои деревни и села, а не хотите — ваша воля...

Опять поднялся невообразимый шум. Одни за, другие против. Но тут вмеша-

лись бабы, им-то, беднягам, эта орлиная жизнь досталась вдвойне солоно.

— Домой! — вопили они. — Разве это жизнь? Мы такого горя еще не видывали! Пускай старики остаются, а мы домой желаем!

Долговязый куда-то смылся, ушел и древний Пимен. У меня отлегло от сердца, и Дед повеселел.

— Правильно решают бабоньки, — говорил он. — А Советской власти не бойтесь. Зла вы ей не сделали, а ко всем трудящимся она — родная мать. Поезжайте в свои родные места, работайте на счастье себе и обществу.

После этих слов стало тише, и разговор стал растекаться на мелкие ручейки. Спрашивали нас, конечно, о советских порядках, признавались, что поддались вражеской агитации, поругивали своих богомольных стариков и под конец накормили нас досыта вареной козлятиной. Попрощались мы с согласными вернуться и двинулись в обратный путь. Правда, у меня на душе все еще было тревожно. Говорю:

— Как бы не устроили засады. Несогласные, вроде того долговязого, подстерегут и кокнут.

— Не кокнут, — ответил Дед. — А ты человеку верь. Без того как с людьми жить будешь.

Понятно, домой мы шли бодро: дело свое сделали, а главное, живы остались. Снова собрали собрание, доложили, и все нас очень одобряли.

Ну, а конец этой истории таков. Прошло, наверно, не больше десяти дней, как разнеслась по городу весть о том, что творится на Бухтарме. Я сам не вытерпел и сходил посмотреть. Что же я увидел? По реке плыли плоты, а на плотках семьи Горных Орлов со всем домашним скарбом. Плыли довольные, и с берега им махали руками. Так благополучно кончилась эта волынка.

Что же касается Деда, то прожил он в нашем городе около года и тяжело заболел, уехал к себе на родину — на Урал. Прошло с тех пор много лет, и узнал я, что стал он большим писателем. Я даже книгу его читал, «Малахитовая шкатулка» называется. Только в ней он о своем бухтарминском приключении ничего не написал.

О ФОРТЫ ВЛАДИМИРА ПЕТРОВА

Знакомые уральские пейзажи: старинный мост через Исеть и нижнетагильская шахта, тихий сквер у свердловского горсовета и гигантские пролеты вновь строящегося моста.

Наблюдая за жизнью города, художник Владимир Михайлович Петров вдохновенно отмечает изменения, вносимые в его облик природой и созидательной деятельностью человека.

В одних пейзажах тонко почувствована красота города, радостно встретившего весну, омытого первыми дождями. В других памятниках творческим силам людей воспринимается величественный мост.

В работе «Улица Вайнера» передана атмосфера весеннего дождливого дня. Отражениями на мокрой мостовой читаются быстрые линейные росчерки. Линии заднего плана — иные. Тонкие, прерывистые, они едва отмечают силуэты зданий, будто мы воспринимаем их через стену влажного воздуха.

Множество маленьких штрихов — «Нижний Тагил», — смешиваясь, создают ощущение туманных сумерек.

Энергичные, вплотную положенные линии в офорте «Мост строится» сливаются в темные плоскости пролетов.

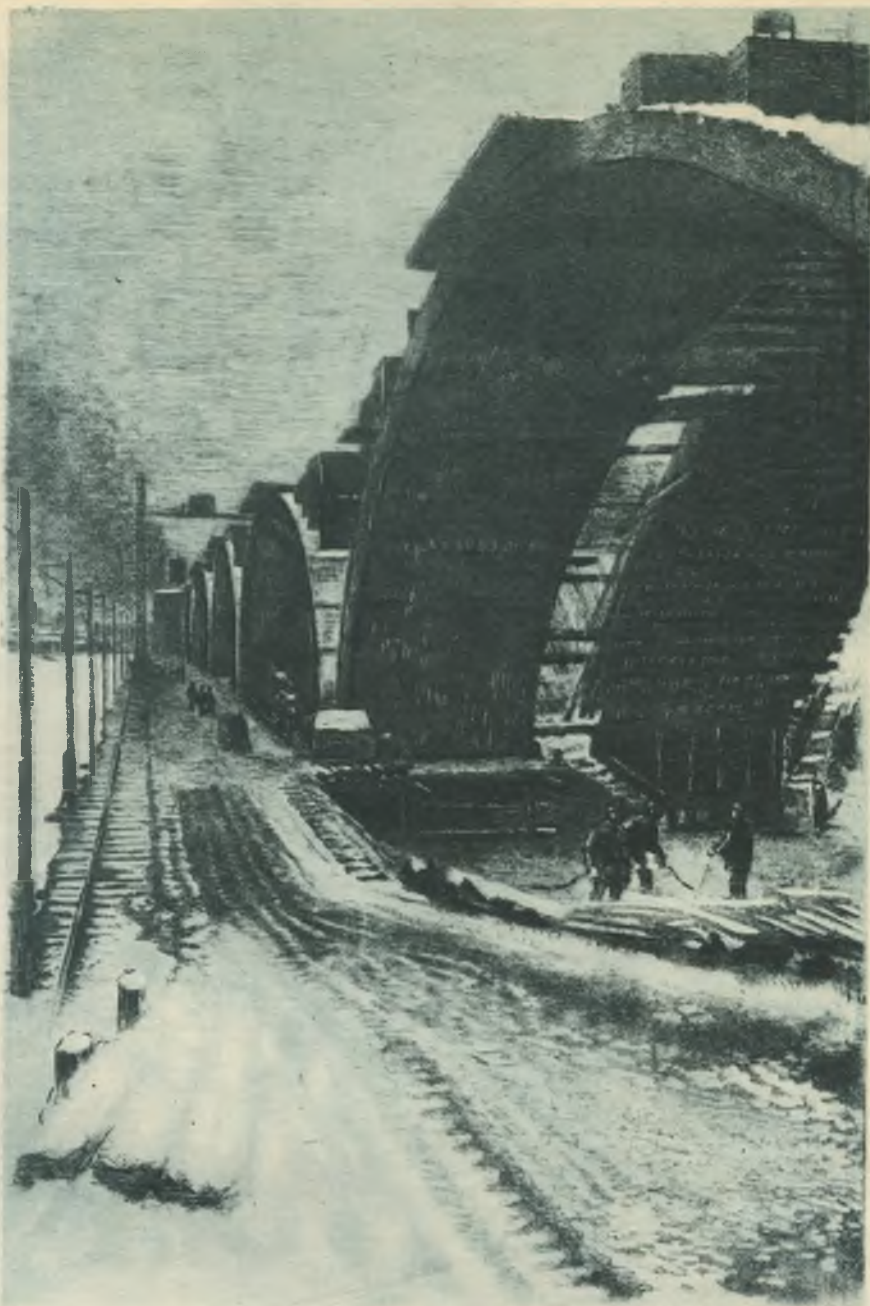
Эти пейзажи не могли быть нарисованы карандашом. Подобная свобода, легкость, тонкость линии достигаются в работах, выполненных в технике офорта специальными гравировальными иглами.

Офорт — гравюра на металле. Изготовление офорта проходит несколько последовательных стадий. Мастер-офортист наносит сначала рисунок иглой на медную или цинковую доску, процарапывая кислотоупорный лак, покрывающий ее. Затем доска опускается в кислоту, которая разъедает металл в местах, освобожденных от лака.

После обработки кислотой лак снимается; в борозды, образованные травлением, набивается краска. И только после этого с доски начинают печатать гравюры.

Помимо иглового офорта существуют другие разновидности офорта. Нередко для получения мягких светотеневых переходов пользуются акватинтой. В этих случаях части доски покрываются порошком асфальта или канифоли. Где плотнее слой порошка, кислота меньше разъедает доску, и в оттиске эти части получают более светлыми.

На вкладке этого номера мы помещаем офорты Владимира Петрова.

*Свердловск.
Мост строится*

*Свердловск.
Старый мост*

Весна

Свердловск. Улица Вайнера

Свердловск. Здание горсовета

Нижний Тагил

Нижний Тагил. Шахта

ПЯТЬ ИЛИ ШЕСТЬ ?

Записки приятеля

Содержание предыдущих глав.

Тайга, север, горы. Заводские ребята в туристическом походе, Сережка Векшия с Надей Зотовой белой ночью увидели спускающиеся парашюты. Сережка утверждает, что шесть, Надя — пять.

После разных приключений Сережка связывается с майором Бехтиным, специально приехавшим в этот район. Сбит отказавшийся приземлиться иностранный самолет. Старым охотником Чурсиным подняты на ноги таежники. Один парашютист добровольно сдался и заявил, что их было пятеро, четырех он убил. Студенты-зоологи Миша и Петя после некоторых неудачных действий натолкнулись в болоте на комплект снаряжения парашютиста.

Туристы, студенты, местные жители, армейские автоматчики продолжают поиски. Операцию возглавляет майор Алексей Михайлович Бехтин, от лица которого и ведется повествование, — он пишет, находясь в госпитале, раненый.

Глава девятая

СЕРЕЖКА, СЕРЕЖКА!

Ко мне подошел Сережка. Важничая, глянул на автоматчиков, что расположились отдыхать неподалеку, возле вертолета, и почти по-военному доложил:

— Алексей Михайлович! Семь комсомольцев готовы действовать и ждут ваших указаний. Перебросьте нас туда: у нас два ружья.

И получилось так, что я больше занимался Сережкой и его отрядом, нежели парашютистами.

Окончание. Начало см. в № 1 и 2

Сейчас, когда все уже позади, я пытаюсь осмыслить все происшедшее. Сережка, Сережка!.. Иногда среди молодежи организаторами выбирают парней и девушек, умеющих лишь красно и верно говорить — показывать в речах свою, так сказать, передовитость. Это вожаки на спокойное время, они подчас даже стремятся сохранить во что бы то ни стало ровное течение бытия и, как правило, теряются на крутых поворотах жизни коллектива. И в минуту напряженную, когда надо действовать, во главе коллектива оказываются другие — те, что способны зажечь товарищей, встряхнуть, взбудоражить, повести за собой.

Позже, во время следствия, я подро-

но расспрашивал у Зины-беленькой: как же так получилось, что Сережка увлек всех ребят за собою? Ведь Зина — комсомольский организатор. Два студента грамотнее Сережки, опытнее в тайге. Коля Шевелев посильнее Сережки, крепче нервами, спокойнее, выдержаннее. А Надя Зотова вообще любила распряжаться, ей Сережка даже как-то сказал: «Жаль, ты не мужчина, не полковник, не командуешь танковой дивизией. Тебе бы это — как раз...» Один Вася по характеру — человек ведомый, не ведущий.

Зина-беленькая растерянно утверждала, что Сережка увлек всех случайно: он совсем неавторитетен, он и на заводе считается далеко не образцом молодого человека.

— У него и биография темная. — Она так и выразилась — темная. — Воспитывался без надзора, в большой семье, отец — слесарь, мать умерла, когда Сережке было десять лет. Рано бросил школу, работал рассыльным и потом электриком на лесозаготовках. Затем окончил ремесленное училище. Случались у него и неприятности из-за хулиганства. Был он и на какой-то новостройке, но сбегал, как говорит, «от расправы за критику». Ездил с комсомольцами завода на целину — на уборке урожая его и приняли в члены ВЛКСМ.

Состоит Сережка и в заводской дружине по охране общественного порядка. Но почти на каждом дежурстве у него происшествия. То увели в милицию мужчину, пристававшего к женщине, а он оказался ее мужем. То пьяного сторожа, уснувшего возле охраняемого магазина, посадили в мешок вместе с ружьем и подвесили на дверь. Утром пришел завмаг — скандал, пятно на всех дружинников, на всю комсомольскую организацию.

В общем, парень непутевый, — утверждала Зина-беленькая, считая виновником гибели Нади Зотовой — Сережку.

— Мы его исключим из комсомола: беспорядочный он, и вся жизнь у него путаная.

Я возразил — ведь у самой Зины жизнь далеко не простая: родители разошлись, поссорившись, каждый завел свою семью, и Зина жила то с отцом, то с матерью, в разных городах. Работала и чертежницей, и санитаркой, и машинисткой, и кассиршей.

— Я нетипичное явление для нашей молодежи, — сказала на это она. — Но я уже поняла, какой надо быть, а Сережка не понимает. Говоришь ему — не соглашается. Он ведь и книги читает — так всегда спорит. Знаете, что он однажды сказал на комсомольском собрании? Да, да, прямо на собрании. «Большинство, говорит, героев Достоевского, Толстого, Чехова мне не нравятся. Хлюпики, говорит, и бедолаги, только страдают, страдают и страдают». Это — о великой-то русской литературе так!..

Я подумал: мальчишеский нигилизм — нахватался верхушек и все отрицает, считая, что все познал. Но потом в заводской библиотеке мне отрекомендовали Сергея Векшина как пытливого и активнейшего читателя. Он очень любит Рылеева, Лермонтова, Герцена...

— От них, — говорит Сережка, — произошли революционеры, а не от Достоевского... У Толстого один Хаджи Мурат более или менее борец...

Мы с ним, когда разговаривали, изрядно отдалялись от сути трагического происшествия с Надей, которую Сережка, наверное, любил.

«Наверное» — потому, что Сережка еще молод по-настоящему разобраться в своих чувствах. Он говорил так:

— Не знаю, Алексей Михайлович. Не думал об этом. — И подавленно закрывался руками, так как я, возможно, слишком внимательно следил за выражением его лица. — Она была лучше всех наших девчат... Но что теперь толковать?..

И тут же, глянув сердито в сторону, грубо добавил:

— Дура! Не заметила, что шесть, и мне не поверила. Вот и ходила по лесу, разинув рот!..

Хотелось до конца понять его, и я заводил речь о современных книгах: какая — любимая, какой герой нравится?

— В книгах редко встретишь таких, чтоб нравились... Жизни мало, понимаете? — грустно отвечал Сережка. — Чувств больших нет. Хоть бы биографию интересную приводили писатели!.. Вот, возьмите жизнь художника, академика Федора Семеновича Богородского. Член партии с семнадцатого года, заслуженный деятель искусств! Он и циркачом был — «Ферри — человек без нервов», — и летчиком, и полным георгиевским ка-

валером, и комиссаром на флоте, и чекистом. Точно!.. А когда чествовали на каком-то торжественном юбилее знаменитого клоуна Виталия Лазаренко, Федор Семенович Богородский вышел и говорит: «Разрешите, друг, приветствовать тебя по-цирковому». Встал на руки и прошелся, как акробат,— самому уже сорок лет было. Вот это человек! С большим чувством жил! Видели в Третьяковке его картины?.. Нашему, например, начальнику цеха так не сделать: мелковат...

— Что, таких картин не сделать?

— Не-ет! Вот так поприветствовать, от души... У нас вон Вася Петряев в войну трех лет маму потерял и десять лет искал ее, когда вырос. И нашел! Праздник был в цехе! А начальник цеха сказал: — «Угу. Квартиры пусть не просит с матерью вместе жить...» А Васька и не просил...

Сережка, Сережка!.. Чем больше думаю о тебе сейчас, тем ближе и дороже становишься мне ты. Много таких парней, как ты, и все, что есть в тебе и хорошего, и плохого,— это плоды воспитания в большом рабочем коллективе. В общем, неплохое воспитание! Но тобою занимались все постольку-поскольку, помаленьку. И в тебе не все добротное, много случайного... Назвал любимую девушку душой...

Наставника бы тебе, постоянного старшего друга! Взятся бы какой-нибудь умный, крепкий и сердечный человек быть тебе учителем в жизни, советчиком! Незаурядная личность выковалась бы из тебя.

Когда ребята собрались вместе, после возвращения Сережки из Р* со мной на вертолете, Коля Шевелев, что называется, шутя-играючи скомандовал:

— Станови-ись!.. Сми-и-ирно-о!..

Появление Сережки, буйная радость его встречи с Надей, прибытие храбрых, отлично вооруженных автоматчиков, находка студентов, ощущение опасности, теперь не столь страшной и неотвратимой, да и забавный случай с вермикулитом — все это взбудоражило молодежь. Зина-беленькая, Надя, оправившийся от испуга Вася быстро встали по Колиной команде в шеренгу, а Миша с Петей — чуть поодаль. Коля, как заправский тяжелоатлет, выпятил грудь, парадным шагом подошел к Сережке и отрапортовал, прыча за преувеличенной серьезностью ликующее настроение:

— Товарищ командир! У нас все в порядке. Потерь нет. Противник не показывался... Докладывает взявший на себя в ваше отсутствие обязанности старшего — чемпион завода по байдарке Николай Шевелев!

И Сережка нисколько не удивился. Он воспринял рапорт, как должное. Подхватил Колину веселую затею и распорядился:

— Вольно!..— Бегло осмотрев каждого, удовлетворенно улыбнулся и добавил: — Никто и не сомневался, что в нашем отряде все будет в порядке... И сейчас мы также не останемся в стороне.

Он рассказал о сбитом самолете, о сдавшемся парашютисте, о том, что уже сделано дядей Володей Чурсиным.

— Мы точнее всех знаем, где приземлялся десант, и можем здорово помочь Алексею Михайловичу. Все готовы?

— Готовы! — хором ответили ребята. Надя даже отсалютовала при этом, как делала когда-то пионеркой: «Всегда готовы!»

— А вы? — обратился Сережка к Мише с Петей. — Если вам неохота — отдайте пока нам ружья и патроны.

Он посмотрел на них с полуприщуром — правая бровь опущена левая — приподнята, и, наверное, много сказал своим взглядом. Миша с Петей не забыли, как прошляпили с парашютистом, и чувствовали себя виноватыми. Пока Сережка не начал их высмеивать, они поспешили согласиться и пристроились к шеренге.

— Мы идем навстречу опасности! — сказал Сережка торжественно-приподнято. — Точно!.. И в этом нет ничего особенного... Но прошу каждого спокойно прикинуть: может, ему не идти, остаться здесь? Я предлагаю, чтоб у нас был боевой отряд. Как у ребят в Р*! Отряд охраны природы!.. В обычное время такой отряд изучает местность и призывает к порядку врагов природы — браконьеров и прочую дрянь. А вот в таких случаях отряд выполняет задачу посерьезнее. Понятно?.. Пусть каждый ответит и — только сам за себя: да или нет? Зина?

— Я готова.

— Обещаешь, что — вернемся на завод — и наша комсомольская организация создаст такой отряд? — спросил Сережка. — Мы ведь и наши леса вокруг завода не знаем и не воюем с теми, кто

там гадит — ломает деревья, мусорит и прочее...

— Создадим! — подхватила Зина и с места в карьер начала свою организаторскую деятельность. — Ты, Надя, обязуешься вступить?

— Обязуюсь!.. — засмеялась Надя. Ее глаза, обращенные не на Зину, а на Сережку, говорили: «Если ты, то и я...»

Зина опросила всех остальных. С Васи взяла слово, что будет больше читать о природе — намек на конфуз с вермикулитом. Студентов заставила пообещать, что никогда не будут наставлять оружие на своих. И она, по-видимому, затянула свои назидания, переборщила. Когда черед дошел до Коли, он заупрямился. Она потребовала, чтобы Коля бросил заниматься байдаркой — делом пустяковым — и все силы отдал бы самому главному, самому важному отныне.

— Еще чего? — тихо воспротивился Коля. — Байдарку я не оставлю.

— Но поклянись, байдарочник несчастный, что будешь в нашем отряде! — с жаром воскликнула Зина.

— Вались-ка ты со своей клятвой!..

Энтузиазм отряда едва не рухнул. Ведь Коля начал, Сережка подхватил, а Зина поначалу продолжила весь разговор на высокой героической ноте. Настроение передалось всем, вызвало азартное стремление, ребята накаляли друг друга. Но, кроме боевого духа и желания, ничего больше не зажигало их — ни долг, ни необходимость, ни задание. Все могли и остыть сразу.

Зина растерялась. Но Сережка вовремя почувствовал, что происходит, и сказал Коле покладисто, хотя и не скрывая некоторого презрения:

— Ладно. Мы тебя, как особо ценного человека, освобождаем... Еще чего доброго погибнешь — кого от нашего цеха выставлять на заводской олимпиаде?

— Чего? — уже в полный голос возмутился Коля и шагнул из строя к Сережке. — Это ты брось!.. Я — со всеми!..

— Ну, тогда в стенгазете выступишь, как спортсмен высокой квалификации, чтобы все записывались в отряд, — сказала Зина.

— Это я могу, — с готовностью согласился Коля и встал в шеренгу.

— К выходу на боевое задание приготовиться! — распорядился Сережка.

Было похоже, что он затевал занимательную игру, распаяя друзей. Строгая, рассудочная Зина теперь утверждает, что Надя будто бы шепнула Сережке: «Играешь?» — «А что? Разве не интересно?» — якобы ответил он.

— Не было такого! — яростно отказывается Сережка.

— Все-таки ты забавлялся, валял дурака, — настаивает Зина. — Мы не принимали это мероприятие всерьез. Мы вовсе не думали, что все окончится плохо...

— А я что, думал? — огрызается Сережка. — Эх, ты — «мероприятие»!..

— Сережка спрашивал — мы отвечали. Всем это нравилось, — задумчиво вспоминает Вася.

— Ерунда! — весело заявляет спокойный Коля. — Если бы Сережка заставил нас тогда поклясться быть готовыми к смерти, мы поклялись бы. Нам очень хотелось принять участие... И мы все понимали.

Стараясь разобраться теперь в каждом из них, я думаю о том, какая же прочная закваска в характере у Сережки, у Коли, у наших многих парней и девочек! Они без колебаний всегда могут шагнуть к свершению мужественного дела. Тогда, на Спесивой горе, я не мог противостоят их дружной решимости действовать, начать вместе со всеми поиски, а не сидеть безучастными туристами.

Перед нами под безоблачным небом, нежась в горячих лучах июньского солнца, распростерлась тайга. Белая тайга! Но с горы она вовсе не белая, а

зеленая, и весело зеленая — вершины берез кажутся издали пушистыми, мягкими. Они спокойно колышутся на легком ветру, который не ощущается на горе.

«Если парашютисты спрыгнули сюда, в эту низину, задача облегчается», — подумал я, прикидывая расстояние до хребта, встающего вдаль, на севере. Там, на хребте, все тропы должны быть перекрыты товарищами дяди Володи Чурсина.

Я глянул на карту в планшете командира автоматчиков. Гигантская таежная чаша меж гор была рассечена остро оточенным карандашом на равные квадраты. Молодой командир автоматчиков работал четко и расторопно. Было приятно, что они с Сережкой понимали друг друга с полуслова: «Как выглядели парашюты? Какого приблизительно размера? Фигурки десантников были различимы?.. Та-ак!.. Поправочку на ночную видимость...» Прикинув расстояние, командир автоматчиков наметил на карте место первого захода по прочесыванию местности. Обвел окружность.

Это навело на меня шемящую волну далеких фронтовых воспоминаний. На какую-то минуту. Я смотрел то на карту, то на тайгу перед нами. Точка скрещения линий офицерского карандаша — словно в перекрестии орудийного прицела в танке!.. А солнце над головой начало припекать, время шло к полудню. Возможно, было жарко и от волнения, которое никто не выказывал. Только у Сережки смешно вспотел нос. Не лоб, а нос. Курносый нос — в бисеринках пота... Очень запомнилось почему-то.

Обусловили сигналы разноцветными ракетами и забросили с вертолета сначала группы автоматчиков, а затем и Сережкин отряд. Надо было видеть настороженно-серьезные и в то же время сияющие лица ребят, когда они один за другим спускались с вертолета по канатной лестнице в зеленое море березовой листвы. Впереди — Сережка. Автоматчики дали ему ракетницу для сигналов. Он держал ее, как настоящий пистолет, наготове, и стоял на нижней ступеньке лестницы опускавшейся машины в сумасшедшей струе воздуха от пропеллера. Вот он скрылся в расколыхавшихся вершинах берез, как водолаз за бортом в бушующих волнах. Вот — покачал лестницей, значит, достиг земли. За ним

слезли Миша с Петей, потом — девушки и остальные парни. Вертолет упруго стоял в воздухе, оглушая ревом мотора.

Ребята, как и автоматчики, раскинулись в цепь на расстояние голоса друг от друга и двинулись вперед. Я поначалу и не беспокоился, не переживал за них. Все казалось ясным и простым. Красная ракета — сигнал «на помощь»: на Спесивой горе остался резерв автоматчиков, который можно забросить в любую минуту в любое место, — они сидели наготове в вертолете. Зеленая ракета (через каждый час) — сигнал «все в порядке, двигаемся дальше». Серия красных ракет — «найлены трупы парашютистов».

Второй вертолет отправился к Чурсину в Р* за новостями и вскоре вернулся. Дядя Володя прилетел сам, а с ним еще двое таких же крепких скуластых старичков, вооруженных новенькими двустволками.

Познакомились: Есин и Кульнев.

Дядя Володя извинился, что сидеть в Р* ему нелегко: там спокойно, парнишки из отряда охраны природы в случае чего сами управятся. Сведения из засад тоже спокойные: все в порядке, люди на местах. Я обрадовался, что Чурсин приехал на Спесивую гору: с ним было как-то увереннее, в его присутствии сильнее чувствовалось, что окрест по тайге множество таких, как он, начеку в засадах и готовы встретить непрошенных гостей. А то кругом деревья, деревья и деревья, даже не верится, что где-то есть живые люди, кроме автоматчиков и Сержкиного отряда.

Немногословные старички посидели, покурили, потом посоветовались и решили посмотреть места, где найден комплект снаряжения парашютиста.

— Все равно ведь какие-нибудь приметки по его дороге остались. Откуда он двигался?..

Они ушли вдвоем. Дядю Володю я пригласил полетать над прочесываемой территорией. Была договоренность, что один вертолет, налегке, должен почаще патрулировать в воздухе и понижать: веселее тем, кто идет по земле, и можно корректировать, в случае необходимости, их действия.

— Согласен! — обрадовался дядя Володя. — Тут как раз посередине есть избушка — давно не навещал.

Над тайгой каждый час взлетали зеленые ракеты. Цепью. Все в порядке,

дело идет. Радист тоже доложил, что во всех пунктах, с которыми налажена связь, спокойно.

Скорее бы — серия красных ракет.

Глава десятая

ОТРЯД ПРОПАЛ

Те, кто рассказывают про таежные края, непременно восхищаются охотничьими избушками. И относят их постройку к древним обычаям коренных жителей тайги, славящихся гостеприимством. Я всегда, читая, удивлялся: почему же мансийцы, например, сами жили прежде в чумах из шкур, а в лесной глухомани строили деревянные «общественные» избушки?

Оказывается, обычай заведен русскими землепроходцами. Дядя Володя, весьма ревностно и шепетильно относящийся ко всему, что касается его народности, сказал:

— Терпеть не могу, когда нас, вогулов, по-теперешнему — мансийцев, изображают какими-то диковинными чудными людьми и готовы приписать нам все, что встретят здесь необычайное. Это вроде того, что мы оберегаем «Золотую Бабу»... Не строили, дорогой Алексей Михайлович, наши мансийцы охотничьих избушек! Лет триста назад, а то и больше, когда здесь появились первые русские, что клали тропы и торили пути по этим непролазным лесам, тогда шедшие впереди заботились о задних. «Передний — заднему мост», — есть старая пословица. Вот передние и строили. Много понастроили — до самого, поди, Тихого океана! Раньше такая избушка называлась кушня. Никому она не принадлежит, и не установишь, кто и когда ее срубил. Вон и заплаты на щелях — кто чинил, неизвестно. Наверное, тот, у кого было время и топор. Наши охотники теперь поддерживают эти избушки и кое-где ставят новые...

И я тоже, как все, восторгаюсь. Стоит она — ничья, общественная. Хочешь — заходи, никакого запора нет. Вместо окон, правда, узкие амбразуры, заставленные мелкими осколками стекла, но кто-то же их сюда притащил! Печка — простая каменка. Крыши нет, а на бревенчатом потолке навалены камни, и

плотно уложен дерн, выросла трава, и завязались небольшие березки. С виду неказисто.

Но гостиница хороша не роскошью, а порядками. Обычаем прекрасна и охотничья избушка. И дрова кем-то заготовлены, и спички — на видном месте. На стене, выложенной белой березовой жердью, висят кусок вяленой оленины, топор. Найдешь и соль, и ведро по воду сходить. И даже аптечкой кто-то поделился — лежат в железной коробке из-под конфет бинты, йод, стрептоцид.

На широкой скамье можно выспаться, отсидеться в пургу или грозу. И иди дальше, оставив в благодарность что-нибудь из своих припасов, наколов дров — позаботься, по старинному обычаю, о следующем товарище, таком же, как ты сам.

Мы сидим с дядей Володей в охотничьей избушке и покуриваем.

— А бывают несознательные — все израсходуют и взамен ничего не приготовят? — спросил я.

— Нет, каждый что-нибудь сделает, — улыбается дядя Володя не без гордости. — Только, пожалуйста, не думайте, что это какая-нибудь доблесть или высшая сознательность. Обязанность! Привычка. Честность — тоже обязанность и привычка. Так ведь?

И наш разговор уклоняется в сторону. Старик высмеивает те газетные сообщения, когда человек поступает честно, и его за это превозносят, словно за геройский поступок. В самом деле, бывает у нас, печатают, что кто-то что-то нашел и возвратил владельцу — дескать, так поступают советские люди, вот, дескать, коммунистическая черта гражданина!

Старик выпускает к потолку облако табачного дыма от самокрутки и, прокашлявшись, хохочет. Ему вспомнился забавный случай в Р*:

— Элеонора Гилева, Пантелея Гилева дочь, — молодая, грамотная, присвоила как-то у соседки кофту. Красивая шерстяная кофта во время стирки уплыла вниз по речке. Элеонора нашла и носит. Хозяйка — отбирать, та — драться. Стали мы это дело обсуждать. Митя, наш милиционер, специально прибыл. И Элеонора в конце концов заявила: «Простите, товарищи, не доросла я еще до будущего коммунизма, виновата, поступила нечестно». Сержант Митя возмутился: «При чем здесь коммунизм?

При царе тоже за нечестность наказывали». Наша Элеонора так удивилась, что тут же сбросила кофту и убежала, с испуга да со стыда весь день просидела у себя в чулане. А потом как-то говорит мне: «Спасибо нашей власти, что не наказала меня!» — это про сержанта Митю... Глупа девка — что с нее возьмешь!.. Газеты читает, международные дела знает, в космосе разбирается, а вот поди ж ты... Стало быть, тут наша недоработка: понижаем коммунизм — называем коммунистическим просто честное, порядочное. Коммунистическое-то оно гораздо выше!..

Мы пришли в охотничью избушку, поплутав совсем немного по лесу, когда спустились с вертолета. Дядя Володя сперва был чрезвычайно смущен, что не могли найти ее сразу. «Будь ты трижды три, старый пес!» — поругивал он себя вполголоса и оправдывался, что знакомые места с воздуха совершенно неузнаваемы.

Но теперь он повеселел и готов рассказывать разные байки, рассуждать и философствовать без умолку. Старики обычно болтливы — не удержишь. А тут (я его хорошо понимаю, хоть и ругнул в душе) перед ним свежий человек из областного центра, сидим, вдвоем, никто не придет, никуда спешить не надо. Как не разговориться!

Я посматривал на часы. Время шло к вечеру. Вертолет, по уговору, скоро появится над нами, чтобы забрать нас отсюда. Как дела у тех, кто сейчас движется по непролазной тайге редкой

целью? Может быть, уже взвились в небо красные ракеты? А может быть, только одна?

Дядя Володя понял, что мне сейчас не до отвлеченных разговоров, и живо перестроился:

— Наверное, устали? Прилягте... Нет?.. Ну, тогда пойдете на ключ. Мне сдать: если кто плутал в этом районе, обязательно не минует ключа. Там небольшое болотце, земля сырая. Может, какие-нибудь следы остались...

Мы выбрались из избушки.

Обойдя ее, не спустились в низинку, а, наоборот, чуть поднялись в горку. На Урале почвы каменные, — сообразил я, довольный своей осведомленностью. — Болото на возвышении, близ сухого склона или рядом с безводным распадом — не редкость.

— Эту избушку в старые времена называли «кушня на шеститропье», — сказал как будто между прочим дядя Володя. — Здесь сходится шесть троп.

— Шесть?... — Я убедился, что мое умение ориентироваться в таежных зарослях ровным счетом ничего не стоит. Я не заметил ни одной тропы ни сейчас, ни раньше, когда еще разыскивали избушку.

А дядя Володя, мне показалось, занервничал. Но ничем не выдал своего волнения. Наоборот. Как-то очень спокойно, чрезмерно спокойно произнес:

— Вы, Алексей Михайлович, не переживайте. Все будет хорошо. Вот, видите, — следы?.. А вон и ключик. Сейчас напьемся. Вода здесь целебная, улучшает обмен веществ, лечит ревматизм и для желудка полезна...

Действительно, мы шли по следам больших туристских ботинок — ступня широкая, каблуки сильно вдавливались в болотистую почву на едва приметной влажной тропке. Человек, неся какой-то груз, прошел во встречном направлении. И давно. Во многих углублениях от подошвы хилая травка уже поднялась, подсохла, но на верхушках можно было рассмотреть грязь.

Вообще-то дядя Володя нарочно предложил побывать в охотничьей избушке на шеститропье, чтобы обследовать это место. Но у него не было никаких оснований предполагать заранее что-нибудь определенное. Поэтому он развлекал меня посторонними разговорами, выжидал, пока я утомлюсь, прилягу, а

сам он тщательно осмотрит все вокруг.

Однако обнаруженные следы, принадлежавшие не иначе как бровастому, которого сержант Митя караулил на Спесивой горе, не вызвали у дяди Володи ни радости, ни ликования. Он лишь стал задумчивым и хмурым.

Напились из ключика. Маленькая, с шапку, лунка наполнена прозрачной водой. Небольшую лужицей вода еле вытекала через край и пропадала дальше в ржавом болотце без кочек, без травы — просто пузырившаяся газами почва, похожая на источенное коррозией железо. Вокруг на твердой земле сквозь настил прошлогодних незапыленных, словно металлических, листьев березы пробивалась худосочная травка.

Я прислушивался: не появился ли вертолет, увидеть его сквозь плотный полог ветвей нечего и надеяться. Приходилось чутко вслушиваться в скованную тишину зеленоватых полусумерков вечно затененного белого леса, чтобы сразу дать ракету. Даже не раздавался шелест березовых вершин, они, наверное, и не шевелились: ветер стих.

Неприятной осталась в моей памяти романтическая белая тайга. Впечатление всегда зависит от настроения. Березка обычно видится нам залитая солнцем на веселой лужайке, а тут — холодно-белые стволы, стволы, как стеариновые свечи, стволы под тяжелым ядовито-зеленым потолком, сырость и железная тишина.

Дядя Володя посмотрел на свои часы, я — на свои. До вертолета оставалось двадцать шесть минут. Я вздохнул, и он вздохнул.

— Странное дело, — начал он с искусственной беспечностью, снова наклоняясь над ключиком и начиная хлебать воду горстью. — Давал я геологам эту загадочную жидкость на анализ. Верно сказали — целебная! Радон в ней, радиоактивный элемент. Стало быть, как в Цхалтубо на Кавказе или Белокуриха на Алтае. Мне много раз туда путевки давали. А потом я здесь сам стал делать себе подкрепление здоровьишка. У нас полно таких ключиков. Но вот в прошлом году разговаривал с одним старым геологом — он меня напугал: радон, говорит, — опаснейший, ядовитейший газ!.. Вы не знаете?.. Могли бы вы мне прислать какую-нибудь авторитетную книжицу, чтоб

разобраться? Нынче мне опять обещали путевку на курорт в Белокуруху...

Помню, я злился на старика. В такие напряженные минуты болтает о курортах, о книжках!.. Сейчас, когда пишу об этом, смешно. Такая уж натура у наших бывалых людей! Не раскисают, не нервничают от напряжения... Однажды на фронте ранило одного усатого пехотинца, похожего на дядю Володю. Сильно ранило, в живот. Его тащат в госпиталь, а он шутит: «Шапку мою найдите, шапку! Там иголка с ниткой заколота! Чем я буду пуговицышивать? У меня на шинели две оборвалось...»

Русь! Как назвать очарованье
Твоих сынов непостижимых?..

Тогда, у ключика, я без стеснения ответил дяде Володе недружелюбно, обещая достать и прислать какую-нибудь прикладную радиохимию. Но, будто не заметив моего раздражения, будто я просто загрустил, он успокоил меня с прежней беззаботностью:

— Да вы не падайте духом, Алексей Михайлович. Найдем. Всех найдем. Пять ли, шесть ли, десять ли — какая разница? — Потом чуть наугрюмился, поднялся на ноги и, похлопывая ладонью по толстому стволу березы, медленно проговорил: — Попусту тратят людей!.. Да еще этак специально готовят, закидывают... Чтоб гробы им прямо на месте делать?.. Между прочим, из березы гробы самые хорошие. — Он криво усмехнулся своей мрачной шутке и предложил: — А что, если того, бровастого, привезти сюда — пусть попробует, сориентируется: откуда он сюда пришел, к этой избушке? По-моему, они где-то здесь и приземлились.

Я согласился с таким планом. Но осуществлять его не понадобилось.

Вдруг... Именно — вдруг. Это бывает не только в приключенческих книжках, к которым у нас совершенно напрасное пренебрежение... Вдали, меж берез, за сверкала падающая сигнальная ракета. Сгусток алого пламени пробил сверху зеленый полог листвы, натолкнулся на сук, чуть подпрыгнул, метнулся в сторону, ударился об один ствол, о другой и, сгорая, мелькая за деревьями, упал.

Мы с дядей Володей стремглав, прямо через ржавое болотце, проваливаясь по колено, кинулись туда, где показалась

ракета. Бежим не чувствуя под ногами земли. Бежим.

— Стой! Стой! — вскоре закричали на нас показавшиеся автоматчики.

Но узнали нас, засмеялись и стали старательно затапывать дымящиеся остатки красных огней. Ракеты не успевали полностью сгорать в воздухе: при выпуске из сигнального пистолета, летя вверх, они пробивали густую крону берез и теряли силу.

— Серию красных дали? Серию? — спросил я.

Автоматчики подтвердили. Слева по цепи была передана такая команда. Трупы найдены.

Мы бросаемся с дядей Володей вдоль цепи налево, бежим очень долго — от автоматчика к автоматчику. Нам показывает направление. Мы мчимся напролом через поваленные полусгнившие стволы, из которых тянутся упругие молодые побеги — жидкие, почти без листьев, они нещадно хлещут по физиономии. Преодолеваем какие-то гигантские головешки (березовый лес обычно вырастает после пожара в тайге, на пепелище). Нас обгоняют девушки из Серезкинского отряда — Надя и Зина. «У вас все в порядке?» — на ходу спрашиваю я. — «Все в порядке, устали!» — кричит которая-то из них. «Изму-у-учились!» — добавляет другая. «Ничего себе, — думаю я, чувствуя, что при моей комплекции сердце может сдать. Я весь потный, как промокший бегемот. — Бегут, мерзавки, словно козы!.. Измучились, называется!..»

Сбоку я видел Серезку и звал его. Но над головами застрекотали наши вертолеты, оглушая все окрест, и это меж деревьями множило трескотню моторов. Стоял сплошной рокот, грохот. Помню, глянул на свои руки — они черные от грязи, словно я скакал по лесу на четвереньках. «Где это меня угораздило так вымазаться?.. Спокойней! Спокойней!.. Спешить некуда!.. И надо похудеть, надо мне обязательно и срочно похудеть!..» — помню, твердо постановил я себе.

Когда добрался до того места, где были обнаружены трупы перестрелянных парашютистов, автоматчики под руководством своего офицера уже валили деревья — вырубали площадку для приземления вертолетов.

Не буду, чтоб не впасть в натурализм, которого так боятся литературные критики, подробно описывать жуткое зрелище.

ЧЕТЫРЕ НОГИ

представшее перед нами. В теплых скафандрах с кислородными баллонами, похожие на фантастических космонавтов из другого мира и в то же время — жалкие, как растерзанные чучела, на деревьях висели рослые люди. Четверо. В разных местах, на разной высоте, в разных, уродливо изогнутых положениях. Ни один из них не успел освободиться от строп парашюта под коварными пулями своего же компаньона. Белые стропы переплелись, запутались среди белых ветвей, а зеленые шелковые купола застряли в зелени березовых вершин.

Провозились до ночи. Пока фотографировали, как полагается для следствия, сняли всех, переташили в вертолет, прошло много времени. Автоматчики, дядя Володя Чурсин, несколько его друзей-охотников, невесть откуда появившихся к ночи, помогали. А когда закончили и решили поужинать у разожженного костра, то обнаружилось, что исчез Сережкин отряд.

Исчезли!.. Я ведь отвечаю за них — и морально, и еще как угодно. Я сильно расстроился, рассвирепел. Главное, никто не заметил, когда и куда они ушли. Мы кричали, звали, даже стреляли и давали сигналы ракетами — никакого отклика.

В довершение всего командир автоматчиков доложил, что пропал планшет с картой. Когда рубили деревья, он снял его и положил под пнем вместе с поясом, с пистолетом, со свернутой брезентовой накидкой от дождя. Все осталось на месте, а планшета нет, с тою самой картой, что разбита на квадраты... Я даже проверил трупы парашютистов. Нет! Все четверо лежали на месте.

На тайгу опускалась белая ночь. Среди деревьев сгущалась темнота, стволы берез растворялись в ней. Но на вырубленной, по-военному аккуратно четырехугольной поляне хорошо были видны и вертолеты и уморившиеся автоматчики, которые как попало улеглись спать.

И лишь один какой-то, наверно, никогда не унывавший паренек долго-долго напевал на лихой мотив, не соответствовавший по-светловски лирическим словам:

Болота, болота,
Проходит пехота,
Проходит за ротою рота...
Солдат не устанет,
На кочку привстанет —
Рукою до солнца доставает!

Потом, когда все кончилось, Вася Петряев оправдывался передо мной:

— Я и пистолет взял. Но Сережка мне за это по уху стукнул: оружие, говорит, офицера — его честь, нельзя лишать, даже временно... Ну, я вернулся... положил обратно... А записку не успел... забыл... И Сережке ничего не сказал: он опять бы меня по уху...

В записке, не переданной мне, Сережка сообщал: «Алексей Михайлович! Знаю, вы нам не верите, что шесть, но мы, возможно, докажем. Карту не ищите, она у нас, булет в целости, в сохранности. Идем на юго-восток. Сигналы прежние. С. Векшин.»

Впрочем, записка едва ли бы что-нибудь изменила. В лучшем случае, дядя Володя со своими товарищами отправился бы следом за Сережкиным отрядом, и я не волновался бы. Но старики все равно вышли бы несколькими часами позже, а за молодежью разве угонишься!

Когда ребята увидели, что мертвых парашютистов четверо, у Сережки с Надей вспыхнула перепалка:

— Ага! — обрадовалась Надя. — Всего пять.

— Нет, шесть. Вот увидишь! Точно!

— В тебе, Сережка, самолюбие и честолюбие кипят, — смеясь, укорила Надя.

— Да! — рассердился он. — Если хочешь, самолюбие и честолюбие! На нашу территорию проникли недобрые люди. Меня заело!.. Это тебе наплевать.

— Ишь, какой патриот нашелся! Может, тебя к медали представят?

— Так же, как меня в цехе наградили, — ехидненько поддержал Вася.

Сережка посмотрел на него уничтожающе, а на Надю — с сожалением:

— Эх, ты — меда-а-аль! — запальчиво протянул он. Потом подошел вплотную, взял Надину руку, положил на свою ладонь и ласково похлопал, тихо говоря: — Я тебя очень прошу: не спорь. Не будем ссориться.

— Но все-таки пять? — смеялась Надя. — Ты согласился?

— Нет! — отрезал Сережка и демонстративно отвернулся от нее.

Все остальные — Коля и Зина-беленькая, Вася и оба студента — собрались

возле. И Коля снова в шутку доложил Сережке по-военному:

— Товарищ командир отряда! Задание выполнено!.. Какие будут дальнейшие распоряжения?

— Ребята! — страстно, горячо заговорил вполголоса Сережка. — Вот... я даю честное комсомольское, что видел шесть парашютистов... Но мне никто не верит, даже она. — Он кивнул на Надю, словно ударяя ее. — А их было шесть! Это точно!.. Давайте поищем еще. А?..

— Так ты командуй!.. Командуй!.. — почти дуэтом сказали студенты Миша и Петя. Они теперь готовы за Сережкой хоть на край света. Ведь он ни единым словом не напомнил, как они обмишурились с бровастым возле речки.

— Кто согласен — подними руку, — попросил Сережка с таким видом, что не согласен кто-нибудь — он кинется драться.

Подняли все, кроме стоявшей позади него Нади. У Сережки дух захватило. Он порывисто бросился обнимать сразу всех, столкнул кого-то лбами, засмутился, отступил и несколько секунд глядел на отряд счастливейшими глазами.

Представляю, какие это были глаза!.. Искренний жар большого чувства даже камни оживляет, в сказках. Наверное, с таким чувством мой отец, большевик, матрос революционного флота, уводил за собой в бой людей, еще накануне не понимавших, что такое Советская власть. И, наверное, с таким же чувством мчались в прорыв легендарные танковые бригады уральцев-добровольцев в дни Отечественной войны... Да простят меня те, кто посчитает мое сравнение натяжкой! Кто видел в Брянских лесах наших партизан — от четырнадцатилетних до семидесятилетних, — тот поймет.

И ничего удивительного, что усталые, полуголодные ребята согласились пойти еще по два километра азимутальным веером дальше. Один лишь Коля добродушно буркнул:

— Живот усох.

— Ничего! Легче ходить! — ответил Сережка. — Пока еще солнце, пока еще светло, надо облазить вокруг как можно больше.

Он распределил всех, кроме Нади, по направлениям и пошел сам, не обращая на нее никакого внимания. Надя растерялась. Догнала его, схватила за рукав:

— А я?.. Сережка!..

— Ты можешь доложить Алексею Михайловичу, что из нашего отряда ты будешь исключена. А сейчас пока пусть он даст тебе работу. Да попроси полегче...

— Сережка! Ты с ума сошел!.. — Надя крепче уцепилась за него. — Я без тебя — никуда. Ты же меня уговорил в этот поход... в эту белую тайгу... Я лучше бы съездила в отпуск к маме... А теперь ты... Ты обиделся?.. Ну, пусть шесть! Шесть!.. Ты слышишь, я согласна... Сережа!..

Все это было сказано по-девичьему торопливо, единым духом и с той непосредственной доверчивостью, с какою обращаются к близким, надежным друзьям. Сережка повернулся к ней. Посмотрел долгим-долгим взглядом. Надя стояла, маленькая, тоненькая, нахохлившись, опустив ресницы. А голова, остриженная под мальчишку, клонилась и клонилась — вот-вот склонится Сережке на грудь.

— Ты побудь здесь. Отдохни. Ты очень устала, — тихо проговорил он. — Мы — скоро...

— Нет. Я с тобой!

Они пошли вместе. И ходили дольше всех. И — никаких отзвуков недавней словесной перепалки. Сережка снова стал задирист, с озорством подтрунивал над Надей. А она беспечно отшучивалась.

Как они ни высматривали вокруг, ничего не заметили, ничего не нашли — никаких следов, никакого намека. Сережка больше не заговаривал о шести. Но Надю так и подмывало начать снова настаивать на пяти.

Наконец, уже на обратном пути, она не выдержала:

— Искать нечего! Давай поспорим, что их было пять.

— Давай, — согласился Сережка, проверяя по компасу направление. Шли они верно. — На что?

— На что хочешь?

— Давай.

— А на что?

— Если я окажусь правым, — вызывающе предложил Сережка, щуря хитрый глаз, — то ты в течение десяти лет ни за кого не выходишь замуж без моего разрешения. Спорим?

— Спорим! — беззаботно засмеялась Надя. В таком возрасте девушки вообще часто говорят, что они никогда не будут выходить замуж. — Ты все десять лет станешь доказывать свою правоту? Может быть, поспорим на двадцать?

— Постараюсь раньше, — отговорился

Сережка, отворачиваясь от нее, немножечко смущенный.

Они не успели дойти обратно до того места, откуда начинался азимутальный веер. На полдороге показались бегущие им навстречу ребята. Впереди запыхавшийся Коля, за ним — Зина, затем все остальные.

— Сережка!.. Сережка!.. — орал Коля на весь лес. Но приблизившись, сразу перешел на шепот, от возбуждения совершенно неразборчивый. — Понимаешь!.. Кажется, четыре ноги!..

— Что-что? Какие ноги?

— Понимаешь!.. Отсюда... От убитых ушел, кажется, не один... Понимаешь?..

— Четыре, четыре ноги! — подтвердил Петя.

— То есть два человека, — объяснил Миша. — Дважды два — четыре! — Он пытался выглядеть спокойно-балагуристым, но голос дрожал.

Всем отрядом ребята помчались туда, где возле какого-то болотца, подобного тому, что видели мы с дядей Володи, обнаружили следы больших туристских ботинок.

Еле заметные следы шли навстречу друг другу. Сначала Коля решил, что это прошагал один человек, плутовавший вокруг болотца, — то с одной стороны, то с другой. Коля позвал студентов Мишу и Петю, и они определили, что двигалось двое, даже как будто и подошвы разного размера. Повстречались, потоптались, видимо, поговорили и вдвоем двинулись дальше по тропе среди берез на сухое возвышение.

По этой нечеткой тропе, по толстому ковру опавших листьев ребята, не сговариваясь ни о чем, сразу бросились по следам. Разглядывали каждый перевернутый лист, сдвинутый чьей-то ногой, каждый комок грязи, слетевший с чьих-то ботинок. Полуистлевший лист, покоившийся с прошлой осени под снегом затем плотно укатанный дождями, вдруг стоял торчком на траве и говорил о многом. Комок земли на плотном ковре ссохшейся листы мог лежать лишь только до дождя, а последняя гроза была три дня тому назад. И это говорило о многом.

Ребята так увлеклись, что спохватились, лишь отойдя на несколько километров. Их как-то сразу всех семерых внезапно осенило: отправились, даже никого не предупредив. Все остановились, словно по сигналу, замерли на миг и, перегля-

нувшись, вопрошающе посмотрели на Сережку. Потом, как по команде, опустились на землю. Сережка — тоже. Устали.

— Ну, что, командующий? — усмехнулась Надя. — Здесь прошел тот самый, которого вы привезли к нам на гору из Р * на вертолете. Пятый. Все ясно?

— Но тут прошло двое! — воскликнул Миша. Он не выпускал ружья и подозрительно осматривался вокруг.

— Двое, — подтвердил Петя, позевывая.

— Это, мальчики, — у страха глаза велики, — сказала Надя. Она выразительно глянула в сторону Васи, намекая студентам на то, как они встретились с ним рано утром и перепугали друг друга.

Коля придвинулся к Сережке и обнял за плечо, стиснув, как бы передавая ему долю своей решительности. Зина-беленькая уже раскрыла рот — предложить немедленно идти обратно, чтобы засветло быть у вертолетов. Но Сережка не дал ей сказать ни слова.

— Внимание! — быстро произнес он по-командирски. — Надо сообщить Алексею Михайловичу... Кто вернется, чтоб потом догнать нас? Мы пока сделаем привал, перекусим. Всем тратить силы нет смысла... Нет желающих? Тогда тянем жребий...

Сережка приготовил семь спичек, одну короткую. Ее вытянул Вася.

— Надо карту попросить. У автоматчиков — хорошая... Эх, не дадут! Точно... Не тебе бы, Вася, идти... Но ты постарайся, выклянчи, убеди.

Васе идти не хотелось. Не то, чтобы он боялся, а просто не лежала душа. Но у него и в мыслях не было отказываться. А тут еще раздалось несколько подковырок в его адрес. Молодые люди, как дети, часто безжалостны друг к другу.

— Не бойся, вермикулита по дороге нет, — со смехом заверил Петя.

— Котелок возьми, водички прине-сешь, — добавил Миша.

Но Сережка угрожающе посмотрел на них, высунул язык и похлопал по нему пальцем. Петя и Миша умолкли.

И Вася, закусив губу, поднялся. Безнадежно махнул рукой и быстро пошел, втянув голову в плечи, будто вслед ему продолжали язвить.

Сережка вскочил за ним:

— Подожди, я провожу. Еще раз осмотрю следы у болота, пока солнце не закатилось.

Вася повеселел, окрылился. Они дошли до болота, Сережка там остался, а Вася сбегал к нашему лагерю, где уже стоял первый вертолет и вырубалось место для второго. Вася решился на все. Действовал рискованно и энергично, как сумел, даже не побрезговал стащить пистолет. И Сережка за это расправился с ним у болота, послал второй раз с запиской.

Правда, потом Сережка, от души щадя Васино достоинство перед товарищами, ничего не рассказал остальным о его похождениях. И парень был ему премного благодарен за это.

Но неотданная записка в кармане жгла его, сковывала, и, может быть, поэтому Вася так и не сумел до конца всей истории доказать, что он совсем не трус. А потом гибель Нади окончательно пришибла, придавила его отвагу.

Сережка с Васей вернулись к ребятам уже за полночь. Все спали, как мертвые, костра не разожгли: и поленились, и побоялись — и без него было достаточно светло. Коля Шевелев дежурил с ружьем, взятым у студентов, и, встретив Сережку на тропе, доложил, что все в порядке.

В два часа, едва развиднелось, Сережка поднял отряд идти дальше.

Что происходило потом — об этом слушаем самого Сережку. Почти все во время следствия, в том числе и его рассказ, записывали на магнитофонную пленку.

Голос у Сережки звучит сипло, угнетенно. Говорит он неровно — то спешит, то в раздумье подбирает каждое слово.

— Шли мы все утро и весь день. Шли довольно легко: основные наши припасы остались на Вермикулитной горе. Через равные промежутки делали привалы, я попросил Надю следить за этим. Силы тратили расчетливо...

— Студенты Миша и Петя не командовали, не воображали из себя «шибко выше всех». В дружном коллективе и они ребята ничего. Они с оружием, поэтому шли впереди. А на привалах заводили такие интересные разговоры, что до следующей остановки все чуть не бежали... Студентам наши девушки очень нравились. Коля предложил во время движения запретить разговоры, что мы и старались делать...

— Ну, что еще? Говорили про все. Например, про то, что мы удачно тренируемся к полетам в космосе. В космосе у

человека будет совсем не загружен слух. Полная тишина! В белой тайге тоже полная тишина... В космосе зрение будет работать мало: кругом однообразная чернота. В белой тайге для глаза тоже все вокруг одинаково многими часами. А всякие приметы того, что впереди нас прошли люди — обломанная ветка, взрытый настил сухих листьев на земле, обожженная спичка и, главное, следы от ботинок в сырых местах, — все бросалось в глаза. Как звезды космонавтам!..

— Много спорили: на что будет в космосе у человека основная нагрузка? Коля говорил — на выносливость, как у летчиков реактивной авиации: уметь переносить крайние давления, температуры, резкие изменения собственной тяжести. А я сказал, что надо быть человеком высококоллективным: в космосе в одиночку ничего не сделаешь. Точно!..

— А потом наши девчонки взбунтовались: сколько, мол, можно идти, да и цели, мол, у нас никакой нет. Мы все дружно дали им отпор. Миша сказал, что в космос нельзя отправляться людям, подверженным, как Надя и Зина, быстрым сменам настроений. И я это здорово поддержал. Никакая неожиданность — в космосе, на чужих планетах их будет полно! — не должна ломить волю, смелость, решимость. Нам тоже надо так же.

— Девчонки заткнулись... Ну, то есть перестали канючить... то есть, ну... Нить перестали!.. Потом я предложил всем тренировать мозги — учиться мыслить отвлеченно и логически, как положено исследователям... О космосе сейчас интересно поговорить — каждый много читает об этом...

— Да! Еще Петя сказал, что для космоса нужно умение отлично ощущать свое положение в пространстве. В лесу такой навык вырабатывается... Ну, еще шутили. С шутками всегда легче. Надя на привале рассказала веселую сказку про то, что самый первый уралец от лешего родился, поэтому мы, уральцы, такие лесомыги... Вот уж посмеялись!..

— Еще много пели. С песней — каждый смелее... Мы с Колей Шевелевым понимали, что надо бы идти тихо, крадучись, ведь мы хотим настичь парашютиста, схватить его, а если поем, он может просто спрятаться в сторонке и нас пропустить мимо себя. Но без песни все очень быстро скисали, падали духом. Подустали все... Решили: будь, что будет! И по-

том, не должен тот парашютист специально утаиваться, наоборот,— думали мы,— он будет изображать из себя какого-нибудь нашего дядьку, а мы-то знаем и перхитрим его... Вот в межпланетном...

Космос, космос, космос!..

Сережка никак не мог в своем рассказе перейти к главному. Он вспоминал и вспоминал всякие подробности, малосущественные мелочи, возвращался к тому, о чем уже говорил, и чем дальше, тем больше, переживал, нервничал. Речь его стала совсем спотыкливой. Долго он не мог пересилить себя, чтобы обрисовать заключительные печальные события.

Поэтому ради краткости я выключаю магнитофон.

Вечером еще светило солнце, когда отряд пошел дальше по краснолесью. Белая тайга окончилась. Все вокруг стало пышнее, многокрасочней — с кустарниками, травами, цветами. Мшистые валуны, словно притаившиеся звери, охраняли сосновые боры, густые ельники, стройные кедровники, массивы лиственницы, перемежающиеся глухими тенистыми полянами. Под солнцем, пробивающимся сквозь могучие кроны, тропа сверкала, устланная лакированными иглами сухой хвои.

Ребята в ускоренном темпе шагали и шагали до глубокой ночи.

Наконец, тропа раздвоилась. Это было видно даже в полусумерках белой ночи. Сережка скомандовал привал. Попели кое-как, завязали отощавшие рюкзаки, но никто не уснул. Так утомились, что и у молодого организма усталость перешла в лихорадочное напряжение.

Долго спорили о развилке тропы. Несколькими раз тщательно примерялись по карте. Получалось, что налево — дорога в Р*, мимо палатки студентов. По ней, наверное, пошел бровастый: Миша и Петя, а потом и Сережка встречали его там.

Тропа направо вела примерно в сторону Спесивой горы, где неподалеку был найден комплект снаряжения парашютиста. И Сережка убеждал ребят, что на этом распутье парашютисты разошлись. Бровастый — налево, а второй нагрузился двумя комплектами снаряжения и — направо. Парни согласились с Сережкиным предположением. Но Надя скептически возражала:

— Все это, мальчики, очень отвлеченно!..

— Но логично! — настаивал Сережка. Сомнения Нади поддерживала Зина-

беленькая. Она требовала конкретных видимых доказательств. А их не было. Развилка на сухом месте. Следов — никаких.

Однако Сережка непреклонно утверждал свое. Помог Коля, объявивший, что женский пол вообще не способен к анализу и обобщениям, к исследовательскому мышлению, и слушать девчонок нечего. И еще до восхода солнца отряд устремился по тропе направо. Шли весь остаток ночи и все утро. Привалы делали самые короткие. Миша и Петя, шагая впереди, держали ружья наизготовке. Надя бунтовала. Зина капризничала и угрожавала Колю вдвоем сделать капитальный привал. Коля мрачно отмалчивался, но брал ее под руку и силой вел дальше. Девушки, взвинчивали друг друга и, нервно потешаясь, садились посреди тропы и кричали:

— Дальше мы не пойдем!

— Вам нравится играть в охотников за парашютистами, а нам нет!

— Стреляйте, стреляйте, мальчики,— разыгрывала Надя Мишу с Петей.— Вон, вон, за пнем кто-то сидит!

— Сережка, выпусти красную ракету,— требовала Зина.— Пусть за нами пришлют вертолет.

Но Сережка отрезвляюще отвечал, что красная ракета осталась одна и она может еще пригодиться.

Все больше и больше сказывалась усталость. Нервозность в отряде нарастала и нарастала. Сережка подобрал крошечный окурочек сигареты и сказал, что все правильно: бровастый, дескать, не курил, значит, второй прошел именно здесь. И девчонки чуть не с визгом напустились на Сережку:

— Откуда ты знаешь?.. Может, и второй не курит?.. Воображуля!.. Подумаешь, Шерлок Холмс!.. Откуда у тебя сведения, что тот не курит?..

— Попрошу вести себя потише: мы не на экскурсии,— серьезно урезонил их Сережка.

Девушки приотстали, когда в распадке, возле стоячей лужи, парни увидели отпечатки туристских ботинок, отпечатки с глубоко вдавленными пятками.

— Точно! — горячим шепотом произнес Сережка.— Этот нес парашюты и скафандры туда, в болото...

— Две ноги... Не четыре... — только и смог произнести Миша, оглядываясь во круг остановившимися глазами.

В возбуждении, в азарте, словно охотники, напавшие на след наисвирепейшего зверя, парни ринулись из распадка в горку. Но не успели пробежать и пятидесяти метров, как из-за поворота, им навстречу, показался рослый мужчина в туристском костюме, с рюкзаком за спиной. Они знали, кого ищут. Они долго готовились к встрече. Но никто из них не думал, что она произойдет так скоро и столь неожиданно.

— Сто-о-й!..— заорали Петя с Мишей разом.

Не думая, кто перед ними, они сдуру, сперепугу дали по мужчине залп из охотничьих ружей. Но у того оказалась прекрасно выработанная реакция на внезапное нападение. Он мгновенно заскочил за дерево и выхватил пистолет. А Миша, стреляя, спотыкнулся и упал.

Петя, увидав валяющегося под ногами своего лучшего друга, окончательно растерялся и выпалил второй раз. Мужчина тоже выстрелил, целясь в него, и попал в Надю, которая стояла далеко позади, еще ничего не понимая, что происходит.

Она вскрикнула: «Сережа-а-а!»— и медленно опустилась на землю. Зина-беленькая упала тут же рядом в обморок.

А Сережка с Колей и Васей, прыгнув при первом оружейном выстреле с тропы

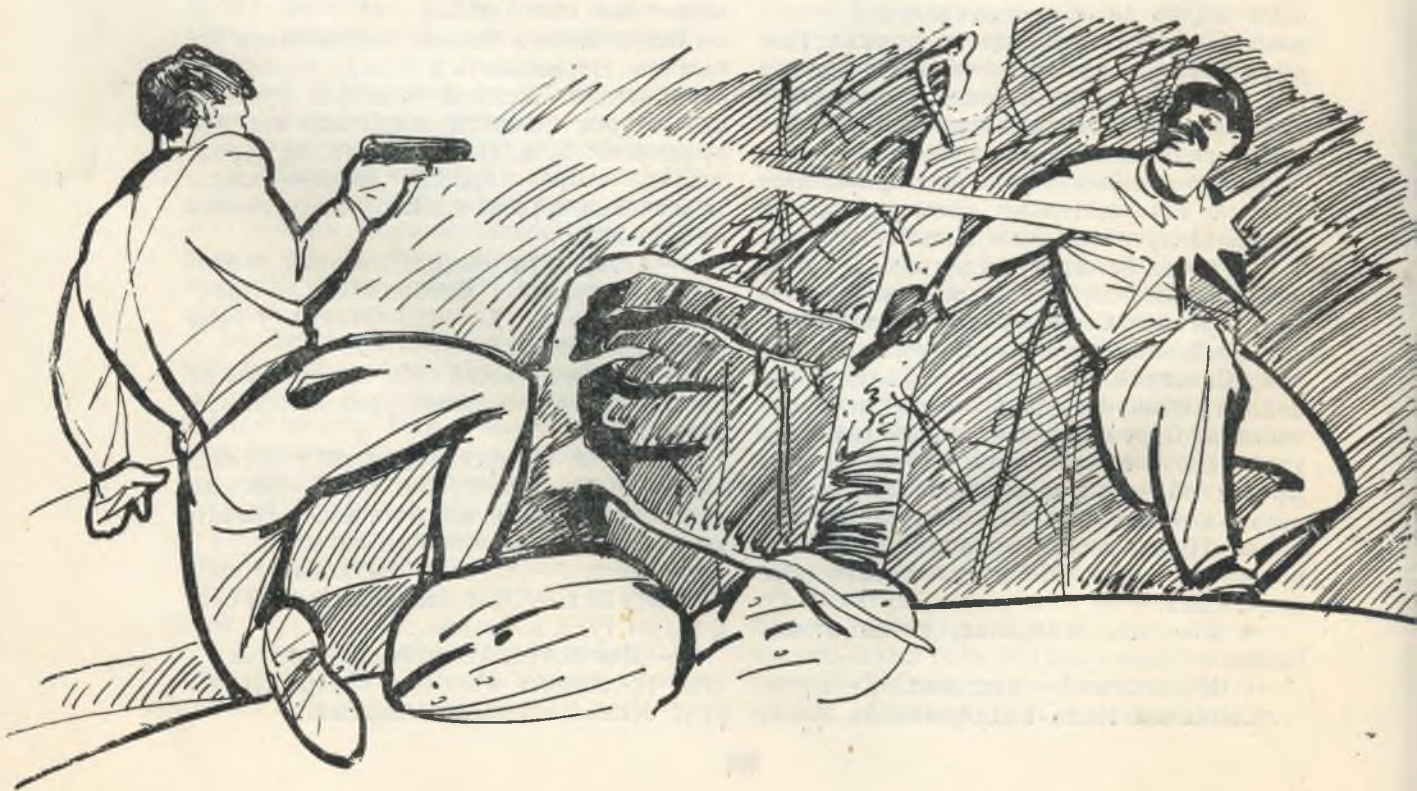
в сторону, быстро пробирались меж деревьев вперед. Сережка, услышав вскрик Нади, оглянулся и увидел, как у нее подогнулись ноги, запрокинулась голова, как она схватилась за сердце. Не помня себя, Сережка кинулся к мужчине и выстрелил в него из ракетницы.

Красная сигнальная ракета ударила мужчину в плечо, сбив его с ног, горящим метеором взметнулась чуть вверх, пролетела немного и погасла. И Сережка успел вырвать пистолет у мужчины, который был не столько оглушен и обожжен ракетой, сколько растерян от непредвиденного оружия, свалившего его. Прямо лежа он поднял руки под наведенным на него пистолетом.

Сережка, еще раз оглянувшись на Надю, с остервенением занес ногу, чтобы со всех сил ударить мужчину каблуком в лицо. Тот даже простонал. Но Сережка не ударил.

— Встаньте!— приказал он.— У нас лежащего не бьют.

Коля и Вася в один миг, словно всю жизнь только этим и занимались, срезали с одежды мужчины все пуговицы, все до единой, перерезали шнуровку ботинок и даже резинку на трусах. Попробуй — побеги! Он медленно поднялся, обескураженно поддерживая спадающие штаны.

А в распадке, позади, почувствовалась Зина-беленькая и громко зарыдала, склонясь над подругой:

— На-а-а-аденька-а-а! Ой, На-а-а-аденька-а-а!..

Глава двенадцатая

СУПЕРКОВАРСТВО

Надо ли рассказывать, как чувствовал себя я, когда исчез отряд Сережки? Я бешусь от злости и злился в бешенстве, что ничего не могу сделать, что мне ничего не ясно, что мальчишки и девчонки даже не посчитали нужным известить меня о своих намерениях.

Я не докладывал руководству о завершении операции. Я догадывался, что Сережка увлек ребят искать шестого парашютиста. Но нельзя же — так!.. Куда? Как? На основе каких соображений? Каких данных?.. И что делать мне? Случилось ли что-нибудь с ребятами? Может быть, этот шестой и впрямь существует и давно перестрелял их всех.

В голову приходили зловещие воспоминания о разных давнишних случаях необъяснимой гибели людей в этих малоизвестных краях.

Мы сутки проторчали на Спесивой горе без всякой пользы. Я гонял вертолеты над зеленым морем тайги, чтобы они хоть что-нибудь заметили в молчаливых волнах бесконечной листвы. Ничего! Ни дымка от костра, ни огонька сигнальной ракеты!..

Белая тайга...

Дядя Володя Чурсин успокаивал меня, натянуто посмеиваясь:

— Ничего-о!.. Не волнуйтесь, Алексей Михайлович!.. Такие орлята нигде не пропадут!.. Вы, между прочим, видели в Челябинске памятник «Орленок»? Поставили моему одному очень хорошему товарищу...

Я лишь поглядывал на него свирепо и молча, и дядя Володя прекращал разговоры. Он тоже устал. С утра до вечера мотался на вертолете, «заскакивая», как он выражался, к своим друзьям, сидевшим в засадах в разных концах тайги. Старику было трудно: ведь спускаться и подниматься по лесенке вертолета с воздуха — это же каждый раз почти цирковой номер!

Прошла еще ночь, бессонная и ничего не прояснившая. Утром я распорядился свертывать экспедицию. Я был раздражен — самому противно. Ни с того, ни с сего сделал резкое замечание сержанту Мите, который весело о чем-то болтал со смеющимся бровастым парашютистом. Сержант спокойно перенес мой несправедливый наскок и затем сказал:

— Я его поймать хочу на слове. По моему, их было шестеро.

Тут меня окончательно взорвало. Еще не хватало ссылки на утверждение Сережки Векшина! Я нагрубил сержанту Мите, так, что после пришлось просить извинения. Даже дядя Володя вмешался:

— Простите,— говорит,— Алексей Михайлович. Но пять или шесть — еще пока проблема.

— Это почему же?

— Я пока не могу вам доказать. Но вот прошлым утром Кичмаев, молодой охотник,— ему всего лет сорок,— во-о-он с той горы видел отражение на небе: шел не наш человек и, наверное, по болоту шел... Я не говорил вам об этом, потому что мираж на рассвете в наших краях — такие светлые, зыбкие силуэты — явление легендарное, вроде вашей «Золотой Бабы». Наука берет их под сомнение... Я лично видел такое, но очень давно, еще когда в гражданскую войну партизанил... Стало быть, и Кичмаев что-то видел... Давайте подождем с окончательными выводами...

Дядя Володя обезоружил меня. Но — ждатель? Сколько? Трупы парашютистов вот-вот начнут разлагаться.

Однако, ждатель пришлось недолго. И к моему счастью, и к несчастью.

Вернулись старички-охотники Есин и Кульнев, те, что двое суток назад отправились посмотреть места, где студенты нашли первый комплект парашютного снаряжения для прыжков с огромной высоты. Старички возвратились настолько мокрыми, грязными, облепленными тиной, да не зеленой, а какой-то рыжей, что я испугался: не рехнулись ли они, не избражают ли дедушек-водяных из древних сказок?

Они оказались, конечно, в полном уме и здравии. Посидели, покурили. И, отдохнув, сообщили:

— Там, в болоте, еще один... этот, как его... парашют. И одежда, и приборы... Вытащили... А уж принести сюда — силы кончились. Кабы — помоложе...

Надо ли говорить о моем состоянии Шестой!.. Да здравствует Сережка Векшин! Жив ты был бы только, парнишечка мой родной!..

Я решил немного поспать, так как чувствовал, что способен наломать дров. Ломило веки от бессонных этих дней. Отдохну маленько. Что мне оставалось? Начинать новую операцию?..

Вскоре посланные к болоту за находкой старичков автоматчики вернулись вместе с Сережкиным отрядом и шестым парашютистом. Сережка нес на плече маленькую, тоненькую Надю. Пуля угодила ей в сердце.

* * *

Я на всю жизнь полюбил Сережку, ставшего после этой истории совсем взрослым. Полюбил и его верных товарищей. Все они разные. Но все они славные. И почти все они могут быть в жизни настоящими героями.

Пусть знают там, на Западе, что нашу страну охраняют не только мощные ракеты, пограничники и чекисты. Провалился даже такой суперковарный—сверхковарный — план врагов.

Сбитый иностранный самолет успел сбросить с высоты восемнадцати тысяч метров шесть парашютистов. Шесть здоровенных, особо обученных и натренированных типов были утолканы в специальную кассету и выкинуты разом. По разработанному плану двое, приземлившись,

расстреляли четверых, и один пошел «добровольно» сдать органы Советской власти — рассказать об убитых якобы им одним. А шестой спокойной и свободно, никем не разыскиваемый и снабженный всеми необходимыми документами, должен был пойти работать на крупный уральский завод, изображать передового советского человека, потихоньку разлагать молодежь морально и нравственно.

Шестому «повезло»: его не убили вошедшие в раж и малоопытные в таких делах ребята. Он, утопив в болоте парашюты, возвращался проверить, не осталось ли от него каких-нибудь следов. Кто знает, может, ему удалось бы замести их и скрыться!

Наше руководство ходатайствует перед правительством о награждении Сергея Векшина медалью «За отвагу». И за отвагу, и за организацию боевого отряда друзей природы. Говорят, сейчас этот отряд стал грозой местных браконьеров. Если вы организуете у себя такой отряд и в тренировочном туристском походе побываете на Спесивой горе, положите букет лесных цветов на могилу маленькой Нади Зотовой. Сережка там сделал надпись — слова из юношеской песни:

И снег, и ветер,
И звезд ночной полет...
Тебя, мое сердце,
В тревожную даль зовет.

Надя тоже могла бы стать отважной девушкой. Ну, а о том, как ранило меня, напишу в следующий раз.

КОНСТРУКТОР-ЛЮБИТЕЛЬ

В прошлом году на Всероссийской выставке радиолюбительского творчества в Москве демонстрировались десятки всевозможных радиостанций, приемников и передатчиков, сделанных руками радиолюбителей.

Среди экспонатов Свердловского радиоклуба внимание привлекал ультракоротковолновый передатчик, сконструированный свердловчанином Леонидом Злоказовым. Его передатчик был признан лучшим по работоспособности, простоте конструкции, стабильности в работе и легкости в управлении. Радиолюбитель надежно работал на этом аппарате со своими друзьями из Комсомольска-на-Амуре, Хабаровска, Риги, Кишинева, Ташкента, Самарканда и других городов страны.

Леониду Злоказову присужден диплом I степени.

Конструированием радио- и электронной ап-

паратуры Леонид Злоказов занимается несколько лет. Он создал по своим схемам 10 различных радиостанций, 4 конструкции телевизоров и много других приборов.

Уральские геологи благодарны Л. Злоказову за создание двух уникальных приборов: усилителя для сейсморазведки и прибора для измерения температуры и электропроводимости водных потоков.

Всего за последние годы конструктор-любитель награжден семью дипломами, несколькими грамотами и ценными подарками. Ему присвоен первый спортивный разряд за радиосвязь.

Недавно Свердловский облпрофсовет и СНХ наградили Л. Д. Злоказова Почетной грамотой за внедрение электронной аппаратуры в промышленность.

Фото В. ДИАНОВА.

Конкурс
короткого рассказа

НА ВЫСОТЕ

Трудовая биография Тимофея Александровича Седыкина началась в Магнитогорске. Вместе с другими он строил доменную печь. Потом — Свердловск, Верх-Исетский завод. Работал оператором в крупносортном цехе, затем был избран секретарем комитета ВЛКСМ этого завода.

Сейчас Т. А. Седыкин — оператор на прокатном стане, снова в Магнитогорске.

Мы живем на четвертом этаже в небольшой уютной комнатке заводского общежития. Первым поселился в ней Вадим Бабин. Воспитывался он в детдоме, учился в «ремеслухе», получил специальность кровельщика, но решил стать монтажником.

Потом с небольшим измызганным чемоданом прибыл я, а за мной Стаська Савельев. Оба мы после десятилетки.

Сейчас все трое работаем в одной бригаде монтажников.

Из окна нашей комнаты виден большой заводской пруд, что блестит голубиной. За прудом в синей дымке зеленеют леса, а дальше — в мареве — Уральские горы.

Утром, когда выкатывается солнце, лучи его сразу протягивают сквозь тюлевые шторы свои золотистые щупальцы, и комната с тремя кроватями, круглым столом и этажеркой, забитой книгами, наполняется веселым светлым теплом.

Из окна нам видно, как по широкой улице, что ведет прямо к проходной, спешат деловито люди: смена за сменой. Улица наша просторная, лоснится асфальтом. И когда по ней течет людской поток, нам кажется, будто город подставил отшлифованную трудовую ладонь под ноги людям, чтобы не спотыкались...

Самый опытный и сильный в нашей

компании — Вадька Бабин. Он каждое утро занимается гантелями и обливается холодной водой. Много говорить не любит. Ну, а уж если он скажет, то веско, прочно, словно гвоздь вобьет.

Вадька некрасивый, с крупным длинным носом и пухлыми сочными губами. Рыжие волосы всегда торчат у него на затылке, как уши у филина.

Мы с Вадькой завидуем Стаське. Он хотя и щуплый, но симпатичный. Особенно хороши у Стаськи глаза. Большие, выразительные, синие-синие, как весенний рассвет, они окаймлены черными длинными ресницами.

Одевается Стаська модно, ярко. Одних ковбоек у него больше десяти, и все разные. Потому, наверное, его и прозвали на работе «фазан библейский». Девчонки пишут Стаське. Приглашают его часто на «дни рождения». Если он не приходит, присылают ему обидные письма, в которых называют его грубияном и зазнайкой. Но Стаська относится к письмам и нашим заводским девчатам равнодушно.

Мы с Вадькой знаем причину этого равнодушия. Дело в том, что Стаська давным-давно по уши влюблен в медичку Валью Козыреву. Он еще в школе, с третьего класса, начал ухаживать за ней — пачкал чернилами тетрадки, дер-

гал за косички, а в десятом стал писать Вале записки и краснеть при встречах...

После десятилетки Валя поступила в медицинский институт, а Стаська подался на стройку.

В бригаде монтажников мы самые молодые. Нас все зовут «початки молочной спелости». Поначалу ходили мы в учениках у Яшки Сокола — опытного монтажника. Знатно он работает, сноровисто. Но, по нашему твердому мнению, гордая и светлая фамилия — Сокол — Яшке не подходит ни по каким статьям: Яшка маленький, толстый, как откормленный поросенок, у него шишковатый нос и маленькие свинцовые глазки. Ходит он вразвалку, важно и степенно, носит бушлат, фланелку и тельняшку, хотя ни разу не видел моря. Флотское обмундирование Яшка купил на базаре. Сокол ярый враг узких брюк. Когда мы появились в бригаде, он презрительно оглядел нас и ехидненько хмыкнул:

— Стиляги, одним словом. К нам на перевоспитание? Ну-ну...

В первые же дни Яшка решил ошеломить нас знаменитостью своей. Когда мы проходили мимо Доски почета, он указал на собственную фотографию и с бахвальством произнес:

— Узнаете? То-то! Со мной, брат, не шути! Я ведь что? Я могу все! Вот, к примеру, возьми арматурщика. Вроде, нехитрое дело — гнуть арматуру, а попробуй! Черта с два! То не догнешь, то перегнешь... А я что? Я глянул, прикинул глазом — и пожалуйста — сто двадцать процентов за смену! Или того же оператора возьми... Хитрая работка, скажу вам. А я поглядел денек-другой, приспособился к контролерам и — пожалуйста... Слитки как по маслу пошли. Другим выговор, а мне — благодарность. И опять же — денежки в карман... А как же? Одним словом, сноровка! И потом что? Шурупить надо! — и Яшка постучал пальцем по лбу. — А вы что? Вы только брючки в дудочку да ногами буги-дуги шаркать. Нет, брат, у нас тут... не пойдет. У нас тут ого-го! Одним словом, работка...

Так и воспитывал нас Яшка. Все разговоры его сводились к одному: «Чтобы деньгу иметь — шурупить надо!». Мы Яшку возненавидели, как кошки собаку. Грызлись каждый день. А вот на работе Яшку хвалят! Даже фотографию вывесили на Доске почета.

Мы, правда, ее скovyрнули ножич-

ком. Нечего ему там болтаться. Может быть, нам влетит за это. Ну и пусть. Дождемся собрания — все равно выскажем все, что думаем о Яшке.

Нашей бригаде из-за него не присуждают звание коммунистической, потому что Яшка не желает учиться.

— Учиться? А на кой, — рассуждает он, — забивать-то всяческой ерундой голову? На мой век и шести классов хватит. Возьми анжинера. Он что? Он меньше получает. Он — полторы, а я — две! Одним словом, шурупить надо, а не в букварях ковыряться. Вот так!..

А нам и десяти классов почему-то мало. Ведь в жизни столько интересного, и все хочется узнать, а времени в обрез! Наша тройка учится в строительном-монтажном техникуме. А Стаська еще, кроме того, осуществляет свою мечту — настойчиво штурмует музыку. У него есть старый, облезлый аккордеон, который сразу же после войны привез ему отец из Германии.

Когда Стаська берет в руки эту «музыку», у инструмента прежде всего рвется ремень, потом отлетает планка, и только после этого аккордеон начинает вздыхать, скрипеть и свистеть так, что никакой мелодии при всем желании не уловить.

А у Вадьки тоже есть своя мечта — написать хорошие стихи. Когда мы ложимся спать, у него начинаются муки творчества. Вадька забивается в угол кровати, подкладывает под спину подушку и усиленно грызет карандаш, ероша и без того лохматые рыжие волосы.

Стаська часто пристаёт к нему:

— Вадя, напиши что-нибудь Валюшке. Что-нибудь такое... чтобы сердце... Напишешь, а?

— Напишу! Только так напишу, что Валя меня полюбит! — шутит Вадька.

— Нет! Она верная! — гордо отзывается Стаська. — Это уж точно!

— Посмотрим!..

И начинается спор. О разном. Это мы любим. Говорят, в спорах рождается истина. Вот мы и ищем истину иногда до хрипоты. Ведь жизнь интересная штука! Человек ведь рождается, чтобы что-то совершить, оставить о себе добрую память людям. Значит, и мы должны многое сделать для будущих поколений. А такие, как Яшка Сокол, живут ради собственного живота, окружив себя забором, уткнув нос в тарелку со щами... Они работают лишь там, где можно «зашибить деньгу». Этакие людишки в трудный момент не будут жертвовать собой!..

Однажды в конце апреля, в ночь под выходной день, разыгралась гроза... Нас разбудил раскатистый удар грома, от которого задрожали стены комнатки и зазвенели стекла. Молнии освещали комнату голубым тревожным светом. Ветер выл и ударял в окна с нещадной силой, врывался в открытую форточку, забрасывал в нее брызги дождя. На полу образо-

валась лужа. Я вскочил с постели, проплепал босыми ногами по холодному мокрому полу, подошел к окну и с силой захлопнул форточку. Снова полыхнула молния и осветила бурлящие потоки дождевой воды. Они с шумом неслись по юветам, вдоль улицы. Раздался треск.

— Вот дает! — грустно произнес Стаська. — Погода с ума спятила. А сегодня Валюшка обещала приехать... Не видать мне ее, как своих ушей.

— Да... Не погода, а психическая атака! — определил Вадим. Я, поеживаясь от холода, возвратился к кровати. В это время раздался громкий стук в дверь. Мы услышали панический голос тети Фроси, нашей вахтерши:

— Толик! (это меня). К телефону! Живо!

Я быстро скатился вниз по перилам лестницы и схватил трубку:

— Анатолий? — донесся до меня тревожный голос. — Говорит Мальцев. Поднимай свою братву и срочно на участок! — И подчеркнул: — Срочно!

В трубке что-то затрещало, потом раздался какой-то гром, словно тысячи железных пустых бочек упали и покатались по крыше общежития. Я стремглав бросился в комнату.

— Братва! Одеваться! На участке чепе!.. Звонил мастер!..

Стаська сбросил одеяло и сердито прогудел:

— Вот, чтоб их там!..

Вадька поскреб затылок и определил:

— Гроза что-нибудь натворила.

На улице бушевала гроза. Упругий ветер толкал в грудь с такой силой, будто старался унести все, что стоит на его пути, за город, в степь. Деревья сгибались почти до земли.

С трудом добрались мы до проходной. Грязные и мокрые, ввалились в конторку стройучастка. В тесной комнатке уже сидели бригадир Вохменцев в больших резиновых сапогах, заляпанных грязью, мастер «дядя Мальцев» (с его усов на дощатый стол капала вода) и Яшка Сокол, заспанный, всклокоченный и сердитый.

Увидев нас, Мальцев обрадованно воскликнул:

— Пришли! Молодцы. Больше никого собрать не удастся. — И объяснил обстановку: — Дело вот в чем... У мартеновского цеха вот-вот рухнет труба. Под натиском ветра вышла из орбиты движе-

ния. Вы понимаете, что произойдет, если она вдруг на цех рухнет? Ваша задача — заарканить ее тросами. Мы, конечно, заставить вас не можем. Техника безопасности и все такое... Короче говоря — риск!..

Мальцев умолк, провел ладонью по мокрым усам и как-то испуганно оглядел нас, ожидая ответа.

Наступила тишина. Было слышно, как завывал ветер. Под натиском его конторка вздрагивала. Тревожно мигала маленькая лампочка.

Первым подал голос Яшка:

— Оно... Дело такое... Может, и верная гибель. Под такой махиной хоронить себя... — и спросил: — А здорово она нахилилась-то?

— Тросы выдержат? — деловито осведомился Вадим.

— Должны! — ответил мастер.

— Ладно! — вдруг согласился Яшка. — Сколько на кон?

— Как?.. — не понял Мальцев.

— Ну, премиальные...

Мне почему-то захотелось ударить Яшку. Я сжал кулаки.

— Мы сделаем, верно, ребята?! — резко бросил Стаська. — А то пока Яшка торгуется — труба рухнет!

— Подходящий момент для сделки! — У Вадима на скулах забегали желваки. Сокол зло сверкнул заспанными глазками и процедил:

— А я что? За всех стараюсь. Што мне, одному, што ли? А дело не шутейное, не жалко и заплатить!

— Двигаемся, братва! — скомандовал Стаська и нервным движением поправил широкий монтажный пояс.

Мы вышли из конторки и направились к мартеновскому цеху: впереди, подняв воротник, Мальцев, за ним гуськом следовали мы. Последним, сгорбившись, плелся Яшка.

Гроза проходила. Уже вдали полыхали молнии. Восток начинал синеть. В просветах туч кое-где мигали яркие звезды. Ветер не унимался.

У трубы толпился народ. Подкатили на машине директор завода и парторг.

Труба угрожающе гудела. Порою казалось, что она падает. В такие моменты все замирали. Но труба только кренилась.

— Сильно нагружать трубу нельзя! — прокричал мастер. — Сначала пусть двое лезут, потом их сменить можно... Тех-

ника безопасности и все такое... Понятно?

И мы со Стаськой, нагрузив на плечи тяжелые мотки канатов, двинулись к трубе. Она вздрагивала и стонала, словно больное гигантское чудовище. Железная лестница была скользкой, шаткой. Все выше поднимались мы. Ноги начали дрожать. Во рту появилась горечь.

Чем выше, тем холоднее. Ветер пронизывал до костей. Наверху особенно чувствовалось движение трубы. Вот она медленно наваливается на нас. Замирает сердце. Кружится голова. Кажется, падает труба. Вот-вот с грохотом рухнет она на металлический каркас цеха. Но труба вдруг останавливается и клонится в другую сторону от нас. А тучи бегут низко, стремительно. Наконец-то вот она — вершина! Мы на железном мостике!

Далеко внизу, в синеватом сумраке, маячат бледные точки огоньков.

— Эге-ге-гей! — кричит Стаська, но голос его тут же разрывается ветром.

Мы разматываем тросы. Пальцы одубели. Губы свело холодом, трудно выговорить слово... Делаем петлю. «Заарканиваем» горло трубы как раз по стальному кольцу. А ветер шумит, мечется. Честное слово, мы думаем сейчас, что на всей земле нет тихого уголка.

Вдали полыхают молнии и прокатывается гром. Но часть работы сделана. Мы быстро спускаемся вниз. У земли нас подхватывают на руки. Но опасность не миновала. Надо еще закрепить трубу по центру. Подошел мастер. Он хотел теперь подниматься вместе с Вадимом. Но нас со Стаськой захлестнула волна залихватской удали.

— Доведем дело до конца! — решили мы, и, сменив мокрые варежки, снова ринулись на штурм.

Наконец, измотанные ветром и страшно усталые, мы стоим на земле. А земля, словно качели, ходила у нас под ногами. Заскрежетали лебедки. Заскрипели, натягиваясь, тросы. Труба дрогнула и медленно, но уверенно, пошла... пошла.

— Уходи! Все уходи-и-и! — закричал мастер.

В канатных струнах свистел ветер, срывая с них дождевые капли. Над заводом показался раскаленный кусок солнца. Стаська вдруг заорал:

— Ура-а-а!

И все разом заговорили, зашумели. Кто-то гаркнул:

— По местам!!

Люди бегом бросились в цех... Директор завода, здоровенный, грузный, в мокрой развевающейся плащ-палатке, подошел к нам, крепко пожал руки огромной ладонью и устало, с хрипотцой сказал:

— Молодцы, хлопцы! Большущее спасибо!

Мы довольные заулыбались. А Яшка Сокол смутился, видимо, оттого, что и ему директор пожал руку. Он насупился и, сгорбившись, пошел к проходной...

А в конторке табельщица Прасковья Федоровна разговорщически сообщила Стаське:

— Савельев, тебе тут одна особа звонила. Говорит, ждет в общежитии.

— Как? Неужели приехала?! Ребята, она! — Стаська сорвал монтажный ремень, бросил его на мокрую скамью, пулей вылетел на улицу и, как сумасшедший, бросился к проходной...

Мы — за ним вслед. Как же! Мы вместе должны встретить Валю.

— Видать, здорово любит, раз такой погоды не испугалась! — кричу я Вадьке.

— Да, она смелая!

Мы бежим, кричим и завидуем Стаське. Догнали Яшку Сокола. Он шел попржнему сгорбленный и уничтоженный, втянув большую голову в плечи.

Пробежали мимо, обдав Сокола, — да какой он сокол — крот! — грязными брызгами лужи. Он, к нашему удивлению, даже головы не поднял.

На востоке, набирая высоту, пронзая острыми лучами последние рваные тучи, вставало солнце!

Ирчинок

После долгого перерыва мы продолжаем наши рассказы у костра. В этом номере с ними выступают тюменский журналист В. Васильев и пермский писатель О. Селянкин.

Третьи сутки мы ехали вместе с летчиком Героем Советского Союза Павлом Ивановичем в одном купе. За это время о многом переговорили — в дороге быстро завязываются знакомства.

Павел Иванович рассказал немало эпизодов из своей боевой жизни, называя при этом имена известных, прославленных пилотов, вместе с которыми ему довелось воевать в дни Великой Отечественной войны. Но о своем личном участии в каком-нибудь из боев он не говорил ни слова. Я как-то сказал ему:

— Вот вы все говорите «они», «мы», а за что вам вручили Золотую Звезду?

— Дело простое, — ответил он, — сбил сколько положено фашистских стервятников. — И, заметив на моем лице разочарование, добавил: — Многие считают нас, летчиков, непреклонными героями... Первый подвиг, свидетелем которого я был, совершил не летчик. Правда, дело связано с авиацией. Если хотите послушать, я расскажу вам об этом.

Равномерно покачивало вагон, односторонне постукивали на стыках колеса, неясные отблески зарниц угадывались за окном.

— Случилось это перед самой войной, весной 1941 года, — начал Павел Иванович. — Жил я тогда в небольшом районном городке, в Сибири, и летал на почтовом самолете У-2.

Среди молодых летчиков нашего подразделения я считался храбрецом за то, что часто занимался показательным лихачеством — летал на бреющем полете, распугивая на поле овец, делал фигуры высшего пилотажа на малой высоте.

Поступок, совершенный на моих глазах одним человеком, заставил меня крепко задуматься о своем «геройстве» и навсегда отказаться от лихачества в воздухе...

Предвоенная весна в Сибири выдалась на редкость дружной. Небольшие овражки превратились в озера, мелкие речушки вышли из берегов и лосносили переправы. Наш городок оказался отрезанным от большого мира. И вот как-то ранним утром вызвал меня начальник. «Готовьте машину, — сказал он. — Спешно доставите врача в деревню Низовку. У Низовки посадку сделать негде... Врач спустится на парашюте, а вы пролетите в село Нагорное — там хорошая посадочная площадка. Там и подождете врача».

Я готовился к вылету. Когда мы с механиком проверяли мотор, к самолету подошел человек небольшого роста, в плаще с капюшоном (с утра моросил мелкий дождь). В руке он нес ма-

ленький чемоданчик. За спиной человека был парашют.

Меня несколько обескуражила шуплая фигура пассажира: таких парашютистов брать на борт мне еще не приходилось. Врач Смирнов выглядел почти мальчиком. Девичий румянец заливал его щеки, а большие голубые глаза смотрели на мир с неподдельным любопытством.

До Низовки мы летели час. Сделав разворот над полем, я повернулся к пассажиру и, крикнув «Прыгай!», махнул рукой. Но врач почему-то не прыгнул. Он поднялся, ухватился рукой за борт и стал пристально смотреть вниз. Лицо его побледнело, глаза округлились, словом, парень, кажется, струсил.

Я сделал над полем второй круг и снова махнул рукой: «Прыгай!» И опять Смирнов не решился покинуть самолет. Все так же, чуть согнувшись, он стоял, уцепившись за борт. Я разозлился.

— Трус! Прыгай, говорят тебе! Прыгай! — Я выругался и погрозил ему кулаком.

Врач взглянул на меня и, тряхнув головой, как-то неловко, боком, вывалился через борт... А через несколько секунд в воздухе затрепетал купол парашюта.

Через сутки я увидел Смирнова. Он пришел из Низовки в Нагорное пешком. Усталый, испачканный грязью, но очень довольный...

— Ну, как дела? — спросил я.

— Замечательно! К больной поспел вовремя. Операция прошла хорошо: женщина будет жить.

— Садитесь, полетим домой, — сказал я.

Но врач, прежде чем сесть в кабину, подошел ко мне ближе и почему-то, смущенно покраснев, заговорил:

— Товарищ... Простите, я не знаю вашего имени... Товарищ летчик, я должен вас поблагодарить за то, что вы заставили меня прыгнуть. Я ведь действительно струсил и, если бы не вы... В общем, прошу вас: не рассказывайте об этом в городе. Из наших никто не знает, что это был мой первый в жизни прыжок.

— Как? — удивился я. — Значит, вы никогда раньше не прыгали?

— Нет. И даже с вышки не приходилось. Из Низовки нам позвонили: больная очень плохо: гнойный аппендицит... Тогда я сказал старшему врачу, что будто не раз прыгал с парашютом с самолета...

— Этот случай научил меня многому, — закончил свой рассказ Павел Иванович. — Никчемными и ненужными показались мне вдруг все мои недавние выкрутасы в воздухе перед разумной отвагой этого парня.

СВАДЬБА МИНЕРА

Майор Александр Николаевич Нестеров был специалистом по разоружению вражеских мин.

Внешность у него самая обыкновенная: лицо худощавое, добродушное, глаза — голубые, когда он всем доволен, и серые — в минуты гнева. Матросы между собой называли его Голубоглазым.

— Всем хорош Голубоглазый, одно плохо: за тридцать перевалило, а он бобылем ходит, — сетовали они.

Но сегодня конец холостяцкой жизни. Прощай навечно, беспорядок на столе, заваленном частями обезвреженных мин, справочниками, записями, схемами.

Александр Николаевич сидит во главе свадебного стола. Рядом — молодая жена Люся. Она смущенно опускает глаза, когда гости, поздравляя, желают ей счастья и большой семьи.

Старый товарищ Александра Николаевича сказал, предварительно постучав ножом по тарелке:

— Сегодня, друзья, мы собрались, чтобы...

В это время раздался телефонный звонок, длительный, требовательный.

Александр Николаевич подошел к телефону, снял трубку:

— Майор Нестеров слушает.

Гости следили за его лицом. Оно было спокойным. Только меньше стало в глазах голубизны.

— Ясно, товарищ адмирал... Выхожу.

— Куда, Саша? — с тревогой спросила жена.

— Адмирал вызывает на беседу, — беспечно ответил он и, не стесняясь гостей, нежно поцеловал жену. — Извините, товарищи. Сами понимаете — служба остается службой...

— Надолго, Саша? — прошептала жена, прижавшись к нему в прихожей.

— Нет, Люсенок, — сказал Нестеров. — Не волнуясь.

Она проводила его до дверей, вернулась к гостям. А Нестеров, как только в прихожей стихли шаги жены, снова открыл дверь, взял в коридоре чемоданчик с инструментами, необходимыми для разоружения мин, и быстро зашагал по улицам города.

Остановился он на горе. Отсюда был виден порт — плавучий док, каменные стенки причалов, у которых стоят корабли, и краны, вечно

скрежещущие. Почти в центре гавани темнела громада землечерпалки. Углубляя канал, ковш зацепил и поднял со дна фашистскую мину.

Корабли, транспортеры и краны застыли. Тишина. Мертвая тишина. И это понятно: только специалист скажет, какая мина лежит в ковше землечерпалки — магнитная или акустическая. Вот почему замер порт, притаился: если мина акустическая, не взорвется она в тишине, будет смиренхонько ждать минера.

Александр Николаевич спустился к шлюпке, что ждала его у берега. Матросы энергично взмахнули веслами. За кормой сонно зажурчала вода.

Короткая, толстая, вся облепленная илом, покрытая ракушками и водорослями, лежала в ковше землечерпалки мина.

Мина — маленький завод с различными механизмами. Одни приводят ее в боевое положение, другие настраивают на момент взрыва.

Есть даже специальное устройство, которое позволяет заранее определить, когда, под каким кораблем должен произойти взрыв. Много в ней и ловушек, которые должны уничтожить мину и минера, попытавшегося разоружить ее. Коснешься какого-нибудь механизма, начнешь доставать запал — так и жди, что вот-вот последует взрыв. Даже простого винта нельзя вывернуть: проникнет в отверстие свет, сработает фотоэлемент — и столб огня, грохот взрыва...

Особенности фашистских мин, их ловушки Александр Николаевич знал. Только все ли?..

Наконец, он увидел марку мины. Теперь ясно: мина акустическая.

Александр Николаевич сидит, курит и думает. Думает о том, как подобраться к «жалу» мины, как вырвать его. Фашисты обычно ставили мины с таким расчетом, чтобы они взрывались под вторым кораблем. Мина может взорваться от любого звука, который будет продолжаться больше двух секунд.

Две секунды. Ноль — раз, ноль — два. Стоит сказать: «Ноль — три» — и уже взрыв. Смерть. Значит, ключами работать нельзя. Остается одно: резать ножом эбонитовую прокладку.

Александр Николаевич встает, подходит к мине.

Начали!

Нож касается эбонита. «Ноль — раз, ноль — два!»

Счет быстрый, чтобы не ошибиться.

Минутная пауза, и снова нож делает глубокую бороздку на прокладке.

Постепенно Александр Николаевич увлекся, забыл об опасности. Ему казалось, что дело спорится, скоро с миной будет покончено. И тут нож задержался на эбоните чуть дольше двух секунд. Чуть больше положенного времени. Прибор сработал: слышно тиканье часов.

Александр Николаевич замер.

Неожиданно часы остановились.

Значит, мина была установлена не на второй корабль! Значит, еще можно бороться, значит...

Только теперь работать нужно спокойно и внимательно, внимательно и спокойно. Проверил прорезанную в эбоните щель. Только три сантиметра...

На порт коршуном упала ночь. В домах постепенно гасли огни: люди ложились отдыхать. А минер все резал и резал эбонит.

— Ноль — раз, ноль — два, — шептали его пересохшие губы.

Город утонул во мраке. Только у шлюпки, на которой ждали майора матросы, светился огонек фонаря. «А как Люся? Хорошо, что не знает она ничего. Она спокойна».

«Ноль — раз, ноль — два, — майор прижимается лбом к холодной мине. — Ноль — раз, ноль — два...»

Потом Александр Николаевич не мог вспомнить, сколько раз отдыхал за ночь. Утро для него наступило как-то неожиданно. Просто он вдруг заметил, что видит не только темный контур мины, но и ракушки, водоросли, прорезанную щель.

Как много еще...

И тут мелькнула дерзкая мысль. «А что, если всунуть нож в щель и нажать на него? Эбонит хрустнет, отломится... А не взорвется мина? Не должна: звук будет продолжаться меньше трех секунд...»

Он вставил нож в щель и сильно нажал на рукоятку. Раздался громкий, короткий треск. Теперь в щель можно просунуть руку, можно вынуть взрыватель.

* * *

Обезврежена еще одна мина. Александр Николаевич помахал фуражкой. И тотчас раздался первый гудок. Это буксир пошел к пароходу, стоявшему на рейде. А еще через несколько секунд шевельнулась стрела одного крана, другого, требовательно засигналил какой-то шебер.

Ожил порт!

Матросы помогли минеру перебинтовать исцарапанную в кровь руку.

— Вас проводить, товарищ майор? — предложил один из них, когда шлюпка подошла к стенке.

— Нет, спасибо, я сам, — ответил он. — Разве вот только чемоданчик с инструментом... Занесите его днем и незаметно поставьте в прихожей. Жена у меня, — будто извиняясь, закончил он. — Как бы не узнала. Разволнуется еще чего доброго.

МАРТ 1961 ГОДА

УЧИТЕЛЬ МОЛОДЕЖИ

Уральской писательнице К. В. Рождественской исполнилось шестьдесят лет.

Мы, следопыты, поздравляем юбиляра с особенно теплым чувством. Клавдия Васильевна всегда много и охотно писала для детей и молодежи. Первый сборник ее рассказов посвящен живителям камня — юным гранильщикам. Повесть «В старом доме» рассказывает о жизни девочки, о становлении ее характера в трудные годы Отечественной войны.

К. В. Рождественской особенно близки историко-революционные темы. Да это и понятно. Писательница родилась в семье рабочего Воткинского завода. Хотя она и не могла помнить известную забастовку 1902 года и бурные события 1905 года, когда в Воткинске был создан Совет рабочих депутатов, рассказы об этом слышала в раннем детстве и с детства привыкла уважать борцов революции. Наши читатели уже знакомы с повестью Рождественской «Одной дорогой». Эта повесть рассказывает о революционных событиях 1905 года на Урале.

Рождественская работала учителем, окончила университет, стала редактором. Когда в 1932 году она приехала в Свердловск, здесь не было ни детской литературы, ни детских писателей. Детская литература на Урале была создана при самом горячем участии Клавдии Васильевны. Отложив в сторону свои рукописи, не думая об отдыхе, Рождественская «сколачивала» авторский круг, практически помогала каждому, кто соглашался писать для детей. Восемь лет отдала она этому делу.

Остальные восемь — из шестидцати лет, прожитых в Свердловске, — К. В. Рождественская была главным редактором издательства. Многим начинающим помогла, можно сказать, вырастила их. Затем, переехав в Пермь, она возглавила писательскую организацию. В ее недавно вышедшей книге «За круглым столом» — и теоретические сведения, и наблюдения писателя, и воспоминания редактора.

В настоящее время К. В. Рождественская — на пенсии... Но это не значит, что она сложила оружие. К доброй дюжине книг и многочисленным статьям прибавляются новые. Рождественская — член горкома партии, народный заседатель, неустанный помощник начинающих писателей, член бюро писательской организации, редакционного совета издательства, редколлегии нашего журнала. У нее большие и интересные творческие замыслы. В характере Клавдии Васильевны мы видим поистине следопытские черты: непрерывные искания, упорство в достижении цели, трудолюбие, стойкость, потребность активно вмешиваться в жизнь.

Пожелаем ей крепкого здоровья и плодотворной работы!

КЛУБНЫЙ ДЕНЬ «СЛЕДОПЫТА»

17 февраля клуб «Следопыт» свердловской школы № 77 проводил клубный день на тему: «Люби и изучай свой край».

С начала учебного года учащиеся разных классов готовили материалы по темам: «Урал — земля золотая», «Люди Урала», «Далекое прошлое уральской земли», «Гражданская война на Урале», «Герои-уральцы в годы Великой Отечественной войны», «Индустриальный Урал сегодня».

В течение учебного года ребята встречались с членами бригад коммунистического труда, с ветеранами гражданской и Великой Отечественной войн, со старожилами Свердловска. Они побывали на экскурсиях в музеях города, на предприятиях. Прочитали много краеведческой литературы.

К клубному дню следопыты подготовили интересную выставку. В классе и коридоре — стенды, посвященные Уральскому добровольческому корпусу, легендарному разведчику Николаю Иванову Кузнецову, Героям Советского Союза, живущим в нашей области.

Фотовитрина «Их именами названы улицы Свердловска» рассказывает о героях революции и гражданской войны. Много газет: «Говорит Следопыт», «Урал — жемчужина будущего», «Комсомол города в строительстве социализма» и другие.

На проведение клубного дня в школу собрались гости. Следопыты рассказали им о своих делах. Экскурсоводы провели экскурсию по своему школьному краеведческому музею, дали концерт художественной самодеятельности.

СО СЛЕТА ДРУЖНЫХ

ЗАМЕТКИ

Открытие слета дружных

Мы снова встретились с Дайной. С той самой маленькой туристкой из Риги, с которой познакомилась и подружилась прошлым летом в Башкирии на I Всероссийском слете туристов. Наш отряд тогда возвращался после большого путешествия по шестидесятому меридиану.

Дайна Колейя — копировщица одного из научно-исследовательских институтов Риги. Она кончает школу рабочей молодежи и собирается быть архитектором. Девушка рассказывает, а я очень ясно представляю: вот она, одиннадцатилетняя девочшка, впервые отправляется в туристский поход. Правда, пока еще недалеко от дома проходит ее маршрут — по Латвии.

Дайне пятнадцать лет. Она на Кавказе. 20 человек штурмуют Эльбрус, многие из них уже бывалые туристы, прошедшие не один трудный перевал и взбиравшиеся не на одну вершину. 20 человек штурмуют... А поднимаются на вершину лишь четверо. Дайна среди них.

Ну, а потом Хибины, опять Кавказ, Саяны, Урал.

Урал... Медленно бежит Белая, медленно шелестит лес, и быстро, горячо говорит Дайна:

— Я обязательно приеду на Урал опять. На Средний, Северный. Обязательно.

Тогда много было солнца, зелени... А в это февральское воскресенье, когда мы вновь встретились с Дайной, было много снега, крепкого и глубокого. Много солнца и веселых лиц. Да иначе ведь и не могло быть в день Слета Дружбы.

Со всех концов страны приехали сюда, к нам на Урал, к обелиску на границе Европы и Азии, что на 42,2 километре Московского тракта, туристы из Красноярска и Июшка-Олы, Ташкента и Запорожья, Ростова и Темир-Тау — из 27 городов Союза и 12 городов Свердловской области.

Эта традиция родилась десять лет назад, когда впервые к обелиску вместе со свердловскими туристами пришли пермяки и москвичи. С тех пор каждый год, в первое воскресенье февраля, здесь собираются любители трудных дорог, далеких и нелегких странствий.

— Мы приехали сюда, на Урал, издалека. Мы, строители «Казахстанской Магнитки», недавно задули первую домну. И сюда, на слет, привезли плитку нашего первого чугуна, чтобы вручить его команде-победительнице. Особенно радостно, что ею оказалась команда Уралмаша, — так сказал представитель команды из Казахстана, и долго, сердечно хлопали ему друзья со всех концов страны.

Плитка первого чугуна «Казахстанской Магнитки», шахтерский фонарь из Донбасса, изделия стекольного завода из Ирбита, вятская игрушка из Кирова... В каждом из подарков, которые принесли на слет, — трудовое лицо того города, края, откуда везли и несли их туристы, чтобы вручить друзьям вместе с частицей своего сердца.

— Впервые в этом году мы увидели настоящую зиму, снег. Дома, в Риге, идут дожди. И когда мы уезжали на слет, рижане сказали нам: привезите пару вагонов снега. — Юрис Янсонс, студент Латвийского политехнического института, под общий одобрительный смех произносит эти слова.

— У вас снежный край и очень хорошие люди. Мы очень благодарны неизвестным юноше и девушке. Узнав, что у одной туристки в нашей команде сломались лыжи, они отдали свои, а сами много километров шли пешком по глубокому снегу, — говорит Казимир Мукаис, инженер-мелиоратор из Риги.

— Не понимаю, как можно радоваться снегу, морозу! — Эти слова принадлежат Олегу Орестову, туристу из Ташкента. Олега нетрудно понять: под Нижним Тагилом туристы Узбекистана попали в сорокаградусный мороз.

О. БУЛГАКОВА

ВПЕРЕДИ — ПОЛЯРНЫЕ СНЕГА

Мы, туристы Уралмашзавода, готовимся к походу высшей категории трудности на Приполярный Урал. Проверяем лыжи, клепаем походные печки, шьем бахилы и обзаводимся шерстью, например шерстяными носками. В марте мы проникнем в этот далекий край, где еще крепка зима, и светло и ясно от снегов. Поднимемся на гору Народную. Заглянем в кар Корона, о котором так восторженно рассказывают геологи. Посетим почти неизвестный туристам хребет, где поднимается таинственная гора Ярота.

Мы многое увидим, но не забудем и о тех, кто остался в Свердловске. В труднейший поход, куда берут половину полотенца и расческу ломают надвое, мы возьмем кинокомплект в 30 килограммов и постараемся снять в этом краю цветной кинофильм.

П. Владимиров,
участник похода.

Команда Башкирии на закрытом маршруте

КАЛЕНДАРЬ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

18 (5) марта 1906 года в Екатеринбурге вышел первый номер сатирического журнала «Гном».

22 (10) марта 1881 года в семье горного смотрителя в селе Куве (ныне Коми-Пермяцкий национальный округ, Пермской области) родился Валентин Петрович Вологдин — выдающийся советский ученый, автор многих открытий и изобретений в области высокочастотной техники, член-корреспондент Академии наук СССР, заслуженный деятель науки и техники.

Вологдин был награжден первой золотой медалью имени А. С. Попова, дважды удостоен звания лауреата Сталинской премии, награжден орденом Ленина и другими орденами и медалями Советского Союза.

8 марта (25 февраля) 1721 года начальник горных заводов Урала В. Н. Татищев издал «наказ» об устройстве школы в Уктусе. После постройки Екатеринбург в 1723 году эта школа была переведена в город, где, слившись с переведенной сюда же кунгурской арифметической школой, положила основу первому учебному заведению столицы горнозаводского Урала.

23 (12) марта 1731 года основан Троицкий медеплавильный завод на реке Талице. В середине XVIII века он получил известность своими художественными бытовыми изделиями из красной меди и бронзы (кувшины, чайники, подсвечники, люстры и пр.). Сохранившиеся экземпляры этих изделий можно увидеть в центральных и местных музеях. Но сохранилось их очень мало, и поэтому каждая новая находка будет ценным приобретением краеведческих хранилищ.

КАМСКИЙ ФЛОТ

30 (18) марта 1846 года в Перми возникло «Пермское пароходное общество», положившее начало регулярному судоходству по реке Каме и ее притокам.

Суда на Каме появились очень давно. Еще в XVI веке, после падения Казанского ханства, по реке шли баржи с солью из Чердыни, Соликамска, Чусовских Городков. А к началу XVIII столетия Кама и ее самый большой приток Чусовая стали важнейшими путями доставки изделий растущей уральской металлургической промышленности: весной 1702 года проплыл первый караван, груженный металлом и пушками.

При сплаве и подъеме судов по Волге и Каме в навигацию работало до 300 тысяч бурлаков. В 1816 году на Каме появился первый пароход, построенный крепостными на Пожевском заводе Всеволожского под руководством инженера Соболевского. Однако регулярное пароходство началось только с весны 1846 года.

Ныне Камский флот насчитывает свыше 500 единиц. Суда Камского флота связаны с Черным, Каспийским, Балтийским, Белым и Азовским морями. Порт Пермь стал портом пяти морей.

10 марта 1953 года скончался Аркадий Дмитриевич Швецов — знаменитый конструктор авиационных моторов, четырежды лауреат Сталинской премии, Герой Социалистического Труда, доктор технических наук. Аркадий Дмитриевич родился в Нижне-Сергинском заводе в 1890 году в семье бывшего крепостного рабочего.

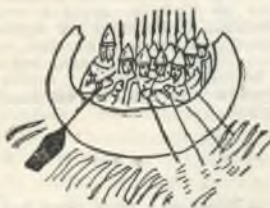
11 марта 1918 года рабочие Лысьвенского металлургического завода постановили взять завод и управление Лысьвенским горным округом под свою ответственность. На собрании был избран Деловой совет, и ему было поручено руководство заводом и округом...

12 марта 1920 года при Пермском университете открылся первый на Урале рабфак (рабочий факультет).

17 марта 1934 года сдан в эксплуатацию первый советской калийной промышленности — Соликамский калийный комбинат.

Залежи калия в Соликамске были впервые обнаружены Н. П. Рязанцевым в 1906 году, но разработка их началась только в годы Советской власти, когда профессор П. И. Преображенский открыл здесь колоссальные запасы калийных солей, составлявшие 80 процентов известных мировых запасов калия.

В марте 1960 года организован в Перми Политехнический институт. Это высшее техническое учебное заведение создается на базе Пермского горного института, вечернего машиностроительного института и технического факультета университета.

ПОЛКА УРАЛЬСКОГО КНИЖНИК СЛЕДОПЫТА

БУДЕТ ИЗДАНО

В ЧЕЛЯБИНСКЕ

В этом году Челябинское книжное издательство обещает выпустить несколько интересных книг о своей области.

Большой сборник (25 печатных листов) под названием «Челябинская область» включит в себя материалы об истории заселения территории области, развитии промышленности и сельского хозяйства, о гигантских преобразованиях в экономике и культуре. Книга будет иллюстрирована фотоснимками с исторических документов, репродукциями картин и фотографиями сегодняшних дней. Такой справочник давно ждут краеведы и туристы.

Интересными обещают быть сборники: «Творцы счастья» — рассказы молодых литераторов о нашем современнике и «Романтические будни» — стихи начинающих поэтов о романтике, о людях сильных и мужественных, о жизни неутомной, о штурме неизведанных вершин, непроходимых дорог.

Будут изданы книжки о городах области — Златоусте, Троицке, Сатке, о прошлом, настоящем и будущем их.

Брошюра Д. Ткалича «Музеи Челябинской области» расскажет об истории возникновения музеев и даст краткую характеристику их фондов.

КАЛЕНДАРЬ-СПРАВОЧНИК

Вот уже третий год подряд в Перми выходит «Календарь-справочник Пермской области». В его составлении принимает участие большой коллектив краеведов, ученых, журналистов.

Это настоящее краеведческое издание. В нем помещены замечательные и памятные даты, заметки о прошлом, настоящем и будущем области, характеристика погоды и явлений природы по месяцам, советы садоводам, охотникам, рыбакам, натуралистам, туристам, приведены интересные рецепты блюд «уральской кухни». Краткое описание городов и районов области — ценный справочный материал не только для приезжего человека, но и для старожилы края.

В «Календаре-справочнике» есть адреса и телефоны пермских областных и городских организаций и учреждений, высших и средних учебных заведений (с их характеристикой), подроб-

ные сведения о железнодорожном, речном, воздушном транспорте.

Любопытен раздел «Географические названия рассказывают...». Это словарь местных названий рек, озер, гор, скал и населенных пунктов области с объяснением их происхождения и значения.

«Какое имя дать ребенку?» — так озаглавлен список русских имен, составленный известным собирателем словаря таких имен, устькаменогорским врачом-пенсионером Н. А. Петровским. В списке даны не только имена, но и объяснение их первоначального значения. Так, оказывается, имя Андрей обозначает мужественный, Архип — господин лошадей, Петр — камень, скала, Степан — венок, а Тамара по-арабски значит финиковая пальма.

В конце «Календаря» приведен список новой литературы о Пермской области (как отдельные книги, так и материалы в журналах и сборниках).

Год от года «Календарь-справочник» становится все лучше и интереснее. Коллектив его составителей работает увлеченно, с выдумкой, внимательно прислушиваясь к замечаниям читателей.

Хорошее, нужное издание выпускают пермяки! И как хорошо, если бы издательства других областей нашего края подхватили эту инициативу и стали бы выпускать у себя подобные «Календари-справочники».

А. П.

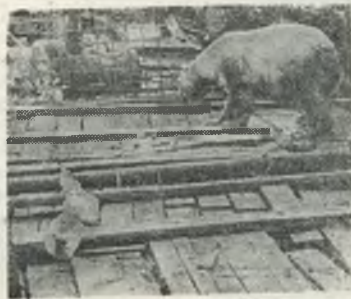
МИШКА-БЛОНДИН

Эти снимки мне удалось сделать в арктическом порту Тикси. Уже второй год в доме у работника порта Устинова жил белый медведь.

Белые медвежата на полярных станциях и ледоколах встречаются довольно часто. Эти веселые, игривые зверьки доставляют полярникам и морякам много удовольствия. Но такого взрослого «домашнего зверя» я видел впервые.

Обычно белые медведи по долгу среди людей не заживаются. С возрастом они становятся особенно злыми и кровожадными, как и их родичи, бегаю-

щие на свободе среди льдов Арктики. А тут — медведь, проживший чуть ли не два года среди людей, да еще в таком поселке, как Тикси, где полно ребятишек! Интересно, что медведь слушается хозяина беспрекословно.

У Устинова вообще большое «хозяйство»: курицы, собака. Все они безбоязненно бродят вокруг медведя в поисках корма. Особенно большой друг его — собака, сибирская лайка. Нарушая все законы природы, эти исконные враги так крепко сдружились, что если лайка убегает куда-нибудь,

то «блондин-Мишка» [как шутят в поселке] места себе не находит.

Устинов рассказывал, что как-то он ушел в порт, захватив с собой и лайку. Мишка не выдержал одиночества: поныл-поныл [конечно, басом!], затем вывернул цепь, на которой сидел, и пошел на розыски. Представьте себе: большой белый медведь, не обращая внимания ни на людей, ни на собак, шествует по поселку!

Все-таки он нашел своих друзей в столовой. После этого, отправляясь из дому, хозяин никогда уже не брал с собой собаку.

А. МИХЛИН, радист атомохода «Ленин».
Фото автора.

Здравствуйте, дорогие друзья! Будем знакомы: я — «Хэнэк», что по-русски означает «Вилы». Род моих занятий — сатира и юмор. Своими острыми зубьями я довольно чувствительно поддеваю всякого рода носителей общественного зла, подвергаю тщательной сатирической чистке «родимые пятна капитализма» и вывожу эти пятна. Там, где я прохожу, чище становится воздух, ярче горят огни будущего и светлеет на душе.

Итак, перед вами башкирский сатирический журнал «Хэнэк» со своими карикатурами. «Следопыт» отыскал меня за отрогами Южного Урала и для первого случая позвал к себе в гости моих художников. Надеюсь, в будущем «Следопыт» сумеет предоставить место и для моих фельетонистов, рассказчиков и поэтов.

До новых встреч! Читателям «Следопыта» мой пламенный башкирский салаям!

«Хэнэк»

Главный редактор В. Очеретин. Зам. главного редактора Л. Неверов. Редакционная коллегия: В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров (ответственный секретарь журнала), Ю. Курочкин, А. Малахов, К. Рождественская, Г. Томилов, В. Шустов.

Адрес редакции: Свердловск, ул. Малышева, 24; телефон Д1-22-40. Рукописи не возвращаются. Художественный редактор А. Асс. Технический редактор Э. Максимова. Обложка В. Жабского.

Подписано к печати 14/III 1961 г. Бумага 84×108/16=2¹/₂ бум. листа, 8,2 печ. л. 9,49 уч.-изд. л.
НС 23800. Тираж 80000 Цена 30 коп. Заказ 46

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, ул. им. Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

БАШКИРСКИЙ ЖУРНАЛ
 „ХЭНЭҚ“
 В ГОСТЯХ У ЖУРНАЛА
 „УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ“

Рис. А. Андропова.

Загрязнение рек республики продолжается.
 — Выжмем еще одного ерша, и я наверняка смогу доехать до ближайшего заправочного пункта.

Рис. Г. Мустафина.

— Дяденька, а на себе писать уже негде?

Рис. С. Фадеева.

Рис. А. Барсукова.

